

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

ВЫПУСК 3

ISBN 978-5-4217-0135-4

9 785421 701354

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр

43-38-36

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИКИ**

Сборник научных трудов

ВЫПУСК 3

Курган 2012

УДК 41
ББК 81
А 43

Актуальные проблемы лингвистики: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.Р.Ратушная. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2012. – Вып.3. -182 с.

В третий выпуск сборника вошли научные труды, в которых рассмотрены различные аспекты языковой картины мира: структурно-семантический, культурологический, коммуникативно-прагматический. Освещены актуальные проблемы современной лексикологии, фразеологии, диалектологии, анализа художественного текста и другие. Исследования проводятся на материале русского, французского, английского и немецкого языков.

В сборник включены статьи преподавателей, аспирантов и студентов Курганского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного университета. Сборник адресован ученым-филологам, аспирантам и студентам.

Редакционная коллегия:

Д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, руководитель научного направления «Языковая картина мира в структурно-семантическом, когнитивно-прагматическом и лингвокультурологическом аспектах» **Ратушная Е.Р.** (отв.редактор);
канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка **Медведева Н.А.**;
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка **Шведова Н.В.**;
ст. лаборант кафедры русского языка **Воронина Т.Ю.**

ISBN 978-5-4217-0135-4

© Курганский
государственный
университет, 2012
© Авторы, 2012

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

Лексико-фразеологические наименования человека в прозе И.А. Бунина не только номинируют лицо, но и выражают субъективную, авторскую оценку, выполняя прагматическую функцию, т.е. проявляют «отношение говорящего к действительности, к содержанию общения и к адресату речи» [Зимин 2000: 13]. Прагматикой называется «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [ЛЭС 2002: 389].

Прагматическая функция имеет разновидности, в прозе И.А. Бунина можно выделить следующие функции, являющиеся реализацией прагматической: эмотивную, характерологическую - используются в качестве средства самохарактеристики персонажа, служат для осуществления коммуникативных потребностей действующих лиц произведения.

В произведениях И.А. Бунина контекст и речевая ситуация могут придать экспрессивность лексической или фразеологической единице (ФЕ), которая в языковой системе является нейтральной. Например, фразеологизм **духовное лицо** имеет значение «священник» и является стилистически нейтральным, однако в контексте он может приобретать положительную или отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску: [Батенька]: – *Что за шум такой? Что вы, батюшка, на неё кричите...? Вы не можете палкой махать, а должны откровенно объяснить, по какому такому праву капуста вашей сделалась? Мы, мол, люди бедные, мы до суда дойдем. Вы, говорит, **духовное лицо**, вражду не можете иметь, за это вашему брату к святым дарам нельзя касаться* (Хорошая жизнь, т. 2, с. 181). ФЕ вводится в контекст с помощью слов, усиливающих его узуальный смысл. Субъект речи указывает на исключительность роли священника в обществе, это не просто служитель церкви, это человек, совершающий церковные таинства, отправляющий богослужение. Он близок к Богу, поэтому не может иметь человеческих слабостей, тем более проявлять их. Анализируемый фразеологизм обладает положительной коннотацией. В речи дочери потерпевшего за правду крестьянина в значении исследуемой ФЕ актуализируется коннотативная сема «отрицательная окрашенность», фразеологизм приобретает пренебрежительный оттенок значения: *Суд да дело, сослани батеньку за это самое, за **духовное***

лицо, на поселение. Осталась я одна на всем белом свете... Видно, правдой не проживешь... (Хорошая жизнь, т. 2, с. 181). В сознании субъекта речи **духовное лицо** – это уже не служитель божий, а просто человек, который ради своей собственной выгоды забывает божьи заповеди, забывает о своем священном сане. Поведение священника, противоречащее и божьим, и человеческим законам, приводит героиню к мысли, что если для человека, посвятившего свою жизнь служению Богу, справедливость – «пустой звук», то, значит, «правдой не проживешь». Кроме того, ФЕ вводится в высказывание с помощью местоимений «это самое», подчеркивающих пренебрежительное отношение субъекта речи к данному человеку. Актуализатор отсылает читателя к безобразной сцене в начале рассказа. Героиня подчеркивает, что это именно **тот самый** священник, поступивший с ними несправедливо, то есть в её сознании за ФЕ **духовное лицо** закрепился образ конкретного человека.

В произведениях И. А. Бунина доминируют антропонимы, имеющие резко негативную оценочность: **олух царя небесного, деревня стоеросовая, дурак набитый, неуч слабоумный, ослиная челюсть, дурак седой, болван, идиот, дурак, стерва, скот, зверь** и др. Преобладание ЛФАН с отрицательной коннотацией в прозе писателя связано с тем, что такие единицы являются наиболее образными, яркими, позволяют метко охарактеризовать героя, выразить чувства говорящего. Например: *И шорник цепко, на лету, ловил его слова. – Ты сам бродяга-то! – вопил он, наливаясь кровью. – Ты, дурак седой! Ай, я сам не знаю, сколько земли-то у тебя?* (Деревня, т. 2, с. 23). *Кузьма сжал зубы и, подумав, сказал: – А стерва ты мужик. Зверь* (Суходол, т. 2, с. 73). *«Дурак! – подумал Егор. – Без бурки! А спроси его, какая такая бурка – ни елды, кислая шерсть, не знает...»* (Веселый двор, т. 2, с. 244). Данные ФЕ используются в стилистически сниженном, бранном контексте, в речи персонажей малообразованных, малокультурных, занимающих низкое социальное положение. Например, в речи крестьян в произведениях писателя, как правило, чаще всего употребляются стилистически сниженные, просторечные, бранные антропонимы: *[Митрофан]: – Это он-то не жаден! Да он, дьявол слепой, за копейку в алтаре удавится. Верите ли – жену за пятиалтынный продал! Ей-Богу не шучу...* (Деревня, т. 2, с. 72). *[Мучник Черняев]: – Взгляды? Это у тебя-то взгляды? Это ты-то левее? Да я тебя еще без порток видал! Да ты с голоду околевал, не хуже отца своего, **побирушки!**..* (Деревня, т. 2, с. 62). Использование данных единиц позволяет метко охарактеризовать объект высказывания. Это совсем не означает, что в речи образованных слоев общества, занимающих достаточно высокое социальное положение, не употребляются стилистически сниженные наименования человека.

Однако, по данным нашей картотеки, фразеологические единицы, характеризующие лицо положительно, имеющие в словарях помету «высокое», относящиеся к книжной фразеологии, в произведениях И.А. Бунина практически не используются в речи крестьян.

Антропономинанты, имеющие позитивную оценочность, в произведениях И. А. Бунина очень немногочисленны: **золотая голова, золотые руки, умная голова, умница, гений, самородок, счастливец** и т. п. Вероятно, это связано с тем, что наиболее заметными становятся какие-либо отрицательные качества в характере, поведении человека или какие-либо отклонения в его физическом облике. Например: *Он [Герваська] вполне оправдывал слова Петра Петровича, вслух говорившего гостям: – До чего дерзок этот дылда, вы и представить себе не можете! Но положительно гений! Золотые руки!* (Суходол, т. 2, с. 133). – *А это кто, не знаете? – продолжал я... – <...> Это настоящий клубный посетитель, и про него непременно говорят, что он – умница, золотая голова...* (Без роду-племени, т. 1, с. 174).

Использование антропономинантов, обладающих ярко выраженной коннотацией, позволяет писателю максимально полно передать широкий спектр человеческих чувств и эмоций действующих лиц по отношению друг к другу.

Наименования человека позволяют автору создать меткий, ёмкий образ человека, представить его речевой портрет, т.е. являются средством речевой характеристики, выполняют характерологическую функцию.

Лексемы и фразеологические единицы, называющие человека, в произведениях писателя часто используются в речи персонажей и автора. Для понимания того, какой смысл говорящий вкладывает в определенную единицу в конкретной речевой ситуации, нужно учитывать её окружение, позицию в высказывании, причины употребления, ассоциации, связанные с данной единицей. Выбор того или иного слова или фразеологизма в процессе общения связан с эмоциональным состоянием говорящего, с богатством или бедностью его лексикона. Высказывание конкретного носителя языка в определенной речевой ситуации, по мнению Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых, «кроме заключенной в нем кодифицированной знаковой информации, выражает прагматическую значимость: несет информацию о говорящем и его отношении к партнеру по коммуникации. Причем чаще всего такая информация выражается независимо от воли субъекта речи и, следовательно, относится к сфере его речевого поведения» [Алефиренко, Золотых 2004: 220]. Слушающий всегда подсознательно выявляет и учитывает прагматическую значимость высказывания в речевом общении.

Герои в произведениях И.А. Бунина принадлежат к разным слоям общества, это помещики, мещане, крестьяне. Кроме того, писатель изображает представителей различных профессий: докторов, учителей, землемеров, ветеринаров и т. д. Подчиняя язык реально-бытовой, социально-психологической характеристике своих героев, И.А. Бунин удивительно верно передает их речевую манеру, речевой стиль как типичных представителей своего сословия, определенного времени и места. В монологах и диалогах крестьян, мещан проявляется не только их манера говорить, абсурдная логика речи, но и сам строй мышления, чувствования и даже духовный облик нации. Бунин сохраняет и передает в письменной форме различные индивидуальные особенности речи героев, например:

– *Таперь! - передразнил Тихон Ильич. - Деревня стоеросовая! А еще революционер. Лезешь в волки, а хвост собачий* (Деревня, т. 2, с. 47). В слове **революционер** при произнесении упрощается состав фонем путем стяжения гласных, что, безусловно, является отклонением от нормы, отражает особенности просторечия.

– *...Вышколил, говорю, ихнего брата – куда годишься...* (Деревня, т. 2, с. 77). Говорящий употребляет просторечную форму фразеологизма **ихнего брата** вместо **их брата**, использование местоимений **ихний, ихняя, ихнее** не соответствует литературным нормам, поэтому применение данной ФЕ характеризует субъекта речи, как человека малограмотного.

[Любка]: <...> – *Ну, да авось, все одно в аду кипеть.*

– *За что же это? – спросил купец.*

– *Да за все. Наше место в аду. Старые люди говорят, все одно из мужиков в святые не выходят. Всегда из архиреев, алхимандритов* (Игнат, т. 2, с. 270). В диалоге героиня Любка использует неправильные, просторечные формы лексем **архиерей, архимандрит**. Данные слова были заимствованы русским языком из греческого, они служат для наименования служителей церкви, в разговорной речи употребляются довольно редко. Для облегчения произношения субъект речи упрощает звуковой состав лексем, т.е. сочетание гласных [ие] в слове **архиерей** подвергается стяжению в один звук [и], вместо звука [р] произносится [л].

А он [Иванушка], не поднимая головы, зная ее ласку только по голосу, тихо ныл в ответ, иногда бормотал: «Спаси тебе господь, внучка», широко и неловко, точно лапой, крестился и жадно принимался за еду (Деревня, т. 2, с. 92). В речи Иванушки обнаруживаются диалектные черты, в частности в слове **внучка** наблюдается яканье и на его фоне ассимилятивное смягчение заднеязычного согласного [к].

В речи персонажей в произведениях И.А. Бунина употребляются лексические диалектизмы, называющие человека: **галман** – «1. Крикливый, шумливый или болтливый человек. Ворон., калужск. и др. 2. Бранное прозвище. Ворон., тул.» [СРНГ, т. 6: 115], **дулеб** – «Бранное. Глупый, бестолковый человек, остолоп, простофиля. Орл., курск., ряз.» [СРНГ, т. 8: 253], **псовка** – «ябедница, сплетница, все портящая» [Даль 2004, т. 8: 321-322], **годовой** – «работающий год по найму» [СРНГ, т. 6: 273], **годный** – «новобранец, рекрут» [СРНГ, т. 6: 270], **сидяка** – «человек без ног, параличный, не могущий ходить» [Даль 2004, т. 11: 77] и т. д. Например: [Яков]:– *Ревнует... В снохачи меня записала...* (Деревня, т. 2, с. 22).

[Кузьма]: – ... *золовки – непременно «псовки да кляузницы»* ... (Деревня, т. 2, с. 31).

Активное употребление писателем диалектной лексики позволяет передать колорит народной речи, особенности говора крестьян различных губерний (Орловской, Курской, Воронежской и т.д., т.е. родных писателю мест, а также губерний, где он когда-то бывал).

И.А. Бунин отмечает и случаи неразличения значения двух слов, что характерно для речи необразованных или малограмотных людей, например, **учитель и ученик**:

- *Что ж, учатся ребятишки-то?* – спросил Кузьма.
- *Обязательно, - сказал Оська. – Ученик у них – бядовый!*
- *Какой ученик? Учитель, что ли?*
- *Ну, учитель, одна честь...* (Деревня, т. 2, с. 76-77).

Употребление слова **ученик** вместо **учитель** вызывает сначала недоумение собеседника, Оська не различает данные лексемы по значению, может быть, это отчасти связано с тем, что они имеют сходство в морфемной структуре и общую сему “процесс обучения”.

И.А. Бунин отражал в своих произведениях особенности речи представителей разных национальностей. Особенно активно писатель изображал говор украинцев, используя лексику украинского языка, отображая графически манеру произношения, свойственную малороссам: **кацап, тату, сірота, козак, дивчата** и др. Например:

– *Прокинулись сю ніч, – говорил Юхым растерянно, – прокинулись вони, Зинька, та й кажуть: «Їдемо на переселення!» – «Як же так, тату, вы ж казали...» – «Ні, кажуть, я сон бачив...»* (На край света, т. 1, с. 72).

В рассказе И.А. Бунина «Сила» отображены особенности фени, бытовавшей в речи мелких торговцев, коробейников, в XIX – начале XX вв. Автор

приводит только одну фразу в повествовании главного героя, мещанина Буравчика, которую персонаж сразу же переводит. Например: [Буравчик]:

– ...А лесник, надо тебе заметить, оказывается, вдовец, старик древний, да такой, что я и отродясь не видывал: просто орутан какой-то! Брат Егор даже испугался маленько. Глянул на меня, да и говорит мне по фарам, чтобы, значит, не понял нас лесник: «**Брафарат**, афара, вефередь эферетофоро **звеферерь**. Офорон мофорожеферет уфурубифирить нафарас». То есть, по-русски сказать так: «Брат, а ведь это зверь. Он может убить нас...» (Сила, т. 2, с. 174).

Лингвистическое поведение индивида связано с его социальной ролью в обществе. В.В. Виноградов отмечал, что интересный материал для изучения профессионально-диалектных форм можно извлечь из рассказа И.А. Бунина «Ловчий», относящегося к позднему периоду его творчества. В этом произведении «образ старого ловчего из дворянского поместного быта художественно изображается красками его старинной профессиональной речи с примесью дворянского европеизма» [Виноградов 1981: 54]. В рассказе «Святые» бывший дворовый Арсенич читает жития святых, живет воспоминаниями о прошлом, о временах крепостного права. В связи с этим в его речи присутствует в основном книжная лексика и фразеология, часто торжественная, высокая. Арсенич рассказывает барчукам о житиях разных святых, поэтому фразеологизмы-антропониманты, присутствующие в его речи, часто имеют книжную функционально-стилевую окраску: ... *оказывается, эта девица Елена... ну, просто сказать, тяжелая, беременная, и уж никак нельзя скрывать этого больше, сама природа не позволяет... Боже мой, – воскликнул Арсенич, качая головой: - что тут было делать монахиням! Свет* *езде бездушен, а ведь она **плод любви** понесла!* (Святые, т. 3, 161). Рассказывая о бедственном положении девицы Елены, Арсенич попадает в затруднительную ситуацию, поскольку он пытается говорить «по-книжному», то сначала не может найти нужных слов для того, чтобы рассказать о её беременности. Он использует просторечное прилагательное **тяжелая**, тут же подбирает нейтральный синоним **беременная**, но на этом не останавливается, а добавляет, что она «**плод любви** понесла». В данном случае Арсенич называет ребенка иносказательно, употребляя перифрастический фразеологизм **плод любви**, обладающий высокой стилистической окраской. Показательно употребление слова **свет** в значении «светское общество и его представители». Выражение «**свет** *езде бездушен*» почерпнуто Арсеничем из прочитанных книг, может быть, из бесед дворян. Арсенич использует для наименования Елены лексемы: **блудница, мученица, красавица, кокетка, грешница, пе-**

чальница. Употребление книжной лексики свидетельствует о том, что он относится к ней с симпатией, с жалостью, не осуждает. Следовательно, на речевое поведение бывшего дворового, без сомнения, оказала влияние близость к языковой среде дворян.

И.А. Бунин приводит примеры употребления в речи образованных персонажей иностранных выражений, в составе которых используются лексико-фразеологические антропонимы:

– *Игнатик!* – *пробовала вмешаться Наталья Борисовна, делая страдальческое лицо и смеясь внутренним смехом.* – *Keep your temper, Sir!* (На даче, т. 1, с. 144).

– *Où êtes-vous, mes enfants?* – *жантильно улыбаясь, кричала она [тетя Тоня]...* (Суходол, т. 2, с. 116).

Антропонимы довольно часто используются персонажами в качестве самонаименований. Как правило, для самохарактеристики субъект речи употребляет ФЕ или лексемы, обладающие положительной окраской, например:

– *Вот буду жить в новом доме, проснусь так-то ночью, гляну, ан мне из залу все и видно,* – *сказал Лукьян Степанов, показывая на окошечко, глядевшее из дома во двор.* – *Понял? Умно придумано? Истинно, как Адам в раю, живу! Истинно, князь во князьях* (Князь во князьях, т. 3, с. 64). Говорящий использует фразеологизм **князь во князьях** для самоназвания, он оценивает себя положительно, поскольку гордится новым домом, который скоро достроит, он богат «имеет сорок тысяч», живет «как Адам в раю», что, с его точки зрения, служит достаточным аргументом для уважения окружающих.

Лексико-фразеологические наименования человека используются в прозе И.А. Бунина для реализации коммуникативных потребностей персонажей произведения. Выбор того или иного антропонима говорящим осуществляется в зависимости от характера речевой ситуации, т.е. от целей, которые преследует говорящий, в конкретном речевом акте. Например: *Павел Петрович, презрительно скосив губы, пожал плечами и спокойно, тоном, каким говорят с детьми, возразил:*

– *Да не обыкновенные же магазины, деточка! Ведь можно было догадаться, что я говорю про лавчонки, где продают... Ну, крестики разные, картинки...* (Помещик Воргольский, т. II, с. 377). Субъект речи обращается к собеседнику, взрослому мужчине, используя лексему **деточка**. Автор указывает причину употребления именно этой единицы: говорящий стремится как можно яснее показать свое раздражение, уязвить своего собеседника.

Таким образом, лексико-фразеологические наименования человека в произведениях И.А.Бунина реализуют прагматическую функцию, т.е. позволяют автору передавать чувства, эмоции персонажей, также выступают как средство речевой характеристики действующих лиц, создают их речевые портреты. Героям разных социальных слоев присущи свои речевые особенности. С точки зрения стилистической характеристики, в произведениях Бунина преобладают разговорно-просторечные слова и фразеологизмы, которые вносят в речь оттенок непринужденности, простоты, отражают язык простого народа. По эмоционально-экспрессивной окраске преобладают единицы с отрицательной окраской, в частности, бранные.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – 296 с.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Правда, 1956. – Тт. 1-3.
3. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. – М.: Мир книги, 2004. – Тт. 1-12.
5. Зимин В.И. Оценка и эмотивность как основные прагматические компоненты фразеологических единиц // Фразеология – 2000: Материалы Всерос. науч. конф. – Тула: Издательство ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2000. – С. 13 – 14.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 710 с. (ЛЭС).
7. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. – М.-Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1965 – 1983. – Вып. 1 – Вып. 19. (СРНГ).

Ф. М. Белозерова, А.В. Зыков
Кафедра английской филологии

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОМИЧЕСКОГО НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Включенность фразеологии в многоплановый контекст взаимодействия разных наук – лингвистики, психологии, различных направлений лингвистики – когнитивной лингвистики, контрастивной лингвистики, лингвострановедения – придает актуальность методологическому анализу семантико-

когнитивных феноменов, характерных для самого загадочного, по мнению многих лингвистов, пласта языковых единиц – фразеологизмов.

Изучение фразеологии непрерывно обогащается новыми данными, относящимися к разным аспектам ее проблематики. Возрастает и потребность в более глубокой разработке проблем семантики фразеологии. Нельзя не согласиться с мнением Солодуба Ю. П. и других лингвистов о том, что «фразеология как совокупность фразеологизмов представляет собой некую универсалию, то есть свойственную всем языкам мира систему раздельно-оформленных и ярко коннотированных средств номинации» [5,116]. Кроме того, особенностью фразеологизмов является их ареальная идиоэтническая маркированность.

Концепция и парадигма когнитивной лингвистики оказались перед необходимостью объяснять реальные особенности фразеологизмов, среди которых упомянутая «яркая коннотированность». Выявление объективной национальной специфики фразеологической семантики осуществляется только в ходе сопоставительного анализа фразеологизмов разных языков.

В статье рассматривается репрезентация комического в английских и немецких фразеологических единицах. Комическое в языке привлекало внимание ученых [4]. Комическое позволяет проникнуть в менталитет этноса. Язык является одним из объектов анализа при изучении менталитета, так как «отраженные сознанием взаимоотношения между явлениями действительности и оценки этих явлений достаточно полно зафиксированы в языке». [1.431]. Актуальность описания языка для изучения менталитета заключается в том, что «где, как не в языке, наиболее полно представлен внутренний мир человека – во всяком случае, его когнитивная среда. Языковая ментальность – это способ деления мира с помощью языка, достаточно адекватный существующим у людей представлениям о мире... Анализ языка позволяет весьма точно выявить культурную специфику отношений людей к окружающей их действительности» [1.437]. Анализ комического на фразеологическом уровне позволяет более глубоко понять лингвистические и психологические феномены, которые необходимо изучать для его всестороннего описания.

Объектом исследования явились фразеологические единицы английского и немецкого языков (далее – ФЕ) с эмоционально-экспрессивной окраской, обозначенной в словаре пометкой «шутливое». Приёмы проявления остроумия, системно описанные А. Н. Луком [2.3], используются для анализа репрезентации комического в ФЕ с учетом лингвистических процессов, имеющих место при фразеологизации.

Формы репрезентации комического обобщены в таблице №1.

Репрезентация комического в ФЕ английского и немецкого языков

Примеры остроумия	Примеры английских ФЕ	Примеры немецких ФЕ
1. Метафорическое переосмысление Доведение до абсурда - преувеличение	Agony in red, big drink, for ever and a day, etc.	Ein Bild fur Gotter, ins Blaue hinein, die Grazien haben nicht an seiner Wiege gestanden, etc.
- преуменьшение - антонимичность смысла	A small fortune, little devil, young hopeful, etc. Feline amenities, as clear as mud, catch fish with a silver hook, a rest house, etc.	Sich an Gutchen tun, mein Wenigkeit, etc. Mit Glanz und Gloria, dir werde ich gleich helfen? Etc.
1.2 Остроумие нелепости - логические несоответствия	The back of beyond, ride Bayard of ten toes, be a bit tired, etc.	j-d hort sich gern redder
- неожиданное представление действительности	An ass with two panniers, bridled bear, common or garden, etc.	Blan sein wie ein Veilchen, alles ist in Butter, etc.
1.3 Смещение стилей или совмещение планов	Lady's delight, a canteen rat, etc.	Im Eehafen landen, in der Hafener Ruhe einlaufen, etc.
2. Метонимическое переосмысление 2.1 Остроумие нелепости - логические несоответствия (фантастические образы)	Somebody walking on my grave, get the key of the street	Ein Korpfenmaulchen machen, Spendierhosen anhaben.

- неожиданные представления действительности	Alarms and excursions, alive and kicking, have a bone in one's throat, etc.	Eine Augen riskieren, j-n hat einen lichtet Augenblick, nicht ganz dicht sein, etc.
2.2 Смещение стилей или совмещение планов	Adam's ale, gentleman of three outs, a cow college.	
3. Эвфемизм	Cast up accounts, moisten (wet) one's clay, a drop of something, a rest house, etc.	Ein Glas über den Durst trinken, die Fischer füttern, etc.
4. Эмоционально-экспрессивное переосмысление	The same old game! That's our little game!	Vielen Dank für die Blumen, dir werde ich gleich helfen, etc.
5. Намек или точно наведенная цепь ассоциаций	Beauty and the Beast, City of Brotherly Love, have in one's arm Hallelujah girl, etc.	Das gefährlicher Alter, eine (grosse) Lippe riskieren, die Zehnte Muse, etc.
6. Абсурдное сочетание компонентов ФЕ (только план выражения) - семантическая несоответственность	Baculine argument, common or garden, under petticoat government, set the Thames on fire, for ever and a day, etc.	Eine feuchtfrohliche Angelegenheit, kaum drei Kase hoch, alles ist in Butter, der Traum ist eingetroffen, etc.
- искажение слов (в т.ч. словообразование)	Be off to Bedfordshire, say betto to somebody.	Doppelt gemoppelt, ein Gewisser Jemand, bei Mutter Grun schlafen.
- многозначность	Feline amenities	Aus diesem kühlen Grunde
- повторение		Alles ist in Butter, Herr Lutter!

Рассматривая данные таблицы, необходимо сразу отметить, что юмористический эффект может достигаться сразу несколькими способами. Так, в 24 английских и в 34 немецких ФЕ юмористический эффект достигается в плане выражения (пункт 6). В данной группе ФЕ комичность достигается со-

четанием их компонентов, что может быть вызвано их семантической несоотнесенностью, искажением слов (неожиданные словообразования, придуманные слова), многозначительностью или полисемичностью слов, так что словосочетание приобретает двойкий смысл, а также повторением. Повторение является одним из наиболее интересных приемов остроумия, когда простое повторение звуков, слогов или слов придает ФЕ комический характер.

В 26 английских и 21 немецких ФЕ юмористический эффект достигается за счет семантической несоотнесенности компонентов. Например, в таких английских ФЕ, как *be born a bit tired, set the Thames on fire, get the key of the street, baculine argument, forever and a day, etc.* юмористический эффект достигается нарушением логической сочетаемости компонентов. Нелепо звучит фразеологизм *get the key of the street*. Всем известно, что улица не является закрытым помещением и не имеет дверей, которые можно было бы закрывать или открывать ключом. Или такой пример явного нарушения логики: *set the Thames on fire*. Алогичность данного выражения очевидна: вода не горит, а, значит, поджечь Темзу невозможно. В ФЕ *under petticoat government* юмористический эффект также достигается за счет абсурдного сочетания компонентов, только в этом случае наблюдается не нарушение логики, а нарушение семантической сочетаемости. В реальности понятие «правительство» не употребляется в сочетании с понятием «нижняя юбка» и никаких подобных ассоциаций не вызывает. В немецком языке данный прием остроумия отмечается в таких ФЕ, как *Alles ist in Butter, die Gremme der Gesellschaft, zu tief ins Glas geguckt haben, etc.*

Абсурдность сочетания компонентов достигается также за счет искажения слов, словообразования, в некоторых случаях субстантивации. *Be of to Beffordshire* – английская ФЕ, в которой используется выдуманное слово, название воображаемого графства, основанного от слова *bed* – «постель». *Say bitto to somebody* – пример английской ФЕ, в которой используется выдуманное слово. Если в английском языке юмористический эффект достигается таким способом лишь в двух ФЕ, то в немецком языке его присутствие отмечается в восьми единицах. Этот факт можно объяснить тем, что в немецком языке часто используется словосложение и образование сложнопроизводных слов, особенно при образовании фразеологизмов, например: существительные *Eehafen (im Eehhafen landen), Gotte (или Gotteslohn arbeiten), Vetternstrape (die Vetternstrabe ziehen)*. В немецкой ФЕ *doppelt gemoppelt* юмористическая окраска достигается использованием образованного от глагола *doppeln* причастия и выдуманного для рифмы с ним слова *gemoppelt*.

Многозначность – еще один способ достижения юмористического эффекта, встречающийся в английской ФЕ *feline amenities* и немецкой ФЕ *aus diesem kuhlen grunde*.

Слово *feline* имеет два значения: 1) зоол. кошачий; 2) по-кошачьи хитрый или злобный. Многозначность слова создает ситуацию двусмысленности в сочетании со словом *amenities* – «любезности». В немецкой ФЕ существительное *Grund* выступает в значении 1) «основание», «причина»; 2) «дно», «глубина» и создает точно такой же эффект, особенно в сочетании с прилагательным *kuhl*, которое употребляется с данным словом в обоих значениях, только в одном случае – в прямом, а в другом – в переносном. Игра слов придает дополнительный комический оттенок.

И, наконец, наиболее необычный прием, использующийся для достижения юмористического эффекта только в плане выражения, – повторение. В английском языке он не выявлен по данным нашей картотеки, в отличие от немецкого языка. В ФЕ *Mensch sei helle, bleib Jungeselle!, doppelt gemoppelt* использована рифма, т.е. повторение финальных морфем. А в ФЕ *nach der Tuppeltappeltour* отмечается аллитерация внутри выдуманного слова. За счет этого бессмысленного и поэтому комического набора повторяющихся звуков приобретает юмористическая окраска.

По данным нашей картотеки, в 21 английской и в 15 немецких ФЕ используется такой прием остроумия, как доведение до абсурдности, основанное на преувеличении, преуменьшении или на антонимичности смысла. Например, английские ФЕ *agony in red, for ever and a day, the hub of the Universe*, и немецкие ФЕ *ein Bilt fur Gotter, die Grazien haben nicht an seiner Wiege gestanden* приобретают юмористическую окраску за счет абсурдного преувеличения при создании образа. В ФЕ *agony in red* – «ярко красный костюм» образ создается в результате метафорического переосмысления на основе случайного сходства свойств данных явлений (человек, одетый в красный костюм, и агония – предсмертная максимальная активность человека, явление крайней редкости, вызывающее страх, неприязнь, а именно привлечение внимания, приведение в состояние беспокойства).

Интерес представляет также юмористический эффект, достигнутый в ФЕ путем антонимичности смысла. Например, английская ФЕ *a rest house* – «тюрьма». Обозначаемое представлено противоположным по смыслу словосочетанием. Причем в основу сравнения положен совершенно неожиданный аспект пребывания в тюрьме – отсутствие деятельности, которое на воле может рассматриваться как отдых и вознаграждение, в том же заведении вступает в качестве наказания. В немецком языке можно в качестве примера рас-

смотреть ФЕ *dir werde ich gleich helfen!* – «вот погоди, я до тебя доберусь!» Ироничность высказывания в том, что, произнося данное выражение, интонационно даешь понять обратное.

Еще один прием, использующийся как при метафорическом, так и при метонимическом переосмыслении и в английском, и в немецком языках, – остроумие нелепости (пункты 1.2, 2.1). В плане содержания наблюдается логическое несоответствие или фантастические образы, а также неожиданное представление действительности.

Этот прием используется, например, в английских ФЕ *be born a bit tired, the back of beyond, ride Bayard of ten toes, set the Thames on fire, to late a week* (пункт 1.2), *somebody walking on my grave, get the key of the street* (пункт 2.1). Данные ФЕ имеют в своей основе фантастические образы, хотя могут обозначать вполне реальные объекты: ФЕ *fresh air friend* в своем буквальном значении обозначает не реальный объект «друг воздуха», а из действительности, в качестве основы для сравнения, были взяты дружеские отношения. Известно, что любители спорта благосклонно относятся к занятиям на свежем воздухе, поэтому семантическим инвариантом будет «хорошее отношение». Или такой пример неожиданного представления действительности: *common or garden* – «обычный, самый обыкновенный». Известно, что англичане прославились своей любовью к цветам и их выращиванию у себя в палисадниках. Так что сад, заполненный цветами, для англичан настолько привычное явление, что существительное *garden* – «сад» употребляется в одной связке со словом *common* – «общее, обычное», причем использование союза «или» предполагает равнозначность этих понятий, что на самом деле не так.

В немецком языке наблюдается такой же прием достижения юмористического эффекта. К этой группе относятся следующие ФЕ: *j-d hort sich gern reden, blau sein wie ein Veilchen, alles ist in Butter, Herr Lutter!* (пункт 1.2), *Spendierhosen anhaben, nicht ganz dicht sein, gern ins Glas gucken, gesiebte Luft atmen* (пункт 2.1). Путем логического несоответствия достигается юмористический эффект в ФЕ *j-g hort sich gern redder* – «кто-то любит ораторствовать». Создается образ человека, который говорит сам для себя и наслаждается процессом. В общепринятом понимании человек наделен даром говорения, для того, чтобы общаться и обмениваться информацией с другими, так, что один говорит, а другой слушает. В данной ФЕ логика нарушается за счет того, что направление процесса изменено на противоположное.

Изучение комического на фразеологическом уровне в сопоставительном плане позволяет проследить глубинную феноменологию фразеологии – во-первых, рассмотреть по-новому семантическое пространство ФЕ, описать

его системные факторы, во-вторых, способствует исследованию внутреннего мира менталитета этносов, в-третьих, позволяет выявить отличия и общие черты в репрезентации комического в ФЕ английского и немецкого языков. Разные культуры, из которых состоит современная цивилизация, имеют более тонкие различия прежде всего в когнитивной сфере. Анализ реперезентации комического в ФЕ сопоставляемых языков способствует их обнаружению.

Список литературы

1. Душков Б.А. Психология менталитета и нооменталитета. -Екатеринбург, 2002.
2. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М., 1968.
3. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М., 1977.
4. Почепцов Г.Г. Язык и юмор. Киев, 1990.
5. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода. М., 2005.

Словари

1. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975.
2. Webster's New World Dictionary. NJ, 1988.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.

Е.В. Гаева

кафедра общего языкознания, доцент

ОБ ОДНОМ КОММЕНТАТОРСКОМ «КАЗУСЕ»

В седьмом томе одного из самых полных в советское время собраний сочинений Н.С.Лескова (1956–1958) есть цикл рассказов «Заметки неизвестного». Язык витиеватый, мягко говоря, сложноватый для восприятия:

В двуштате церковного причта, с ним же предстоял, работая господаеви, отец Павел, не было ни одного из наималейших к нему расположенного за его всегдашнее перед всеми превозношение. Всех он задевал разумом, который не скупно даровало ему всецедрое провидение и которым он распоряжал стойко и самовито, но, думается, как бы не всегда ко единой славе Создавшего, а нередко и к утешению своей неодоленной надменности (1, с. 377).

Тем паче на комментатора ложится огромная ответственность помочь читателю разобраться в подобном «плетении словес», а потому так неприятно сталкиваться с недобросовестной работой.

В качестве примера остановимся на толковании выражения *есмирмис-*

менно вино, которое встречается в рассказе «Преусиленное стеснение в темное время противное производит»:

Но как они хотели воспрепятствовать изгаге, то просили отца Павла принять известное старинное доброе средство: рюмку цельного пуншевого рому с аптечными каплями аглицкой мяты-холодянки. Отец Павел и сам знал, что это преполезное в несварении желудка смешение всегда помогает и, в знак того, что часто заставляет отупевать боли, прозвано у духовных «есмирмисменно вино» (1, с. 379).

В примечаниях Б.Я.Бухштабаразбираемая фраза поясняется следующим образом:

...«есмирмисменно вино» – от «есь мир ми» (мир мне) (2, с. 558).

Как мы видим, информация весьма скудная. Посмотрим, что нам могут предложить другие источники.

В словаре И.И.Срезневского зафиксирована очень похожая форма прилагательного *есмириисмен* (правда, после буквы Р наблюдается не литера М, как в собрании сочинений Н.С.Лескова, а буква И):

ЕСМИРИИСМЕНЪ: – И даахѸемоупитиесмириисмено вино (въпримѣч.: по РѸкиесмиръ, а по Латыни мерра, трава велми горка, пельни и жѸчигѸчае, а коли смѣса^тс вино^м, ино и прикѸшати не мочи). *Мр. XV. 23 (Он. I. 144)*[3, с. 833].

В словаре протоирея Г.Дьяченко уже встречается форма с буквой Н после буквы Р:

Ѹсмирнисмѣный=смѣшанный со смѣрною; *есмирнисмено вино* – вино смѣшанное со смѣрною, горькое (Марк. 15.23. У св. ев. МатѸ. (27, 34) вино это означается – *оцетъсѣжелчию* – оцетъ – это кислое вино, а желчь – сокъмѣрроваго дерева, бѣлый по цвѣту и очень благовонный (4, с. 177).

Такое же написание наблюдается в небольшом словарице протоиерея А. Свирелина:

Ѹсмірнисмѣновино – вино, настоянное на смѣрнѣ или на миррѣ; вкус этого вина очень горькій (Мрк. 15, 23). У ев. МатѸ. 27, 34, вино это означается – *оцетъсѣжелчию*. Оцетъ – это кислое вино, а желчь – сокъмирроваго дерева, бѣлый по цвѣту и очень благовонный (5, 45).

При таком разном в орфографии уже невольно встает вопрос об истинном написании прилагательного.

Во всех уже процитированных словарных статьях встречается ссылка на пятнадцатую главу Евангелия от Марка, но если обратимся к этой главе,

то в Новом Завете выражение *есмирнисменно* (*есмириисмено*, *есмирмисмено*) *вино* отсутствует:

22. *И приводят Его на место, называемое Голгофа, что в переводе означает «место черепа».*

23. *И давали Ему вино, смешанное со смирной, но Он не принял* [6, с. 248].

Почему же ссылка в связи с данным выражением везде идет на Евангелие от Марка?

Потому что фраза *есмирнисменно вино* здесь действительно есть, но не в русском, а в церковнославянском варианте Нового Завета:

Ѡв. Иприведошаѣго наголгоѡ. Ѡмѣсто, ѣжеѣстьсказаемолюбноемѣсто.

Ѡг. Идаждѣмѡпитиесмѣрнисменовино: Ѡнъженеприѡтъ (7, с. 1351).

Как мы видим, здесь снова присутствует вариант с буквой Н после буквы Р: *есмирнисменный*. Но можно ли его признать истинным, если Б.Я.Бухштаб в примечаниях к лесковскому рассказу дает следующую этимологию прилагательного:

...«*есмирмисменно вино*» – от «*есь мир ми*» (мир мне) (2, с. 558).

Все точки над *і* здесь может поставить текст Нового Завета на греческом языке, ибо именно этот текст является первоисточником:

22. Καὶ φέρουσιν αὐτὸν ἐπὶ τὸν Γολγοθᾶντόπον, ὃ ἐστὶν μεθερμηνευόμενον Κρανίου Τόπος.

23. Καὶ ἐδίδουν αὐτῷ ἐσμυρνισμένος οἶνον· ὃς δὲ οὐκ ἔλαβεν [8, с. 144].

В греческой форме *ἐσμυρнисμένος* после буквы «ро» написана буква «ню», а никак не «мю». К тому же прилагательное *есмирнисменный* является родственным существительному *смирна*. Следовательно, этимологию, которую предлагает в комментариях Б.Я.Бухштаб, в лучшем случае можно признать «народной».

Также надо заметить, что в рассказе Н.С.Лескова и в словаре И.И.Срезневского мы наблюдаем явные случаи опечаток. Если опечатка в материалах И.И. Срезневского объясняется довольно легко (или составителем, или наборщиком перепутаны рукописные «н» и «и», которые нередко в скорописи пишутся почти одинаково), то объяснить причину замены «н» на «м» в рассказе Н.С. Лескова довольно сложно.

Список литературы

1. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 тт. – Т. 7. – М., 1958.
2. Бухштаб Б.Я. Примечания // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 тт. – Т. 7. – М., 1958. – С. 493–568.
3. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Репринтное воспроизведение издания 1893 г. – Т. 1:

- А–К. – М.: Гос. изд-во ин.и нац. словарей, 1958.
4. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малопонятных слов и оборотов, встречающихся в церковно-славянских и древнерусских рукописях и книгах [...], начиная с X до XVIII вв. включительно. Всех слов объяснено около 30.000. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. – М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993.
 5. Свирелин А. Церковно-славянский словарь для толкового чтения Св. Евангелия, Часослова, Псалтири, октоиха (учебных) и других богослужебных книг. Репринтное воспроизведение издания 1916 г. – М.: «Паломникъ», 2000.
 6. Евангелие от Марка // Новый Завет: Восстановительный перевод. – Анахайм: Живой поток, 1998.
 7. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета на церковно-славянском языке с параллельными местами. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. – М.: Российское библейское общество, 1993.
 8. Novum Testamentum Graece. – Deutsche bibelgesellschaft, 1993.

Н.В. Гончарова
Кафедра русского языка

ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Морфологические категории существительных и предметных фразеологизмов – род, число, падеж – представляют собой совокупность грамматической характеристики лексических и фразеологических единиц и описываются в академических трудах, монографиях и учебных пособиях [1; 2; 3; 4]. В грамматической традиции категория падежа изучалась лингвистами в аспекте разных свойств; особый интерес представляет функционирование категории падежа в поэтическом тексте. Предметом исследования в данной статье являются особенности формирования значения грамматической категории падежа фразеологических наименований лица (320 ФЕ) в поэтических произведениях О. Мандельштама.

Категорию падежа поэтических фразеологизмов со значением лица организуют формальные средства выражения – флексии и предлоги. Исследуемая категория представлена всеми шестью падежными формами: И.п. (226 ФЕ), Р.п. (42 ФЕ), Д.п. (19 ФЕ), В.п. (22 ФЕ), Т.п. (10 ФЕ), П.п. (1 ФЕ). Специфика описываемых единиц, номинирующих человека, присущее им субкатегориальное значение одушевленности и лица влияют на преобладание оп-

ределенных форм и значений; доминирует форма И.п. (226 ФЕ, или 70,6%), служащая для называния персонажей и в то же время передающая характеризующее значение. И.п. преобладает и, как и в грамматике, противопоставлен всем остальным, так как выражает самостоятельное, грамматически независимое положение фразеологической единицы в тексте. В большинстве случаев И.п. используется для выражения субъекта, формы косвенных падежей выражают разные типы отношений.

А.М. Чепасова, характеризуя существительные и предметные фразеологизмы, выделяет пять типов общих падежных значений: номинативное, объектное, обстоятельственное, определительное, предикативное [4, 241]. Эти же значения обнаружены нами в исследуемых поэтических фразеологизмах-наименованиях человека в стихотворениях О. Мандельштама (таблица 1):

Таблица 1

Тип падежного значения

№ п/п	Тип падежного значения	Кол-во ФЕ	Примеры ФЕ
1.	Номинативное	203	<i>ангел мой, конькобежец и первенец, мертвых цезарей злые щенки, октябрьский времениц, чумный председатель</i> и др.
2.	Объектное	57	(несут) <i>вчерашнее солнце</i> , (припомнят) <i>кремлевского горца</i> и др.
3.	Определительное	27	(разговор) <i>бесчисленной толпы</i> , (сны) <i>чужих певцов</i> и др.
4.	Предикативное	26	(будешь) <i>наследником княжеств, отщепенец в народной семье</i> и др.
5.	Обстоятельственное	7	(лишился) [за] <i>высокое племя людей</i> , (ночевала) [в] <i>кочующих толпах</i> и др.
Итого:		320	

Сведения о падежных значениях, представленные выше, необходимо сопоставить с формами падежей. Количественные данные о соотношении падежной формы и типов значений падежей фразеологизмов со значением лица в стихотворениях О. Мандельштама представлены в следующей таблице:

Таблица 2

Соотношение формы и типа падежного значения

Знач. Форма	Номина- тивное	Объектное	Определи- тельное	Предика- тивное	Обстоятель- ственное
И.п.	203	–	–	23	–
Р.п.	–	12	27	–	3
Д.п.	–	17	–	–	2
В.п.	–	21	–	–	1
Т.п.	–	7	–	3	–
П.п.	–	–	–	–	1
Итого:	203	57	27	26	7

Из пяти представленных падежных значений фразеологизмов-наименований лица значительно преобладает номинативное значение (203 ФЕ). Фразеологизмы данной группы употреблены в форме И.п., называют лицо и выражают значение отношения лица к действию, совершаемому самим лицом, или к состоянию, признаку, которые приписываются ему как носителю. Частное падежное значение – название лица – непосредственно связано с функциями, выполняемыми в поэтическом тексте единицами в форме И.п. (таблица 3):

Таблица 3

Номинативное падежное значение

Част. знач.	№ п/п	Функция падежа	Кол-во ФЕ	Примеры
называние лица	1)	подлежащее	143	<i>ангел мой, конькобежец и первенец, октябрьский времениц, чумный председатель</i> и др.
	2)	обращение	38	<i>беззаботного права истец, товарищ большеротый мой</i> и др.
	3)	приложение	12	<i>свидетель медленный, стремнин осадистых завистник</i> и др.
	4)	именительный представления	8	<i>маленьких держательница плеч, мастерица виноватых взоров</i> и др.
	5)	составное именное сказуемое	2	<i>за честь природы фехтовальщик, сын фламандца</i>
Итого:			203	

Как следует из таблицы 3, большинство фразеологизмов этой группы (143 ФЕ) употреблено в поэтическом тексте в функции подлежащего. В зависимости от семантики всего предложения, называющего конкретную ситуацию, которая исходит от субъекта, падеж данных поэтических фразеологиз-

мов может номинировать субъект действия (85 ФЕ) и субъект – носитель признака (58 ФЕ). Номинативное падежное значение большинства единиц заключается в назывании субъекта активного, деятельного. Чаще всего семантика действия выражается глаголом-сказуемым субкатегории деятельности, например:

Я так и знал, кто здесь присутствовал незримо:

Кошмарный человек читает «Улялюм».

Значенье — суета, и слово — только шум,

Когда фонетика — служанка серафима.

(*Камень; «Мы напряженного молчанья не выносим...»*; 1913)

Меньшее количество поэтических фразеологизмов имеют падежное значение, номинирующее носителя признака или субъекта состояния, например:

Еще обиду тянет с блюда

Невыспавшееся дитя,

А мне уж не на кого дуться,

И я один на всех путях.

(*Новые стихи; «О, как мы любим лицемерить...»*; 1932)

Номинативное падежное значение выражают поэтические фразеологизмы, употребленные в форме обращения (38 ФЕ), например:

Скажи мне, **чертежник пустыни**,

Арабских песков геометр,

Ужели безудержность линий

Сильнее, чем дующий ветер?

(*Новые стихи; «Восьмистишия»*; 1932-1935)

Функции обращения в поэтическом тексте расширяются: основная, общезыковая функция адресования речи сохраняется, но при этом осложняется дополнительными оттенками. Фразеологические наименования лица в функции обращения могут вводить основную тему стихотворения, называть лицо, которому посвящено последующее повествование:

Голубые судомойки,

Добродетельная челядь,

И на самой жесткой койке

Ваша честность рай вам стелет.

(*Стихи 1908-1937 годов; «Песенка»*; 1913)

Часто номинация является развернутой, лицо не только называется, но и характеризуется:

Превратили в убийства питомник

Вы, **коричневой крови наемники**,

**Италийские чернорубашечники,
Мертвых цезарей злые щенки...**

(Третья воронежская тетрадь; «Рим»; 1937)

Номинативное падежное значение выражают поэтические фразеологизмы, употребленные в функции несогласованного определения – приложения (12 ФЕ), например:

По переулочкам, скворешням и застрехам,
Недалеко, собравшись как-нибудь, —
Я, рядовой седок, укрывшись рыбьим мехом,
Всё силушь полость застегнуть.

(Стихи 1921-1925 годов; «1 января 1924»; 1924)

Незначительное количество фразеологизмов (8 ФЕ) имеют номинативное значение падежа и употребляются в форме именительного представления; субъектом существования является лицо, его наличие самостоятельно, независимо и ни на кого не направлено, например:

Мелкие чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавком щупает червонцы
Человек, — и все они пьяны.

(Камень; «Золотой»; 1912)

Как следует из таблицы 1, вторым по продуктивности значением падежа является объектное (57 ФЕ). Поэтические фразеологизмы со значением лица, относящиеся к данной группе, выражают значение отношения лица к действию, которое направлено на это лицо. Фразеологические единицы получают объектное значение при условии наличия другого субъекта; вся синтаксическая конструкция выражает передачу отношения между двумя субъектами, скрытого в глаголе-сказуемом.

Наименования лица с объектным значением употребляются в синтаксической функции косвенного дополнения (34 ФЕ), прямого дополнения (18 ФЕ), а также совмещают синтаксические функции дополнения и определения (5 ФЕ). Фразеологизмы-наименования человека с объектным значением употреблены в Р., Д., В., Т. падежах. В зависимости от особенностей употребления формы, синтаксической конструкции, значения предлога, семантики всего предложения находятся частные значения падежа фразеологических единиц с объектным значением падежа; статистические данные представлены в таблице 4:

Объектное падежное значение

№ п/п	Частное значение падежа	Кол-во ФЕ	Примеры
1)	косвенный объект действия	27	(не получит) [от] <i>семиюродных уродов</i> , (поучимся ж) [у] <i>чуждого семейства</i> и др.
2)	прямой объект действия	20	(нянчишь) <i>зверушек-детей</i> , (вязать) <i>щенка Петрова</i> и др.
3)	совместности	6	(ждет) [с] <i>говорящими камнями</i> , (наслаждаются) [с] <i>нищенкой-подругой</i> и др.
4)	цели, назначения	4	(футбол) [для] <i>молодого баска</i> , (собирать) [для] <i>племени чужого</i> и др.
Итого:		57	

По данным таблицы 1, следующую группу составляют 27 фразеологизмов-наименований человека, употребленных в стихотворениях О. Мандельштама с определительным падежным значением. Единицы данной группы выражают значение отношения лица к другому лицу или предмету, которые этим отношением с той или иной стороны характеризуются.

Фразеологизмы-наименования лица с определительным падежным значением в поэтическом тексте употреблены в форме Р.п., совмещают синтаксические функции косвенного дополнения и несогласованного определения. Как и номинативное, и объектное значения, определительное значение падежа может быть охарактеризовано с разной степенью детализации. В связи с тем что лицо описывается с разных сторон, то и характер значения управляющего слова самый различный; это может быть принадлежность вполне конкретных предметов (*библиотека, свеча, тризна* и др.); отвлеченных свойств (*начало, образ, отвага, суть, явление* и др.); части целого (*очи, подбородок, руки, шеи* и др.). Исследуемые единицы имеют следующие частные падежные значения:

Определительное падежное значение

№ п/п	Частные значения падежа	Кол-во ФЕ	Примеры
1)	принадлежности	22	(в библиотеке) <i>авторов гончарных</i> , (жало) <i>грязных адвокатов</i> и др.
2)	части целого	5	(подбородок) <i>диктатора-выродка</i> , (шеи) <i>немецких братьев</i> и др.
Итого:		27	

Следующим, четвертым по продуктивности, значением падежа является предикативное (26 ФЕ). Падеж в единицах данной группы выполняет функцию информативно необходимой восполняющей формы при глаголе-связке (нулевой или материально выраженной). В первом случае нулевая связка вносит в падежное значение дополнительную характеристику: между субъектом и предикатом в момент речи возникают отношения отождествления, например:

И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я — **непризнанный брат, отщепенец в народной семье**, —
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

(Новые стихи;

«Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»; 1931)

Предикативное падежное значение творительного падежа формируется и под влиянием глагола-связки, выражающего различные модификации отношения между подлежащим и сказуемым:

- бытия:

Среди священников **левитом молодым**
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская сгущалась над ним
И храм разрушенный угрюмо созидался.

(Tristia; «Среди священников левитом молодым...»; 1917)

- становления:

Нет имени у них. Войди в их хрящ —
И будешь ты **наследником их княжеств**.

(Вторая воронежская тетрадь;

«Не у меня, не у тебя — у них...»; 1936)

- приписывания признака:

В театре публики лежало
Не больше трех карандашей,
И дирижер, стараясь мало,
Казался **чертом среди людей**.

(Стихи 1908-1937 годов; «Тянули жилы, жили-были...»; 1935)

Поэтические фразеологизмы с предикативным значением в тексте являются составными именными сказуемыми, употребляются в И. и Т. падежах:

Таблица 6

Предикативное падежное значение

№ п/п	Частные значения падежа	Кол-во ФЕ	Примеры
1)	отождествительное	23	<i>дети праха, дня застрельщик, несозданных миров отмститель, отщепенец в народной семье</i> и др.
2)	модифицирующее	3	(оставался) <i>левитом молодым</i> , (будешь) <i>наследником княжеств</i> , (казался) <i>чертом среди людей</i>
Итого:		26	

На периферии падежных значений находится обстоятельственное значение (7 ФЕ). Фразеологизмы-наименования человека, относящиеся к данной группе, выражают разного рода обстоятельства протекания действия. Описываемый субъект имеет определенные физические параметры и располагается в какой-либо точке пространства; падежное значение характеризует направление, место положения одного субъекта по отношению к другим. Наименования лица с обстоятельственным значением совмещают синтаксические функции косвенного дополнения и обстоятельства места. В зависимости от синтаксической конструкции находятся частные значения падежа:

Таблица 7

Обстоятельственное падежное значение

№ п/п	Частные значения падежа	Кол-во ФЕ	Примеры
1)	пространства	6	(ночевала) [в] <i>кочующих толпах</i> , (буду метаться) [по] <i>табору улицы темной</i> и др.
2)	причины	1	(лишился) [за] <i>высокое племя людей</i>
Итого:		7	

Таким образом, специфика анализируемых поэтических фразеологизмов заключается в значительном преобладании И.п. (более 70%). Фразеологическая семантика наименований лица обуславливает продуктивность именно этой формы, служащей для называния персонажей и передающей характеризующее значение. Фразеологические единицы, употребленные в форме И.п., выражают номинативное значение и реализуются в функции главных (подлежащее, сказуемое), второстепенных (приложение) членов предложения, а также в формах вне членов предложения (обращение, именительный представления). В большинстве случаев прямой падеж используется

для выражения субъекта, формы косвенных падежей выражают объектные, определительные, предикативные, обстоятельственные отношения.

Проведенный анализ показывает, что функционирование категории падежа поэтических фразеологизмов со значением лица в стихотворениях О. Мандельштама определяется разными факторами, важнейшими из которых являются семантико-грамматические свойства главного компонента-существительного и синтаксическое окружение всей единицы. Общие и частные падежные значения поэтических фразеологизмов-наименований человека находятся в зависимости от особенностей употребления формы, синтаксической конструкции, значения предлога, семантики всего предложения.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
2. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов: Коллективная монография. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 263 с.
3. Чепасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. – 267 с.
4. Чепасова А.М. Существительные в современном русском языке: учеб. пособие / А.М. Чепасова, И.Г. Казачук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 272 с.

О.Н.Горева, Е.И.Ратушная
Кафедра французского языка

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ПТИЦА/OISEAU*, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В русском и французском языках выделяются фразеологизмы с компонентом *птица/oiseau*, называющие человека по свойствам характера, по социальному положению.

В результате сопоставительного анализа мы обнаружили, что в ряде случаев русские и французские фразеологизмы характеризуются семантическим и структурным сходством. Например, фразеологизм *редкая птица – oiseau rare* в обоих языках называет необыкновенного, выдающегося человека. Например:

7 mai 2009 ... Guillaume Musso, **oiseau rare** à la télé - Cinq romans, cinq millions d'exemplaires écoulés: Guillaume Musso est un vrai phénomène (www.tvmag.com).

По мнению исследователей, фразеологизм *редкая птица* по происхождению является калькой с латинского *rara avis* в значении «редкое существо». Впервые выражение встречается в сатирах римских поэтов, например, у Ювенала (середина 1 в. – после 127 г.) [1, с.477].

Зооним *птица* служит основой для образования фразеологизма *птичка божья (божья)* – «беззаботный человек, который не думает о завтрашнем дне». Во французском языке аналогичное значение выражает фразеологизм *oiseau sur la branche* (буквально – «птица на ветке»).

Семантически эквивалентными в обоих языках являются также фразеологизмы *перелетная птица* и *oiseau de passage*, которые характеризуют человека, часто меняющего место жительства, который не засиживается на одном месте:

Je ne suis qu'un **oiseau de passage**, Cesse de m'enfermer, De vouloir m'étouffer, Je ne supporte aucune cage. Laisse-moi m'évader ... (cyrene.blog4ever.com)

Эти фразеологизмы формируются на основе свободного словосочетания «перелетная птица», которое обозначает птиц, улетающих зимовать на юг. В результате метафорического переноса образуется фразеологическое значение, направленное на человека: образ жизни человека сравнивается с образом жизни перелетных птиц.

В русском языке фразеологизмы с компонентом *птица* могут характеризовать человека по социальному положению: *важная птица* – «человек, занимающий высокое служебное или общественное положение, обладающий весом, властью, большим влиянием». Например:

(Лука Лукич): Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не платит...». Нашли *важную птицу!* (Н.Гоголь. Ревизор).

Семантическая особенность фразеологизма *важная птица* состоит в том, что он в разных контекстах способен реализовать разные и даже противоположные значения. Например:

- Начальник планового отдела! Конечно, *важная птица!* (А.Макаренко. Книга для родителей). В приведенном контексте фразеологизм употребляется в значении «человек, занимающий высокое социальное положение». – Прошу не рассуждать! - послышался за спиной старческий голос. - Удивительно! Повелитель какой нашелся! *Птица важная!* Да вы кто такой? (А.Чехов. Нарвался). – Фразеологизм выступает в противоположном значении – «человек,

занимающий низкое социальное положение, ничтожный, с которым не считаются».

В некоторых случаях фразеологизм *важная птица* выступает в значении «человек, представляющий ценность в каком-либо отношении»; при этом первичное значение отходит на второй план. Например:

Бойцы США смогли засечь нарушителя только на Атлантическом побережье, где пограничники имеют более современные средства ПВО. Они сбили нарушителя, еще не зная, что это была *важная птица*. (газ. «Комсомольская правда»).

Во французском языке сходное значение передается фразеологизмом *un bel oiseau* (буквально – «красивая птица»).

Фразеологизмы *птица высокого полета* и *птица низкого (невысокого) полета* вступают в антонимические отношения между собой: фразеологизм *птица высокого полета* характеризует влиятельного человека, занимающего видное положение в обществе; например:

(Городничий): Однако ж, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой *птицы высокого полета*, черт побери! (Н.Гоголь. Ревизор).

Я рано распознал в нем *птицу высокого полета*. Дружба с ним была почетна и полезна: человек при должности, со связями, услугами богат (С.Есин. Имитатор).

Компонент *птица* в контексте может варьироваться, заменяясь компонентом *человек*:

С *людьми высшего полета* он был крут и даже груб; с народом – прост; с мужиком обходителен, как с своим братом. (И.Тургенев. Новь).

Противоположное значение имеет фразеологизм *птица низкого (невысокого) полета* – «человек, не занимающий видного, значительного положения в обществе».

Фразеологизмы с компонентом *птица* в русском и французском языках могут характеризовать человека по свойствам характера, например: *стреляная (обстрелянная) птица* – «очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть; бывалый человек»; *вольная птица* – «свободный, независимый человек».

Во французском языке фразеологизмы могут называть человека другим свойствам характера: *un villain oiseau* (разг.) – «противный субъект», *oiseau de proie* – «жестокий человек», *un drole d'oiseau* (разг.) – «странная личность», *oiseau de nuit* – «темная личность».

Фразеологизм *ранняя пташка* в русском языке характеризует человека, рано встающего утром, который рано принимается за работу:

- Пора, дитя мое, вставай. Да ты, красавица, готова! О, *пташка ранняя* моя! (А.Пушкин. Евгений Онегин).

Некоторые фразеологизмы по происхождению представляют собой заимствования из других языков: например, фразеологизм *вольная птица*, по мнению авторов «Словаря русской фразеологии», вероятно, является калькой с немецкого *vogelfrei* – «находящийся вне покровительства закона, изгнанник» [1, с. 476].

Примеры употребления данных фразеологизмов в тексте:

Какой-нибудь новичок не осмелился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркого хозяина. Но приказчик его был *обстрелянная птица*, он знал, как нужно отвечать, а еще более, как нужно хозяйничать. (Н.Гоголь. Старосветские помещики). Он *птица вольная*, он Рим покинет, Когда захочет, - путь его везде, Где ветер дует. (Полонский. Братья).

Ah! *Les oiseaux de nuit...* Allez... ou je vais vous envoyer la balle! (Erckmann-Chatrian. Waterloo).

Vous êtes **un vilain oiseau** ! Mais je n'ai pas peur de vous ! ... (fra.1september.ru)

Waris, **un drôle d'oiseau**. À la fois acteur et joaillier, le plus beau des sikhs, qui nous avait charmés dans La vie aquatique et Darjeeling Limited ... (www.jalougallery.com).

В русском языке фразеологизм *стреляная птица* может присоединять к себе зависимые слова, указывающие на область жизненного опыта характеризуемого лица. Например:

Но это всегда так сначала бывает. Я в этих делах *стреляная птица*. (Н.Островский. Как закалялась сталь).

Фразеологизм *вольная птица* в русском языке способен варьироваться: компонент птица заменяется на компонент *пташка*; например:

- В богадельню не пойду: там я в четырех стенах должна жить, пить, есть казенное, по мерочке, казенную одежду носить. А теперь я все же *вольная пташка* (Решетников. Яшка).

Таким образом, фразеологизмы с компонентом *птица* в русском и французском языках могут характеризовать лицо по различным свойствам характера, по социальной значимости, могут давать оценку образу жизни человека. В некоторых случаях наблюдается совпадение фразеологизмов по семантике, но существуют и различия в сопоставляемых языках.

Список литературы

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.
2. Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 541 с.
3. Новый большой французско-русский фразеологический словарь/Под ред. В.Г.Гака. – М.:Рус.яз.;М.:Медиа, 2005. – 1625 с.
4. Французско-русский фразеологический словарь / Я.И.Рецкер [и др.]; под ред. А.И.Рецкера. – М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.
5. Dictionnaire des expressions et locutions / sous la direction de Alain Rey et Sophie Chantreau. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2007. – 888 p.

Л. В. Гришкова
Кафедра английской филологии

ЭКФРАСИС – РИТОРИКА – СТИЛЬ

Обращение филологов к анализу *экфрасиса* связано с возрастающим интересом филологии к междисциплинарным исследованиям. Пристальное внимание к этому феномену культуры привело, как это часто случается, и к расширительному толкованию самого термина, и к разногласиям по поводу того, что считать *экфрасисом*.

Краткий анализ существующих концепций приводится в интересной, но во многих отношениях спорной статье Н.А. Абиевой «Поэтический экфрасис». Определяя экфрасис как «параллельное бытование поэтического текста и объекта, инициировавшего его появление», автор статьи категорически отвергает тенденцию переноса этого понятия на широкие явления языковых практик. Неоправданным, по ее мнению, является и деление экфрасиса на *отвлеченный* и *действительный*:

Вряд ли правомерно считать явлением экфрасиса собственно поэтическое творение, даже если в нем содержится описание некоего вымышленного артефакта, поскольку «признание равнозначности реального изображения и некоего ментального представления, реализуемого только в тексте, уничтожает собственно экфрасис [1, с. 85 – 86].

Большинство исследователей экфрасиса придерживается, однако, иной точки зрения, о чем свидетельствует приводимое ниже определение:

...this way, a painting may re-present a sculpture, and vice versa; a poem portray a picture; a sculpture depict a heroine of a novel; in fact, given the right circumstances, any art may describe any other art, especially if a *rhetorical ele-*

ment, standing for the sentiments of the artist when she/he created her/his work, is present. For instance, the distorted faces in a crowd in a painting depicting an original work of art, a sullen countenance on the face of a sculpture representing a historical figure, or a film showing particularly dark aspects of neo-Gothic architecture, are all examples of *ecphrasis* [5].

Суть этого определения в том, что *экфрасис* трактуется в нем как любое взаимодействие между разными видами искусства. Интересно оно еще и в том плане, что в нем прослеживается связь *экфрасиса* с риторикой. Риторический элемент (“*a rhetorical element*”), о котором идет речь, – это три признанных риторикой средства возвышения стиля: **отбор слов, сочетание слов и стилистические фигуры.**

Исторически *экфрасис* восходит именно к риторике. Вот что пишет по этому поводу Р. Барт:

Нужно, прежде всего, напомнить, что в одном из важнейших течений западной культуры описание не выводилось за рамки смысловых категорий, и ему приписывалась цель, вполне признанная литературой как социальным институтом. Течение это – риторика, а цель эта – «красота»; на протяжении многих веков описание выполняло эстетическую функцию. Уже в античности к двум открыто функциональным жанрам красноречия, судебному и политическому, очень рано прибавился третий, эпидейктический, – жанр торжественной речи, имеющей целью вызвать у слушателей восхищение (а не убедить их в чем-либо); независимо от ритуальных правил его употребления, будь то восхваление героя или надгробное слово, в нем содержалась в зародыше сама идея эстетической направленности языка. В александрийской неориторике ((II в. н.э.) культивировался *экфрасис* – жанр блестящего обособленного отрывка, самоценного, не зависящего от какой-либо функции в рамках целого и посвященного описанию места, времени, тех или иных лиц или произведений искусства. Такая традиция сохранялась на всем протяжении средних веков;... описание не подчиняется никакому реалистическому заданию; мало существенна его правдивость, даже правдоподобие; львов и оливы можно с легкостью помещать в страны Севера – существенны одни лишь нормы описательного жанра. Правдоподобие имеет здесь не референциальный, а открыто дискурсивный характер, все определяется правилами данного типа речи [2, с. 395].

Примером *экфрасического* текста в структуре драмы может служить монолог Гертруды из трагедии Шекспира «Гамлет»:

There is a willow grows aslant a brook,
That shows his hoar leaves in the glassy stream;

There with fantastic garlands did she come
Of crow-flowers, nettles, daisies, and long purples
That liberal shepherds give a grosser name,
But our cold maids do dead men's fingers call them:
There, on the pendent boughs her coronet weeds
Clambering to hang, an envious sliver broke;
When down her weedy trophies and herself
Fell in the weeping brook. Her clothes spread wide;
And, mermaid-like, awhile they bore her up:
Which time she chanted snatches of old tunes;
As one incapable of her own distress,
Or like a creature native and indued
Unto that element: but long it could not be
Till that her garments, heavy with their drink,
Pull'd the poor wretch from her melodious lay
To muddy death (Hamlet, Act IV, Scene VII) [8].

Монолог содержит элементы повествования. Королева сообщает о смерти Офелии, что, кстати сказать, побудило Лаэрта принять решение о не вполне честных условиях дуэли с Гамлетом. Но по форме это монолог-описание, и функция его чисто эстетическая: «прекрасное безумие» шекспировской героини завершается прекрасной смертью:

Она старалась по ветвям развесить
Свои венки; коварный сук сломался,
И травы и она сама упали
В рыдающий поток...

(Пер. М. Лозинского).

Описание изобилует тропами. Это эпитеты: *cold maids*, *weedy trophies*, *the weeping brook*, *an envious sliver broke*. Сама же поющая, не осознающая близкой гибели девушка уподобляется речной нимфе:

And, **mermaid**-like, awhile they bore her up:
Which time she chanted snatches of old tunes;
As one incapable of her own distress.
Or like a creature native and indued
Unto that element...

Красота этого описания вдохновила Александра Блока, и монолог пережил свой «праздник возрождения» в его стихотворении:

Офелия в цветах, в уборе
Из майских роз и нимф речных

В кудрях, с безумием во взоре,
Внимала звукам дум своих.
Я видел: ива молодая
Томилась, в озеро клонясь,
А девушка, венки сплетая,
Все пела, плача и смеясь.
Я видел принца над потоком,
В его глазах была печаль.
В оцепенении глубоком
Он наблюдал речную сталь.
А мимо тихо проплывало
Под ветками плакучих ив
Ее девичье покрывало
В сплетеньи майских роз и нимф.

Отказать этому стихотворению в праве называться экфрасисом (одно произведение литературы описывает другое) значит отрицать очевидное.

Красота напрямую связана с понятием *стиля*. «Стиль всегда характеризуется принципом отбора и комбинации языковых средств, их трансформаций, пишет Ю. С. Степанов. – Различия стилей определяются различиями этих принципов» [4, с. 494].

Понятие *стиля* не сводится, разумеется, только к красоте, но экфрасиические тексты всегда субъективно модальны, и красота или, выражаясь современным языком, концепт «красота» является их существенным компонентом.

Сравним два экфрасиических текста. Оба они являются образцами так называемого *действительного* [“actual”] экфрасиса, поскольку их появление было инициировано реально существующим произведением живописи - картиной Диего Веласкеса «Портрет инфанты Маргариты».

Первый текст принадлежит перу О. Уайльда. Это отрывок из его сказки *The Birthday of the Infanta*:

But the Infanta was the most graceful of all, and the most tastefully attired, after the somewhat cumbrous fashion of the day. Her robe was of gray satin, the skirt and the wide puffed sleeves heavily embroidered with silver, and the stiff corset studded with rows of fine pearls. Two tiny slippers with big pink rosettes peeped out beneath her dress as she walked. Pink and pearl was her great fan, and in her hair, which like an aureole of faded gold stood out stiffly round her pale little face, she had a beautiful white rose [9, с.109].

Второй экфрастический текст – стихотворение Павла Антокольского
Портрет инфанты

ПОРТРЕТ ИНФАНТЫ

Художник был горяч, приветлив, чист, умен.
Он знал, что розовый застенчивый ребенок
Давно уж сух и желт, как выжатый лимон;
Что в пульсе этих вен — сны многих погребенных;
Что не брабантские бесценны кружева,
А верно, ни в каких Болоньях иль Сорбоннах
Не сосчитать смертей, которыми жива
Десятилетняя.

Тлел перед ним осколок
Издерганной семьи. Ублюдок божества.
Тихоня. Лакомка. Страсть карликов бесполоых
И бич духовников. Он видел в ней итог
Истории страны. Пред ним метался полог
Безжизненной души. Был пуст ее чертог.

Дуэньи шли гурьбой, как овцы. И смотрелись
В портрет, как в зеркало. Он услышал поток
Витиеватых фраз. Тонуло слово «прелесть»
Под длинным титулом в двенадцать ступеней.
У короля-отца отваливалась челюсть.
Оскалив черный рот и став еще бледней,
Он проскрипел: «Внизу накормят вас, Веласкец».
И тот, откланявшись, пошел мечтать о ней.

Дни и года его летели в адской пляске.
Всё было. Золото. Забвение. Запой
Бессонного труда. Не подлежит огласке
Душа художника. Она была *собой*.
Ей мало юности. Но быстро постареть ей.
Ей мало зоркости. И всё же стать слепой.

Потом прошли века. Один. Другой, И третий.
И смотрит мимо глаз, как он ей приказал,
Инфанта-девочка на пасмурном портрете.

Пред ней пустынный Лувр. Седой музейный зал.
Паркетный лоск. И тишь, как в дни Эскуриала.
И ясно девочке по всем людским глазам,
Что ничего с тех пор она не потеряла —
Ни карликов, ни царств, ни кукол, ни святых;
Что сделан целый мир из тех же матерьялов,
От века данных ей. Мир отсветов золотых,
В зазубринах резьбы, в подобье звона где-то
На бронзовых часах. И снова — звон затих.

И в тот же тяжкий шелк безжалостно одета,
Безмозгла, как божок, бесспорна, как трава
Во рвах кладбищенских, старей отца и деда,—
Смеется девочка. Сильна тем, что мертва [7, с. 93 – 94]

Антропоцентрическая парадигма современного лингвистического знания позволяет по-новому рассматривать многие языковые практики вообще и процесс порождения текста в частности. «Развитие лингвистики в последние годы отличается постоянно усиливающимся влиянием на все ее области антропоцентрического подхода, при котором языковые явления и процессы трактуются с позиций : "присвоения" их человеком – носителем языка», – пишет Е.А. Гончарова в статье *Стиль как антропоцентрическая категория* [3, с, 146 – 154].

Ссылаясь на работу немецкого лингвиста Г. Антоса *Grundlagen einer Theorie des Formulierens*, в которой речевое формулирование рассматривается как «решение проблемы с помощью особой организации текста», автор статьи к двум сторонам формулирования, выделенным Г. Антосом, - производству текста и представлению предмета коммуникации, – добавляет третью – «представление или самовыражение речевого субъекта текста»[3, с.147 – 148].

Диалектика отношений этих трех сторон формулирования создает, по мнению Е.А. Гончаровой, **модус формулирования** текста. Модус формулирования отражает сложную диалектику субъектно-объектных отношений в процессе создания текста автором и восприятия его адресатом. Поэтому, как полагает Е. А. Гончарова, понятие *стиль* нуждается в уточнении. В этом уточнении важна неперемнная соотнесенность *стиля* в любом его истолковании (как функционального стиля или как индивидуального способа речевого выражения и др.) с текстом и дискурсом.

Второе уточнение связано со спецификой эстетической информации – в ней «всегда заключено определенное, более или менее опосредованное отношение единиц текстовой структуры и всего к **структуре языковой личности**, которая системно и целенаправленно (с разной степенью осознания системности и целенаправленности) использует текст в одном из видов своей деятельности» [3, с.150].

При анализе текста Уайльда, нужно иметь в виду тот факт, что он считал задачей создание красоты, недоступной действительной жизни. «Искусство начинается с абстрактного украшения, с чисто-изобразительной приятной работы над тем, что недействительно, чего не существует, писал он в знаменитом трактате *Упадок лжи*. - Жизнь приходит в восторг от этого нового чуда и просит, чтобы ее пустили туда, в этот очарованный круг. Искусство берет жизнь как часть своего сырого материала, пересоздает ее, перевоплощает ее в новые формы; оно совершенно равнодушно к фактам, оно изобретает, фантазирует, грезит, и между собой и реальностью ставит **высокую преграду красивого стиля**» (выделено нами. – Л.Г.) [6, с. 152].

«Тяжелое, шитое серебром и жемчугом шелковое платье инфанты не позволяло ей не только бегать быстро, но даже ходить. Надев его, уже нельзя было опустить руки». Описание наряда инфанты ничего общего с этими неудобствами не имеет:

But the Infanta was the most graceful of all, and the most tastefully attired, after the somewhat cumbrous fashion of the day.

Грациозная девочка у него одета с большим вкусом по немного неуклюжей моде того времени. В основе экфрастического текста Уайльда лежит эстетизм и сильная тяга к декоративной стороне искусства:

Pink and pearl was her great fan, and in her hair, which like an aureole of faded gold stood out stiffly round her pale little face, she had a beautiful white rose.

Стихотворение Павла Антокольского *Портрет инфанты* вызывает в памяти другой *Портрет* – стихотворение Н. Заболоцкого:

Любите живопись, поэты,
Лишь ей единственной дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Души в портрете Веласкеса как раз и нет:

Тлел перед ним осколок
Издерганной семьи. Ублюдок божества.
Тихоня. Лакомка. Страсть карликов бесполох
И бич духовников. Он видел в ней итог

Истории страны. Пред ним метался полог
Безжизненной души. Был пуст ее чертог.

Антокольский отчасти прав. Официальный испанский портрет никогда не выходил за рамки раз и навсегда установленных канонов и был чрезвычайно строг, не допуская никакой интимности в выражении чувств. Но дело не только в этом. Стихотворение было написано в 1928 году и отражает эстетику того времени.

Главная фигура в этом стихотворении не инфанта Маргарита, а художник. Специфика модуса формулирования в стихотворении в том, что поэт незаметно подменяет видение Веласкеса и его отношение к инфанте как к объекту изображения своим собственным видением.

Отличительные черты стиля – подчеркнутая деэстетизация и явная идеологическая подоплека:

Он знал, что розовый застенчивый ребенок
Давно уж сух и желт, как выжатый лимон;
Что в пульсе этих вен — сны многих погребенных;
Что не брабантские бесценны кружева,
А верно, ни в каких Болоньях иль Сорбоннах
Не сосчитать смертей, которыми жива
Десятилетняя.

Экфрастический текст Антокольского по сути своей парадоксален – та, которая была мертва при жизни, получила бессмертие на портрете мастера:

Потом прошли века. Один. Другой, И третий.
И смотрит мимо глаз, как он ей приказал,
Инфанта-девочка на пасмурном портрете.
Пред ней пустынный Лувр. Седой музейный зал.
Паркетный лоск. И тишь, как в дни Эскуриала

Экфрасис многолик, как Протей, и, прежде всего, в плане стиля, но лингвистические аспекты этого феномена культуры изучены недостаточно и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Список литературы

1. Абиева, Н.А. Поэтический экфрасис// Studia Linguistica – 10. Проблемы теории европейских языков. СПб.: Тригон, 2001. – С. 80 – 94/
2. Барт, Р. Эффект реальности // Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. – С.392 – 400.
3. Гончарова, Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория. - Studia Linguistica- 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. – СПб.: Тригон, 1999. – С. 146 – 154..4.

4. Степанов, Ю.С. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
5. Mitchell W.J. P Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation - The University of Chicago Press, 1999.
6. Wilde O. The Decay of Lying // De Profundis, the Ballad of Reading Gaol and Other Writings by Oscar Wilde. – Wordsworth Classics, 2002. – P. 139 – 171.

Источники

7. Антокольский П. Портрет инфанты // Избранное в 2-х т. Т. 2. Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1966.
8. Shakespeare W. Hamlet. – N. Y., 1992.
9. Wilde O. The Birthday of the Infanta // Fairy Tales by Oscar Wilde. – Moscow: Progress Publishers? 1979/ - P. 108 132.

Е.А. Иванова
Кафедра английской филологии

ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КОМПОНЕНТОВ-ЛИЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА ПО СОЦИАЛЬНЫМ СВОЙСТВАМ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ)

В данной статье мы рассмотрим компонентный состав фразеологизмов-наименований человека по социальным свойствам и роль этих компонентов в формировании фразеологического значения.

Нельзя однозначно ответить на вопрос о значении термина «компонент фразеологизма». Некоторые лингвисты рассматривают компонент ФЕ как внесловное образование, утратившее свое лексическое значение, растворившееся в составе фразеологизма, другие же признают словную природу этих компонентов [Ануфриева, 2009].

А.В. Жуков отмечает, что «фразеологизм формируется в ходе...фразеологизации. В результате...словосочетание становится носителем совершенно нового содержания, несводимого к механической сумме значений исходных слов» [Жуков,1984: 31].

Итак, что же обозначает термин «фразеобразование»? Вслед за В.А. Лебединской мы понимаем процесс фразеобразования как «трансформацию лексических значений компонентов, которые в процессе фразеологизации подвергаются различным преобразованиям, в результате чего они исчеза-

ют..., превращаясь в один или несколько семантических элементов сложного...фразеологического значения» [Лебединская, 1987:12].

Лексема, став компонентом фразеологизма, подвергается семантическим преобразованиям на уровне категориального, субкатегориального и индивидуального значения.

Фразеологизмы-наименования человека по социальному признаку имеют общую категориальную сему «предметность», относятся к субстантивным ФЕ, выступая в предложении в роли подлежащего, дополнения или именной части сказуемого: *важная птица, должностное лицо, дама сердца*.

В процессе фразеобразования важную роль играет синтаксическая модель ФЕ. В образовании описываемых нами фразеологизмов принимают участие слова разных частей речи: существительные, местоимения, числительные, прилагательные, причастия. Подавляющее большинство фразеологизмов-антропономинантов по социальному признаку построено по синтаксической модели «прилагательное + существительное» (*большой человек, голубая кровь, повивальная бабка, злой гений*) или «существительное + (предлог) + существительное» (*стадо баранов, кот (в) мешке, спица (в) глазу, сливки общества*). Количество компонентов обычно не превышает четырех (*седьмая вода на киселе*), но преобладают двухкомпонентные ФЕ (*власть имущие, пиковая дама, подопытный кролик, коронованная особа*).

Грамматически главным компонентом выступает субстантивный компонент, «который сохраняет присущее ему категориальное значение предметности и распространяет его на весь фразеологизм в целом...» [Ратушная, 2000:5]. Данные компоненты сохраняют морфологические категории рода, числа и падежа, тогда как грамматически подчиненные компоненты утрачивают свои грамматические свойства.

В качестве грамматически зависимого компонента ФЕ могут выступать различные части речи: имена прилагательные (*вечный студент*), имена существительные (*жрица любви*), причастия (*власть имущие*) числительные (*первая леди*), местоимения (*ваши благородие*), а также словосочетания с предлогами и без предлогов (прилагательное + существительное, числительное + существительное): *птица невысокого полета, мастер своего дела, звезда первой величины* и др.

Довольно своеобразной синтаксической моделью обладает подгруппа фразеологизмов-наименований человека по социальному признаку - официальные почетные наименование лиц: *ваши величество, ваши высочество, его честь* и т.д. Данные ФЕ построены по модели «местоимение + абстрактное существительное». В современном русском языке эта фразеологическая

группа является малопродуктивной и малоупотребительной, что отражается в публицистическом дискурсе. Например, наиболее частотная в данной группе ФЕ *его/её величество* (10 употреблений).

Компонентный состав ФЕ-наименований человека по социальным признакам может характеризоваться наличием как одушевленных (личных существительных и зоонимов), так и неодушевленных (собственных существительных, собирательных, отвлеченных существительных) компонентов. В данной статье мы рассмотрим ФЕ-наименования человека по социальным признакам с компонентом-личным (одушевленным) существительным и их частотность в публицистическом тексте.

Названные фразеологизмы с компонентом-одушевленным существительным являются наиболее частотными в публицистическом тексте (78 единиц), особую активность проявляют ФЕ с компонентом-личным существительным: *старая дева, злой гений, профессор кислых щей, баловень судьбы*.

Среди данных ФЕ мы выделили 6 групп фразеологизмов, компоненты которых обладают различной степенью фразеологической активности:

1. ФЕ с компонентом-обобщенным существительным;
2. ФЕ с компонентом-термином родства;
3. ФЕ с компонентом-наименованием человека по профессии;
4. ФЕ с компонентом-наименованием человека по званию;
5. ФЕ с компонентом-наименованием человека по ситуативным состояниям;
6. ФЕ с компонентом-наименованием человека по межличностным отношениям.

Наибольшей продуктивностью обладают фразеологизмы с компонентом-обобщенным существительным, особенно существительные человек (люди), лицо, особа, персона и личность – 18 единиц. Например: *первые лица, большой человек, наши люди, персона нон грата, частное лицо, коронованная особа*.

У данных ФЕ в роли атрибутивного компонента часто используются имена прилагательные, которые выступают во фразеологически связанном значении. Например, *духовное лицо* – «священник». Однако атрибутивную функцию может выполнять не только определение, но также другой субстантивный компонент или компонент-местоимение: *персона грата, свой человек* – «человек с близкими кому-либо убеждениями, взглядами, настроениями; надёжный товарищ».

ФЕ с компонентами *лицо, персона, человек* являются очень распространенными, потому что, на наш взгляд, в их семантике отсутствует индивиду-

альное, личное отношение к кому-либо. По нашему мнению, это является причиной частого использования названных фразеологизмов в СМИ и юридических документах (251 употребление).

Фразеологизмы-антропониманты с компонентом-термином родства обозначают индивидуальный признак человека. Фразеобразовательная активность этих компонентов довольно низкая – 7 единиц.

ФЕ-наименования с термином родства достаточно редко употребляются в публицистическом тексте. Наиболее частотными среди данных фразеологизмов являются названия лиц по брачным отношениям и по непрямому родству (*Христова невеста, крестная мать, крестный отец*) – 10 употреблений.

Активное участие во фразеобразовании ФЕ-антропонимантов принимают компоненты-наименования человека по профессии: *мастер, жрец, профессор: мастер своего дела, жрец науки, профессор кислых щей*. В названных ФЕ содержатся семы «род занятий, профессия» и дифференцирующие семы, указывающие на конкретный вид деятельности. Продуктивность этих компонентов высока – 24 единицы, 18 из которых имеют в своем составе компонент-одушевленное существительное. Фразеологизмы, номинирующие человека по профессии, очень часто употребляются в газетной статье – 152 употребления. На наш взгляд, это связано с кризисом в стране, с безработицей, нехваткой заработной платы.

ФЕ с компонентом-наименованием человека по званиям, должностям занимают особое место, в первую очередь, потому что многие из них являются устаревшими обращениями (*милостивый государь, ваше величество, его сиятельство*) или носят иронический оттенок (*свадебный генерал, голый король*). Фразеобразующая активность компонентов, входящих в состав данных фразеологизмов очень низка – 5 единиц, однако количество употреблений в тексте достигает 34 единиц. Некоторые из указанных ФЕ используются в газетной статье для создания определенной атмосферы. Например:

Конечно, будет роскошный бал у князя Орловского, а *Его Величество* Шампанское будет литься рекой (АиФ, 17.09.2009).

К фразеологизмам с компонентом-личным существительным относятся ФЕ, обозначающие человека по ситуативным состояниям и по межличностным взаимоотношениям. Первые (с компонентом-наименованием человека по ситуативным состояниям) обозначают человека по нестабильным признакам, которые могут измениться с течением времени: *виновник, возмутитель, покоритель, герой, баловень (виновник торжества, возмутитель спокойствия, покоритель сердец, герой нашего времени, баловень судьбы)*. Актив-

ность названных компонентов составляет 12 единиц, но частотность употреблений в тексте довольно высока – 80 единиц.

Фразообразующая активность компонентов, входящих в состав фразеологизмов-антропономинантов по межличностным отношениям (друг, враг, приятель, подруга) очень высока – 28 единиц. Данные ФЕ довольно часто употребляются в публицистическом тексте (58). Данное явление можно объяснить тем, что для русских людей дружба, также как и вражда, издавна являлась важным элементом в жизни.

Итак, можем сделать следующие выводы: в образовании ФЕ, номинирующих человека по социальным признакам, принимают участие слова разных частей речи, преобладающими являются имя существительное и имя прилагательное.

Из шести выделенных нами групп ФЕ-наименований человека по социальным признакам с компонентом-личным (одушевленным) существительным наибольшей фразообразовательной активностью обладают компоненты-наименования человека по межличностным отношениям – 28; средней продуктивностью - ФЕ с компонентом-обобщенным существительным, ФЕ с компонентом-наименованием человека по профессии – 18 единиц и ФЕ с компонентом-наименованием человека по ситуативным состояниям – 12 единиц; минимальной фразообразовательной активностью обладают компоненты-термины родства (7 единиц) и компоненты-наименования человека по званиям (4 единицы).

В публицистическом тексте наиболее частотными являются фразеологизмы с компонентом обобщенным существительным – 251 употребление, наименьшее количество употреблений у ФЕ с компонентом-термином родства – 10 употреблений.

Список литературы

1. Ануфриева М. А, Федуленкова Т. Н. О сущности компонента фразеологической единицы/А.М. Ануфриева: <http://www.samgum.ru/newforum/viewtopic.php?id=74>
2. Жуков А.В. Фразеологическая переходность в русском языке: Учеб.пособие к спецкурсу/ А.В. Жуков. – Ленинград: ГПИ А.И. Герцена, 1984. – 93с.
3. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка/ В.А. Лебединская. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80с.
4. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе её формирования и функционирования/Е.Р.Ратушная. – Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2000.– 223с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОМАТИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ С. ЕСЕНИНА

В поэтических образах С. Есенина большое значение имеют слова лексико-семантической группы соматизмов. В истории развития национального языка в XX в. роль С. А. Есенина как новатора неоспорима. Русский классик, вышедший из крестьянства, продолжая великое дело Пушкина, Гоголя, Толстого, еще далее «раздвинул границы» народного языка, доказал неисчерпаемость его возможностей, его необыкновенную гибкость и духовную силу.

Основным образным средством в поэзии С.А.Есенина является метафора. Вторичные по отношению к значению смыслы слов, возникающие благодаря этому тропу, и ассоциативные связи делают рисунок стиха неповторимым.

Стихи С.А.Есенина идут от жизни, от знания крестьянского быта. Главное место в них занимает реалистическое изображение деревенской жизни. Не случайно сильная сторона его первого сборника стихов "Радуница" как раз и заключалась в лирическом изображении русской природы.

Значимость есенинской лирики состоит в том, что в ней чувство любви к родине всегда выражается не отвлеченно и риторично, а конкретно, в зримых пейзажных образах. Есенин одухотворяет и олицетворяет природные явления: "Черемуха манит рукавом", "Словно белой косынкой подвязалася сосна". В то же время поэт активно использует прием психологического параллелизма: "С алым соком ягоды на коже..." или "На закат ты розовый похожа...". Изображение человека в общении с природой дополняется у Есенина любовью ко всему живому. В таком взгляде были отголоски древнего представления о человеке, природе, надолго удержавшегося в сознании крестьянства. Антропоцентризм лирики С.Есенина на языковом уровне выражается прежде всего в активном употреблении соматизмов.

Соматизмы (от др.-греч. soma – «тело») - лексемы, обозначающие различные части человеческого тела: это наименования внутренних и внешних органов человеческого тела, конечностей, их частей. Слова данной лексико-семантической группы вызывают интерес у многих лингвистов, ведущих свои исследования в рамках когнитивного и лингвокультурологического подхода к изучению языка. При этом для их обозначения используются различные термины. Е.М.Лазуткина предлагает термин «соматические рече-

ния», который обозначает словосочетания и предложения, описывающие мимику, жесты, позы, характерные движения тела, выражения лица, которые являются показателями душевных состояний, реакций человека [Лазуткина, 2004, с. 402].

И.В.Захаренко произвёл лингвокультурологический анализ соматизма «нога» и доказал, что в составе многих русских фразеологизмов присутствуют компоненты, принадлежащие соматическому коду культуры, поскольку тело человека издревле является источником познания и осмысления мира; знания и наблюдения человека о самом себе переносятся на окружающую действительность. Наименования частей человеческого тела, специфические для них свойства, характеристики, пространственные и временные их «измерения», помимо «названия», несут в себе значимые для культуры смыслы и образуют соматический код культуры [Захаренко, 2004, с. 205 - 206].

В настоящее время языковая концептуализация человеческого тела и его частей, органов и действий, совершаемых ими и над ними, становится одной из наиболее популярных тем лингвистических исследований. Были проведены классификации частей тела, определены значения классификационных признаков и способы кодирования тела и его частей в различных языках. Построенные классификации показали, что не все наименования частей человеческого тела являются равноправными с точки зрения лингвокультурологического подхода. Органы и части тела делятся на «основные» и «неосновные». К «основным» относятся соматизмы «сердце» и «голова», к «неосновным» - называющие парные органы и части тела, такие как «плечи», «уши», «почки» [Г.Е.Крейдлин, А.Б.Летучий, 2004, с.121 - 122].

Соматизмы составляют один из древнейших пластов лексики любого языка. Они способны образовать сложные системы переносных значений и обладают повышенной продуктивностью в сфере образования метафор. Поэтому культурологическую значимость соматизмов важно учитывать при анализе художественных текстов. Некоторые авторы особенно активно используют соматизмы и, сочетая их со словами других лексико-семантических групп, получают богатую палитру эмоциональных, стилистических и смысловых оттенков, коннотаций, "которые накладываются на основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п." [Ахманова, 1960, с. 203-204].

Богатый фактический материал по функционированию соматизмов в художественных текстах представляет творчество С.А. Есенина. В его лирических произведениях употребляется 89 соматизмов: *сердце, рука, глаз, ли-*

*цо, грудь, волос, нога, колено, плечо, уста, лик, губа, рот, тело, око, па-
лец, коса, бровь, стан, веко, спина, язык, кость, борода, кудри, лоб, щека,
зуб, живот, горсть, ус, седина, головушка, чрево, пуп, ладонь, длань, прядь,
чело, темя, нос, глазок, ребро, печенка, брюхо, задница, зад, перст, горло,
бельмо, глава, харя, морда, мордища, вежды, зрачок, ланита, скула, голов-
ка, башка, затылок, загривок, глотка, десна, локон, проседь, прическа, ку-
лак, локоток, запястье, печень, перед, тулово, бок, сиська, горб, ляжка,
коленка, пята, сердечко, мозг, кишка, желудок, мускул, жила, поджилки,
клык, голень, челюсть, скелет.* Общее количество употреблений этих слов в
стихах С.А.Есенина равняется 781.

«Плотность» употребления соматизмов в поэзии С.А.Есенина чрезвы-
чайно велика. В одном произведении они часто могут встречаться рядом в
больших количествах, причем не в ряду однородных членов, а участвуя в
создании отдельных метафор:

Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари *лицо*.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

Я сегодня *рукой* упругую
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От *плечей* моих восемь крыл.

(«Июния», 1918).

Не изменят *лик* земли напевы,
Не стряхнут листа...
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные *уста*.

Навсегда простёр глухие *длани*
Звёздный твой Пилат.
Или, Или, лама савахфани,
Отпусти в закат.

(«Проплясал, проплакал дождь весенний...», 1917).

Соматизмы, употребляющиеся в поэтических текстах С.А.Есенина, можно
разделить на несколько тематических групп:

1) 13 единиц в 123 употреблении - соматизмы, называющие лицо и части
лица: *лицо, лик, харя, морда, мордища, уста, губа, рот, щека, нос, ла-
нита, лоб, чело*.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,

И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

(«Сторона ль моя, сторонка...», 1914).

2) 7 единиц в 104 употреблении - соматизмы, называющие орган зрения и
его части: *глаз, око, веко, глазок, бельмо, вежды, зрачок*.

Я не знал, что любовь - зараза,
Я не знал, что любовь - чума.

Подошла и прищуренным *глазом*
Хулигана свела с ума.

(«Пой же, пой. На проклятой гитаре...», 1923)

3) 8 единиц в 48 употреблениях - соматизмы, называющие голову и части головы: *голова, головушка, глава, головка, башка, темя, затылок, загривок*.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была...

Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела!

(«За темной прядью перелесиц...», 1915 – 1916)

Я иду долиной. На *затылке* кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.

Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.

(«Я иду долиной. На затылке кепи...», 1925).

4) 4 единицы в 11 употреблениях - соматизмы, называющие органы ротовой полости: *язык, горло, глотка, десна*.

Шел Господь пытаться людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.

Старый дед на пне сухом в дубове,
Жамкал *деснами* зачерствелую пышку.

(«Шел Господь пытаться людей в Любви...», 1914).

5) 9 единиц в 53 употреблениях - соматизмы, называющие волосяной покров головы: *волос, коса, кудри, седина, прядь, локон, космы, просесть, прическа*.

За темной *прядью* перелесиц,
В неколебимой синеве,

Ягнечок кудрявый - месяц
Гуляет в голубой траве.
(«За темной прядью перелесиц...», 1915 – 1916).

6) 4 единицы в 22 употреблениях - соматизмы, называющие волосяной покров лица: *бровь, борода, ус, ресницы*.

Вечер черные *брови* насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?
(«Вечер черные брови насопил...», 1923).

7) 2 единицы в 7 употреблениях - соматизмы, называющие шею: *шея, выя*.
Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за *шею* деревню
Каменные руки шоссе...

...Жилист мускул у дьявольской *выи*,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

(«Мир таинственный, мир мой древний...», 1921).

8) 10 единиц в 149 употреблении - соматизмы, называющие руки и части рук: **рука, палец, плечо, горсть, ладонь, длань, перст, кулак, локоток, запястье.**

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои вполукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

(«Пой же, пой. На проклятой гитаре...», 1923)

Не гляди на ее **запястья**
И с **плечей** ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

9) 15 единиц в 76 употреблении - соматизмы, называющие туловище и его части: **грудь, тело, стан, спина, живот, чрево, пуп, брюхо, задница, зад, перед, тулово, бок, сиська, горб.**

Вострубят божьи клики
Огнем и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный **пуп.**

И вывалится **чрево**
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслил девой,
Взойдет в корабль звезды.

(«Октоих», 1917).

10) 8 единиц в 51 употреблении - соматизмы, называющие ноги и части ног: **нога, колено, пятка, ножка, ляжка, коленка, пята, голень.**

Проклинаю тебя я Радонеж,
Твои **пятки** и все следы!

Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.
(«Инония», 1918)

11) 10 единиц в 118 употреблении - соматизмы, называющие внутренние органы: **сердце, печенка, сердечко, мозг, кишка, желудок, мускул, печень, жила, поджилки.**

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.

Не дознамо **печени** судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

(«Матушка в Купальницу по лесу ходила...», 1912).

12) 7 единиц в 17 употреблении - соматизмы, называющие скелет и его части: **кость, ребро, зуб, клык, челюсть, скелет, скула.**

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.

Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих **зубов.**
(«Инония», 1918).

Чаще всего в языке поэзии Есенина встречаются соматизмы *сердце, рука, глаз, голова, лицо, грудь*. Частотность употребления этих слов объяснима: это и объективная причина – большое количество употреблений их в языке, и субъективная – особенности творческой манеры Есенина. Например, самыми значимыми в облике возлюбленной, в ее внешности для лирического героя являются глаза и волосы. Нередко описание ими и ограничивается: «Облетает моя голова, /Куст *волос* золотистый вянет», «Со снопом *волос* твоих овсяных/ Отоснилась ты мне навсегда», «Васильками сердце светится, горит в нём бирюза,/ Я играю на тальяночке про синие *глаза*».

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих *волос* стеклянный дым
И *глаз* осенняя усталость.

О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

(«Пускай ты выпита другим...», 1923)

Очень важным является цвет волос и глаз. Глаза чаще голубые, волосы – русые и рыжие. Выцветание глаз, волос символизирует угасание жизненных сил, старение человека.

Сердце у Есенина, как и вообще в мировой культуре, употребляется как синоним души, а не как термин анатомии: «Ты *сердце* выпеснил избе,/ Но в *сердце* дома не построил»; «*Сердце* – свечка за обедней»; «На *сердце* лампадка, а в *сердце* Иисус», «Но одна лишь *сердцем* улыбается/ Голубая да весёлая страна». В сердце происходит внутренняя жизнь человека, скрытая от окружающих: «Цветы мои! Не всякий мог/ Узнать, что *сердцем* я продрог».

Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти *сердце* жить не в силе,—
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле...

...И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в *сердце* мгlistом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

(«Я обманывать себя не стану...», 1922).

Руки символизируют связь с внешним миром, выражают эмоции, желания. Они также отражают внутренний мир человека, но только в его внешних проявлениях:

И ещё спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она "моя"?...

...От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
"Ты - моя" сказать лишь могут *руки*,
Что срывали чёрную чадру.

(«Я спросил сегодня у менялы...»,).

В поэзии Есенина лексемы *сердце* и *рука (руки)* часто употребляются в составе фразеологизмов или устойчивых метафор, обращений: «Зажигай *сердца* пожаром», «Но *сердце* хмельное любви моей не радо», «Выходи, моё *сердечко*,/ Слушать песни гусяря»:

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой *рукой*.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

(«В этом мире я только прохожий...», 1925),

Как правило, в таких случаях сама лексема носит условный характер в силу традиционности своего употребления или вызывает у читателя параллели с интертекстом, которым является какое-либо фольклорное произведение.

Встречаются и оригинальные, сугубо есенинские употребления слов «*рука*», «*сердце*» в авторских метафорах: «Но мне другое чувство *сердце* гложет», «И меня твои лебязьи *руки*/ Обвивали словно два крыла», «Рассвет *рукой* прохлады росной/ Сгибает яблоки зари», «С тихой радостью в *сердце* вечерня», «Проклевавшись из *сердца* месяца, /Кукарекнув, взлетит петух»,

Верю – знать за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые *руки*
Проливает молоком

(«Гляну в поле, гляну в небо...», 1917)

Вбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

(«Хулиган», 1919).

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синюю свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

(«Я по первому снегу бреду...», 1917)

Руки даже в составе метафор не утрачивают своего конкретного предметного значения, помогая создавать антропоморфные образы природных явлений, Бога:

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

(«Мир таинственный, мир мой древний...», 1921).

Некоторые соматизмы употребляются в языке лирики С.А. Есенина очень редко. По одному - три употребления приходится на долю стилистиче-

ски сниженной, разговорной и просторечной лексики: *харя, морда, мордища, бельмо* (в значении «глаз»), *брюхо, башка, зад, задница, сиська, пятка, сердечко, тулово, локоток, печенка, пятка, глазок, коленка*. Просторечия употребляются чаще всего в хулиганских стихотворениях:

Полно кротостью *мордищ* праздниться,
Любо ль, не любо ль – знай бери.
Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают нам в толстые *задницы*
Окровавленный веник зари....

(«Сорокоуст», 1920).

Разговорные слова более характерны для ранней лирики, тесно связанной с народной культурой:

На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится старушка.
Сын в краю далеком родину спасает...
Молитва старушки сына поминает,

Голову седую на руки склонила.
И закрыли брови редкие *сединки*,
А из глаз, как бисер, сыплются слезинки.

...И от счастья с горем вся она застыла,

(«Молитва матери», 1914).

Сказали ангелы солнышку:
"Разбуди поди мужика, красное,
Потрепи его за *головушку*,
Дескать, беда для тебя опасная".
Встал мужик, из ковша умывается,

Ласково беседует с домашней птицею,
Умывшись, в лапти наряжается
И достает сошники с палицею.

(«Богатырский посвист», 1914).

Редко используется высокая, архаичная лексика: *вежды, чело, ланита, выя, чрево, волоса, волосья, пята, глава, длань, перст*:

День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к ухodu.
Легким взмахом белого *перста*
Тайны лет я разрезаю воду.
В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена,
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной губы

(«День ушел, убавилась черта...», 1916).

Малоупотребительными являются соматизмы, обозначающие части тела, которые в культуре осознаются как менее поэтические: *прядь, ус, ресницы, клык, десна, скула, загривок, запястье, горсть, сосцы, желудок, кишка, мозг, печень, голень, ладонь, нос, мускул, жила, челюсть* :

Никому и в голову не встанет,

Что солома — это тоже плоть!..

Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолотъ
И, из мелева заквашивая тесто,

Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан *желудка* яйца злобы класть.

(«Песнь о хлебе», 1917).

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в *носу*.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

(«Грубым дается радость...», 1923).

Важность смыслового анализа соматизмов для понимания творчества С.А.Есенина объясняется тем, что его поэзия тесно связана с народным мироощущением, культурой, фольклором, а наши предки, как известно, наделяли особым, сакральным смыслом различные части тела. Такое явление обозначается термином «соматический код культуры». Это отражалось в языке, например, левая и правая рука назывались по-разному: «шуя» и «десница». Отголоски подобных представлений встречаются и в современной культуре в виде суеверий (плюнуть через левое плечо), правил (ношение обручального кольца на безымянном пальце правой руки, броши на левой стороне груди). В языке сохранилось большое количество фразеологизмов с компонентами-названиями частей тела «горячая *голова*», «нечист на *руку*», «ненасытная *утроба*», «встать не с той *ноги*».

Во-вторых, специфической чертой лирики является антропоцентризм – внимание к конкретному человеку, к его внутренней и внешней жизни. У Есенина природные объекты часто приобретают человеческие внешние черты, передавая связь внутреннего мира героя с природой: «*чрево* неба», «*ла- нита* полей», «*груди* берёз». Например, «*Языком* залижет непогода/ Прожитой мой путь»; «Погаснет день, мелькнув *пятой* златою...»; «Заря, как волчица с ослабленным *ртом*», « И вспашу я чёрные *щёки*/ Нив твоих новой сохой», «И брызнет солнце *горстью* свой дождик на меня», «Злато солнышко, как *нун*, глядит в каспийский *рот*», «Отрок-ветер по самые *плечи*/ Заголил на берёзке подол».

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный *лик*.
Иные в *сердце* радости и боли,
И новый говор липнет на *язык*.
Водою зыбкой стынет синь во взорах,

Бредет мой конь, откинув удила,
И *горстью* смуглою листвы последний
ворох
Кидает ветер вслед из подола.

(«Голубень», 1917).

Еще одним проявлением антропоцентризма у Есенина является создание образа героя-великана. Фантастические метафоры привлекаются для передачи душевного состояния героя – ощущения своей всесильности, богоравности: «**Пятками** с облаков я свесюсь/ За уши встряхну я горы», «Хочется звёзды **рукою** помяти».

Говорю вам – весь воздух выпью
И кометой вытяну **язык**...

...До Египта раскорячу **ноги**,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами **рук**.

Коленом придавлю экватор
И, под бури и вихря плач,
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как золотой калач.

(«Инония», 1918).

По отношению к человеку соматизмы у Есенина употребляются с большой долей отвлеченности, метафоричности: «Неодетая, она ушла, взяв мои изогнутые **плечи**», «**Голова** ль ты моя удалая, до чего ж ты меня довела», «Мои рыдающие **уши** /Как вёсла плещут по **плечам**».

Чужие **зубы** разнесли
Твое тепло и трепет **тела**.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

(«Мне грустно на тебя смотреть...», 1923).

Есенин показывает себя великолепным мастером раскрытия, пользуясь пушкинским термином, «физического движения страстей». Он рисует сложную гамму чувств, описывая мельчайшие детали и изменения внешности: «Я в твоих **глазах** увидел море, Полыхающее голубым огнем»; «Только б тонко касаться **руки** И **волос** твоих цветом в осень». В каждой подобной строке – неповторимость чувства, полнота и истинная поэтичность переживаний.

Отдельно стоит сказать об особой религиозности С.А.Есенина: это народное, полуязыческое, полухристианское представление о Боге, Пресвятой Деве, Иисусе, связанной с ними жизни природы и родной страны:

Тяжко и горько мне...
Кровью поют уста...
Снеги, белые снеги -
Покров моей родины -
Рвут на части.
На кресте висит
Ее **тело**,
Голени дорог и холмов
Перебиты...

Волком воет от запада
Ветер...
Ночь, как ворон,
Точит клюв на **глаза-озера**.
И доскою надкрестною
Прибита к горе заря:
ИСУС НАЗАРЯНИН
ЦАРЬ
ИУДЕЙСКИЙ

(«Сельский часослов», 1918).

Кроме оригинальных авторских находок встречаются и традиционные употребления соматизмов в составе фразеологических единиц: «*Близок сердцу* желтеющий дол», «*До печёнок* меня замучила/ Со всех сторон».

Кроме оригинальных авторских находок встречаются и традиционные употребления соматизмов в составе фразеологических единиц: «*Близок сердцу* желтеющий дол», «*До печёнок* меня замучила/ Со всех сторон».

*Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть.
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.*

И из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груди вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан *желудка* яйца злобы класть

(«Песнь о хлебе», 1921)

Изучение соматизмов в языке поэзии С.А.Есенина важно для понимания его идиостиля.

Список литературы

1. Алексеенко М., Хорды М. Фразеосемантическая группа с соматизмом «голова»/ *glova* в современных русском и польском языках//*Slowotworstwo, semantika i skladnia jezykow slowianskich*. Т. 1. Katowice, 1990. С. 164 -174.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1960.
3. Захаренко И.В. «Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. - С. 205 – 206.
4. Крейдлин Г.Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы: отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах //Логический анализ языка. Язык этики. - М., 2000.
5. Лазуткина Е.М. Дискурс как когнитивный аспект коммуникации (на материале соматических речений) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.- С. 402.
6. Надь Л. Некоторые вопросы межъязыковой эквивалентности немецких и русских соматических фразеологизмов // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы конференции МАПРЯЛ. Краков, 1996. - С. 162 – 166.

**РОЛЬ ГЛАГОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА
В ФОРМИРОВАНИИ
СЕМАНТИКИ ПРИЧИННОСТИ
ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАУЗАТИВАХ**

Целью настоящего исследования является выявление роли глагольных компонентов в формировании семантики каузативности в парах фразеологических единиц, вступающих в причинно-следственные отношения. Наша картотека насчитывает около 300 таких единиц: *иметь столкновение – приводить к столкновению, находиться в зависимости – ставить в зависимость, питать любовь – вызывать любовь, испытывать ненависть – внушать ненависть, чувствовать симпатию – возбуждать симпатию.*

Под каузативной ситуацией понимается макроситуация, состоящая из “по меньшей мере двух микроситуаций, связанных между собой отношением каузации или причинения” [Недялков, Сильницкий 1969]. Отношение каузации имеет место, если один из фактов действительности изменяется в результате воздействия на него другого. Рассмотрим каузативную пару фразеологизмов *испытывать страсть – возбуждать страсть* (Он испытывает к ней страсть – Она вызывает у него страсть). Первый актанта (он) изменяется (начинает испытывать страсть) в результате причинения определенного воздействия на него (вызывает страсть) со стороны второго актанта (она). При этом компонент-каузатив *вызывать*, привносящий во фразеологическую единицу значение «заставить появиться, породить» [Ожегов, Шведова 2004: 112], включает в себя две микроситуации: воздействие на кого/что-либо – изменение кого/чего-либо по причине воздействия.

Каузативность в парах исследуемых процессуальных фразеологизмов создается за счет глагольного компонента-каузатива, привносящего значение *причинности* (**причинить** – «произвести, послужить причиной чего-либо»

[Ожегов, Шведова 2004: 603], **обусловить** – «2. явиться причиной чего-либо, вызвать что-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 438], **принести** – «4. причинить, дать в результате» [Ожегов, Шведова 2004: 595], **ввести** – «4. вовлечь во что-либо, причинить кому-либо что-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 70], **доставить** – «2. обеспечить, предоставить, причинить (то, что названо сущ.)» [Ожегов, Шведова 2004: 177]) или *воздействия* (морального, физического), в результате которого происходит изменение объекта (**вызвать** – «3.

заставить появиться, породить» [Ожегов, Шведова 2004: 112], **ввергнуть** – «1. силой вовлечь, поместить куда-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 70], **побудить** – «склонить к какому-либо действию» [Ожегов, Шведова 2004: 527], **вынудить** – «1. заставить, принудить» [Ожегов, Шведова 2004: 115], **навязать** – «3. принудить, заставить принять, купить что-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 377]).

Наибольшей частотностью в образовании процессуальных фразеологизмов, вступающих в причинно-следственные отношения, обладают бывшие глаголы, оформляющие каузативность, которые имеют максимально абстрактную семантику, нейтральную стилистическую окраску: **вызывать** (испытывать уверенность – вызывать уверенность), **внушать** (испытывать доверие – внушать доверие), **причинять** (испытывать страдания – причинять страдания), **способствовать** (стремиться к достижению цели – способствовать достижению цели), **обуславливать** (иметь связи – обуславливать связи), **доставлять** (испытывать радость – доставлять радость). Напротив, конкретные, стилистически окрашенные каузативные компоненты-глаголы образуют минимальное количество исследуемых единиц: **зажигать** (гореть желанием – зажигать желание, затеплила мысль – зажигать мысль), **гасить, тушить, глушить, душить** (терять активность - гасить, тушить, глушить, душить активность), **вливать** (испытывать бодрость духа – вливать бодрость духа), **заряжать** (чувствовать энергию – заряжать энергией), **воспалять** (пылать любовью – воспалять любовь), **воспламенять** (пылать страстью – воспламенять страсть). Эти бывшие глаголы, обозначавшие в свободном употреблении конкретную физическую деятельность, в составе фразеологизмов меняют свою субкатегориальную принадлежность. В исследуемые единицы они привносят индивидуальные семы, формируя семантику каузативности.

Часто в образовании каузативных пар участвуют бывшие глаголы движения: **приходить** – **приводить** (приходить в волнение – приводить в волнение, приходить в смятение – приводить в смятение, приходить в бешенство – приводить в бешенство, приходить в ужас – приводить в ужас), **доходить** – **доводить** (доходить до белого каления – доводить до белого каления, доходить до потери сознания – доводить до потери сознания, доходить до безумия – доводить до безумия), **выходить** – **выводить** (выходить из себя – выводить из себя, выходить из терпения – выводить из терпения, выходить из строя – выводить из строя), **входить** – **вводить** (входить в гнев – вводить в гнев, входить в грех – вводить в грех, входить в строй - вводить в строй), **сходить** – **сводить** (сходить с ума – сводить с ума). Первые фразеологизмы в каузативной паре относятся к субкатегории состояния. Об этих единицах писала

В.А. Лебединская: «Следует отметить такую особенность: фразеологизмы, обозначающие каузируемое состояние, обязательно имеют прямую объектную отнесенность, возникают каузативные пары, регулярно противопоставленные как безобъектные объектным, ср.: *входить в колею – вводить в колею кого? что?*; *выходить из себя – выводить из себя кого?*; *входить в меланхолию – вводить в меланхолию кого?*; *входить в практику – вводить в практику что?*; *выходить из терпения – выводить из терпения кого?*; *выходить из колеи – выводить из колеи кого? что?* и т.п.» [Лебединская, Усачева 1999: 101]. Исследователь выделяла «фразеологизмы, обозначающие каузируемое состояние (*входить в раж, впадать в амбицию, выходить из кризиса, выбиваться из колеи*)» [Лебединская, Усачева 1999: 101], в отдельную семантическую группу внутри субкатегории состояния. Вторые фразеологизмы в каузативной паре относятся к субкатегории отношения. Исследователь А.А. Соколова объединяет такие единицы в группу фразеологизмов «отношения, изменяющих психологическое состояние субъекта» [Соколова 2004: 16]. Глагольные компоненты приносят во фразеологизмы категориальную, субкатегориальную и групповую семантику, формируя значение каузативности, например: **вводить** – «4. вовлечь во что-либо; причинить кому-либо что-либо» [Ожегов, Шведова 2004: 70]): *входить в расход – вводить в расход, входить в обман – вводить в обман, входить в заблуждение – вводить в заблуждение*.

Каузативные компоненты-глаголы могут включать в свою семантику обозначение двух событий (казуирующего и казуируемого): *кормить* (питаться обещаниями - кормить обещаниями), *ввергать* (ввергаться в бедность – ввергать в бедность, ввергаться в нищету – ввергать в нищету, находиться в неволе – ввергать в неволю, жить в рабстве – ввергать в рабство), *лишать* (лишаться жизни – лишать жизни, лишаться рассудка – лишать рассудка, лишаться ума – лишать ума, лишаться счастья – лишать счастья), *тащить* (идти на буксире – тащить на буксире), *поймать* (попасться на удочку – поймать на удочку), *держат* (быть в курсе – держать в курсе). Анализируемые события характеризуются реализованностью (например, если лицо *держат в курсе*, оно обязательно *находится в курсе* – владеет информацией). Так, в каузативной паре фразеологизмов *кормить обещаниями – питаться обещаниями* глагольный компонент – каузатив *кормить* содержит в своем значении указание на два события: *кормить* обозначает и давать пищу-обещания (казуирующее событие) и принимать пищу-обещания (о другом агенте). Каузатив соединяет между собою имена двух лиц — протагонистов двух событий: **Начальник** *кормит обещаниями подчиненных*. При этом второе лицо (подчиненные) изменяется (питаются обещаниями) в результате морального воз-

действия на него первого лица (начальника). Оба события являются реализованными (второе лицо вынуждено принимать обещания).

Также глагольные компоненты-каузативы могут содержать обозначение одного события:

а) каузируемого: *ослаблять* (терять силы – ослаблять силы, терять активность – ослаблять активность, слабеть здоровьем – ослаблять здоровье), *истощать* (терять силы – истощать силы), *укреплять* (крепнуть здоровьем – укреплять здоровье). В этой группе каузируемое событие скорее имплицитруется, чем обозначается компонентом-глаголом. В семантику глагольного компонента входит обозначение сознательного, целенаправленного (реже нечаянного) действия и его цели. Если действие оказывается эффективным, то оба события осуществляются, если оно своей цели не достигает, то второе событие может оставаться нереализованным. Такие каузативы обозначают лишь действие и его цель. Например, можно *укреплять здоровье*, но не укрепить его.

б) каузирующего: *внушать* (чувствовать неуважение – внушать неуважение, испытывать презрение – внушать презрение, питать пренебрежение – внушать пренебрежение), *побуждать* (дать ответ – побуждать к ответу), *вынуждать* (дать ответ – вынуждать к ответу, дать согласие – вынуждать к согласию), *навязывать* (иметь мнение – навязывать мнение, иметь взгляды – навязывать взгляды), *прививать* (иметь навык – прививать навык, приобретать привычку – прививать привычку, приобретать склонность – прививать склонность, приобретать пристрастие – прививать пристрастие), *воспитывать* (иметь вкус – воспитывать вкус, иметь хорошие манеры – воспитывать хорошие манеры), *втягивать* (вступать в борьбу – втягивать в борьбу, вступать в войну – втягивать в войну, вступать в схватку – втягивать в схватку, вступать в драку – втягивать в драку), *вовлекать* (вступать в соревнование – вовлекать в соревнование, вступать в состязание – вовлекать в состязание, вступать в соперничество – вовлекать в соперничество, вступать в спор – вовлекать в спор, вступать в борьбу – вовлекать в борьбу). В этой группе каузативы содержат в своей семантике указание на два события, при этом каузатор воздействует на волю каузируемого, но результат может быть и не достигнут: можно *воспитывать хорошие манеры*, но не воспитать их, *втягивать в войну*, но не втянуть в неё, *вовлекать в борьбу*, но не вовлечь в неё.

В некоторых случаях исследуемые компоненты-глаголы не указывают на обозначение события: *обусловливать* (находиться в отношении – обусловливать отношения, быть в связи – обусловливать связи), *способствовать* (стремиться к достижению цели – способствовать достижению цели). Компо-

ненты-глаголы типа *обусловить* включают в свое значение только указание на каузацию одного целостного, нерасчлененного события другим столь же целостным событием: *успех обуславливает отношение к работе*.

Список литературы

1. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1999.
2. Неделков В.П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. – Л.: Просвещение, 1971.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1992.
4. Соколова А.А. Процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения в современном русском языке / Автореферат диссертации на соискание степени к.ф.н. - Челябинск, 2004.

О.А. Казенас, Ю.С. Чихирникова
Кафедра французской филологии

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ФРАНЦУЗСКОЙ СЕМЬИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ XX в.

Одним из ключевых концептов любой культуры является концепт семьи.

В последнее время исследованию данного концепта уделяется достаточно большое внимание. Исследуются вопросы трансформации концепта «семья» в культуре России (А.С.Сказко), концептуализации семьи в русской языковой картине мира (Е.В.Добровольская), реализации концепта «семья» в политическом дискурсе (Т.В.Андрюхина) и др.

Данный перечень не является исчерпывающим, поскольку тема семьи не потеряет своей актуальности до тех пор, пока существует общество. Ведь именно семья является его ячейкой, первоэлементом и основой. Кроме того, семья – категория историческая, приобретающая на разных исторических этапах различные формы.

Широкий спектр наук – социология, психология, философия, этика, эстетика, культурология, медицина и др., занимающихся изучением общества в целом, - в большей или меньшей степени затрагивает институт семьи.

Искусство, являясь формой отражения общественного бытия в художественных образах, не обошло своим вниманием тему семьи. В литературе сформировался жанр семейной хроники, яркими примерами которого являются произведения авторов XX века, принесшего войны, революции, изме-

нения в сфере межличностных отношений, в том числе в семье. Стали разрушаться прочные в прошлом устои монолитных семейных коллективов, обнажились внутренние противоречия и изъяны их векового уклада, рухнула вера в их прочность и незыблемость, подверглись сомнению традиционные представления и устоявшиеся каноны.

Французская художественная литература XX века отразила эту ломку старых семейных устоев в таких произведениях, как «Семья Тибо» Роже Мартен дю Гара, «Хроника Паскье» Жоржа Дюамеля, «Семья Буссардель» Филиппа Эриа, «Конец людей» Мориса Дрюона и многих других.

В данной статье мы остановимся на анализе четырех произведений французских авторов, два из которых относятся к периоду 30 - 40-ых годов XX века (романы Филиппа Эриа «Испорченные дети» и Эрве Базена «Змея в кулаке»), одно - к 70-м годам (М.Кардиналь «Ключ в двери»), и четвертое произведение – это роман современной французской писательницы А.Гавальда «35 кило надежды».

Цель проводимого исследования заключается в том, чтобы выявить эволюцию в представлении образа французской семьи в современной французской художественной прозе.

Мы считаем, что в художественных произведениях изменения в представлении образа семьи и ее места связаны с изменениями в социальной жизни самого французского общества.

Для исследования использовались методы контент-анализа, концептуальный анализ и фреймовая методика.

В первых двух произведениях речь идет о распаде старинных, крепких, казавшихся незыблемыми семейных кланов, которые в XIX веке находились на первом плане и составляли «сливки общества». Между тем в романах представлены разные стадии разлада в семье: начало расшатывания былого величия семейного клана («Испорченные дети») и его окончательный крах («Змея в кулаке»).

В произведениях М.Кардиналь и А.Гавальда представлены современные семьи с теми изменениями, которые являются следствием феминистических движений 70-х годов.

Если в первых двух произведениях мы имеем дело с семьей-кланом с устоявшимися традициями, представленной несколькими поколениями, имеющей более двух детей, то в других двух произведениях, относящихся ко второй половине XX века, представлена иная модель семьи, а именно «современная» семья, включающая супругов и их детей.

При построении фреймовых моделей семьи в исследуемых произведениях были выявлены несколько общих слотов: «отношение родителей к детям», «отношение детей к родителям», «отношения между детьми», «отношения между родителями» и «атмосфера в доме». Таким образом, ядро образа французской семьи составляют внутрисемейные взаимоотношения и атмосфера в доме как результат этих взаимоотношений.

В романе Ф.Эриа «Испорченные дети» были выделены такие слоты, как «семейный уклад», «отношения между взрослыми членами семьи», «отношение к дальним родственникам», которые не нашли отражения в романе Э.Базена «Змея в кулаке» и более поздних произведениях, из чего следует, что модель расширенной семьи, представленная в данном произведении, трансформируется в традиционную («Змея в кулаке») и затем в современную семью («Ключ в двери», «35 кило надежды»).

Как было сказано выше, в романах Ф.Эриа и Э.Базена мы имеем дело с одним и тем же типом семьи – кланом. Многие характеристики семей Буссардель и Резо совпадают:

Ф.Эриа «Испорченные дети»	Э.Базен «Змея в кулаке»
<i>le caste – каста</i>	<i>la famille bourgeoise - буржуазная семья</i>
<i>le clan – клан</i>	<i>le clan – клан</i>
<i>la dynastie – династия</i>	

При общности трактовки семьи как клана, в романе Ф.Эриа в большей степени и разнообразнее представлены черты семьи, характеризующие ее как клан: семья имеет определенную иерархическую структуру (*le matriarcat; c'était les femmes qui gouvernaient*), в ней соблюдаются интересы клана, наблюдается консерватизм по отношению к семейным традициям (*des épousailles sans amour; se marier au sein de la famille*), замкнутость, обособленность.

Во главе обеих семей стоят женщины, сильные, властные и, одновременно, достаточно жестокие и бессердечные:

Ф.Эриа «Испорченные дети»	Э.Базен «Змея в кулаке»
<i>Bonne Maman: la mère de tous les Boussardel</i> мать всех Буссардель	<i>La mère: la majesté, la puissance - ee Величество, могущество</i>

La mere d'Agnès: le cardinal - кардинал

*La tante: le ministère du porte-parole –
министерство глашатая*

Месье Резо является полной противоположностью своей жены: *ne pas être un homme, n'avoir aucune autorité sur sa femme, la plus grande loque de père? Chef de la famille si peu digne de ce titre.*

Атмосфера в доме описывается в обоих романах как атмосфера ревности, подозрительности, слезки, драмы, даже войны:

Ф.Эриа «Испорченные дети»

Э.Базен «Змея в кулаке»

la jalousie – ревность

l'atmosphère irrespirable, empoisonnée

-

la défiance - недоверие

удушающая, отравленная атмосфера

l'espionnage - слежка

le soupçon – подозрение

la guerre civile – гражданская война

Достаточно подробно и разнообразно представлен в этих двух романах слот «деньги». Мы посчитали необходимым выделить его отдельно, хотя, казалось бы, что деньги и семья – понятия, относящиеся к различным сферам бытия. Однако в нашем случае деньги являются тем элементом, который лежит в основе существования обеих семей, это та главная ценность, которая правит всеми отношениями внутри семьи и ее отношениями с окружающим миром. Разница состоит лишь в том, что в романе Э.Базена денежная политика направлена на жесткую экономию в связи с тем, что семья находится на грани развала:

Ф.Эриа «Испорченные дети»

Э.Базен «Змея в кулаке»

la religion de l'argent – религия денег

avare – жадный, -ая

*au nom du sens de l'argent – во имя
сути денег*

*des économies féroces – ужасные эконо-
мии*

*aimer l'argent pour son pouvoir de mul-
tiplication – любить деньги за их спо-
собность приумножаться*

ne pas être riche – быть небогатым

Несмотря на то, что слот «отношение родителей к детям» является общим для всех четырех произведений, в романах М.Кардиналь и А.Гавальда он получает иную интерпретацию, чем в романах Ф.Эриа и Э.Базена: дети в представленных семьях желанны и любимы, родители чувствуют свою ответственность за них самих и их будущее:

М.Кардиналь «Ключ в двери»

désirer très fort tous les trois – очень
сильно желать всех троих

*se sentir responsable de leurs corps, de
leur pensée* – чувствовать себя от-
ветственной за их тела, за их мысли

ne pas oser trop intervenir – не осмели-
ваться слишком часто вмешиваться

А.Гавальда «35 кило надежды»

n'avoir que le fils – иметь только сы-
на

ne pas surveiller trop près du travail –
не слишком следить за работой (сы-
на)

s'intéresser – интересоваться
aider – помогать

По-разному представлены в произведениях и отношения между супру-
гами.

Во всех произведениях семьи полные, однако в романах Ф.Эриа и
Э.Базена супружеские отношения превращаются в терпеливое сосуществова-
ние нелюбящих, а порой даже испытывающих отвращение друг к другу лю-
дей во имя продолжения рода, преумножения состояния, сохранения прин-
ципов, устоев и традиций семей:

Ф.Эриа «Испорченные дети»

ne pas aimer – не любить

une répugnance profonde – глубокое
отвращение

Э.Базен «Змея в кулаке»

protester – протестовать

oublier d'écrire à sa femme – забывать
написать своей жене

В романе М.Кардиналь семья является полной только *de jure, de facto*
она состоит только из матери и троих детей: отец живет в другой стране и не
принимает участия в жизни семьи, воспитании детей. Вообще, в данном про-
изведении неоднократно подчеркивается идея семейного кризиса во Франции
70-х годов и не только на примере главной героини: *De tous ces jeunes qui
viennent à la maison aucun n'a une famille normale ou unie* – Из всех молодых
людей, которых приходят в наш дом, ни у кого нет нормальной или дружной
семьи.

Причиной возникновения проблем в супружеских отношениях у
М.Кардиналь является отдаленность супругов друг от друга. У А.Гавальда
разногласия возникают в связи с невозможностью решить проблему школь-
ной неуспеваемости ребенка.

Следует отметить отсутствие в произведениях второй половины XX
века таких слотов, как «деньги» и «брак», что говорит об изменениях в цен-
ностных ориентациях семей: в основе создания современной семьи лежат ду-
ховные ценности (в частности, воспитание детей), а не материальные.

Интересным представляется тот факт, что ряд слотов не получает эксплицитного отражения в произведениях. Так, например, если слот «тип семьи» имеет эксплицитное выражение в романах Ф.Эриа и Э.Базена, то в романах М.Кардиналь и А.Гавальда мы можем судить о типах семей только на основе имплицитной информации.

Параллельно с анализом художественных произведений французских авторов XX века проводился и анализ исторической эпохи.

В результате сопоставления полученных данных мы пришли к выводу, что, будучи подверженным влиянию политических, экономических, социальных, культурных и других перемен, институт семьи во Франции претерпел ряд изменений как структурного характера (уменьшение количества членов семьи до родителей и детей, т.е. исчезновение «расширенной семьи», и появление традиционной и современной семей; появление неполных семей; уменьшение числа детей до одного и др.), так и функционального (изменение роли мужчины и женщины в семье; изменение семейных взаимоотношений не только между супругами, но и между родителями и детьми и др.).

Указанные тенденции прослеживаются также при анализе более широкого текстового материала, в том числе текстов французских народных и литературных сказок, текстов современных французских песен, предназначенных как для детей, так и для представителей более старшего поколения, детской периодики, произведений для детей о детстве.

В целом проведенное исследование доказывает, что семья не есть нечто статичное. Наоборот, семья представляет собой живую, развивающуюся, постоянно меняющуюся гибкую систему, чутко реагирующую адаптационными изменениями на внешние и внутренние воздействия. Более того, эти изменения в представлении образа семьи находят свое отражение в различных типах текстов, и в том числе в художественных произведениях.

*С.С.Коваленко
Санкт-Петербургский
государственный университет*

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СЦЕНАРИЯ СОБЫТИЯ В НОМИНАТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

Человек с детства погружается в море событий, выступая в роли как наблюдателя, так и непосредственного участника. В его когнитивной систе-

ме находят отражение и характерные, типичные для повседневной жизни события, и необычные, яркие. Однако непосредственное восприятие события и его когнитивное отражение не тождественны друг другу, более того, даже когнитивное отражение одного и того же события варьируется от индивида к индивиду. Важную роль в этом играют базовые знания индивида, его цели, интенции, убеждения. Усвоение любой новой информации осуществляется каждым субъектом на базе той, которой он уже располагает.

В сознании каждого человека существует целый набор "моделей", "схем", "фреймов", "сценариев", "скриптов" и других когнитивных конструкций, посредством которых концептуализируется "мир явлений".

Для исследования события особый интерес представляет такая разновидность структуры сознания (репрезентации), которая являет собой динамическую систему, в которой различные компоненты передают те или иные типы информации. Именно таким типом репрезентации является "сценарий" [Schank, Abelson 1977] или "общая репрезентация события" (general event representation) [Nelson 1986: 8].

Согласно Р.С. Шенку и Р.П. Абельсону, сценарий – это упорядоченная последовательность действий, разворачивающихся в некотором пространственно-временном контексте и подчиненная некоторой цели [Schank, Abelson 1977].

Сценарии выступают в качестве своеобразных инструментов для быстрой и функциональной обработки информации. Они содержат конвенции о действиях, о главных действующих лицах, о прагматическом фокусе и т.п. и поэтому служат для предсказания действий и взаимодействий, отношений между участниками и обстоятельствами в той или иной ситуации общения.

Сценарий организован иерархично, каждый его нижний узел (слот) содержит более специфичную информацию, тогда как каждый верхний узел – более общую, типичную.

Сценарий любого события произведен от некоторого конкретного реального события и поэтому несет информацию о том, как устроен мир. Одновременно он во многом абстрагирован от реальности. Иными словами, сценарий представляет собой нечто среднее между непосредственной, первичной репрезентацией опыта и более абстрактными репрезентационными структурами типа таксономических категорий. Они служат для того, чтобы конкретные переживания, действия соотнести с ментальными репрезентациями (общими понятийными рамками, в которых единичные явления сводятся к общим и опознаваемым) для адекватной интерпретации и упорядочения потока операциональной информации. Сценарий, таким образом, рас-

смачивается как набор ожиданий о том, что в воспринимаемой ситуации (событии) должно произойти. Сценарий, адекватно описывающий некоторую ситуацию, позволяет предсказывать обязательные компоненты и порождает ожидания относительно факультативных компонентов, даже когда они эксплицитно не заданы.

Существуют базовые характеристики, которые, с одной стороны, сближают сценарии с другими когнитивными структурами, с другой, дифференцируют их. К первым относится то, что сценарий, подобно другим структурам сознания, есть организованная структура знаний, где часть подразумевает целое, а целое есть нечто большее, чем сумма его частей. Еще одной общей для всех когнитивных моделей характеристикой является то, что сценарий отражает структуру события в упрощенной и обобщенной форме. От других репрезентационных схем сценарий отличается наличием базового элемента действия и временных, а также каузальных связей между отдельными действиями.

Сценарии – это не изолированная система репрезентации. Они являются частью обширной базы знаний, основанной на культурных и социальных представлениях и ценностях.

Наличие в структуре сценария подсценариев или сцен и связей между ними определяет существование сильных и слабых сценариев (или макро-сценариев и сложных сценариев в терминологии Аттардо [Attardo 1994]). Общим для двух типов является наличие определенных компонентов, порядок следования которых может быть жестко фиксирован (сильные) или произволен (слабые).

Ключевыми характеристиками всех типов сценария являются их целостность, последовательность, каузальная структура и иерархичность.

Репрезентация события, включающего несколько сцен, или ряда взаимосвязанных событий, может строиться двумя основными способами: иерархически или темпорально/каузально, то есть либо более важное происшествие (сцена) преподносится раньше, либо автор следует за реальным ходом событий, начиная с прошлого и заканчивая возможным явлением в будущем.

Структура вербальной репрезентации сценария события включает, как правило, несколько слотов. Такими слотами (компонентами), по мнению исследователей, являются субъект, средства, объект, время, обстоятельства/условия, причина, цель, результат [Сильдмяэ 1987, также см. Дубровская 1998]. Анализ материала позволяет добавить к перечисленным такой компонент, как пространственная локализация события (понимаемая, однако, достаточно широко), поскольку без этого компонента трудно представить себе

конкретное событие. В актуализируемом тексте перечисленные компоненты события могут быть представлены двояко: как эксплицитно, так и имплицитно, в зависимости от различных факторов (самого события, намерений автора и т.д.). Впрочем, иногда, при отсутствии достаточного количества информации, слоты могут быть заполнены конвенциональными, типичными заполнителями, что для конкретного текста может оказаться некорректным.

Анализ фактического материала позволил установить следующую типичную иерархию экспликации компонентов сценария, вербализованных в текстах СМИ: обязательными для раскрытия сути события являются объект, пространственная локализация, результат и субъект, тогда как время, обстоятельства, причина, средства и цель представляют собой факультативные слоты. Такая последовательность объясняется, по всей видимости, тем, что то, с чем (или с кем) и где происходит, является наиболее важным для построения образа произошедшего. Следующим по важности является результат, поскольку чаще всего именно с ним ассоциируется само событие. Следует пояснить, что временная отнесенность события и его причина, представляя собой, по сути, его основополагающие характеристики, тем не менее, эксплицируются в дискурсе печатных СМИ не всегда, поскольку в нем обычно описываются события, произошедшие за определенный срок (за предыдущий день или неделю). Массовая информация – это текст-однодневка, который создается для "сегодняшнего" дня. Завтра "сегодняшний" текст, как правило, не читается и часто даже забывается. Что касается причины, то она, как правило, известна реципиентам, как имеющая часто "глубокие корни". Следовательно, необходимость указания причины и времени возникает лишь в связи с необходимостью какого-либо уточнения. Другие компоненты, в целом, не являются столь важными для создания образа события, как главные компоненты, они лишь детализируют его. Иногда факультативные и обязательные компоненты сценария представляют собой взаимоисключающие явления в предложении, например, цель чаще всего используется при описании будущего события, а результат – прошедшего.

Эксплицитная репрезентация перечисленных компонентов сценария может быть осуществлена как посредством отдельных лексических единиц, так и посредством включения данного компонента непосредственно в структуру словосочетания.

В рассматриваемых моделях компоненты сценария проявляют себя как часть номинативной конструкции, выражающей концепт. Существуют следующие возможные модели реализации компонентов сценария:

1) субъект + событие (сюда можно включить такие композиты, как car crash, dog show, US war).

2) объект + событие (конструкции типа train bombings, school seizure, manslaughter).

3) время + событие (например, 3-day event).

4) обстоятельства или условия + событие (в данную группу входят конструкции типа chatshow, copucut incident).

5) причина + событие (примерами данной конструкции являются сочетания типа wedding party, wedding anniversary и т.д.).

6) цель + событие (например, terror attack).

7) средства + событие (конструкции типа price war).

8) результат + событие. Нам не удалось найти примеров словосочетаний подобного типа, что, вполне вероятно, связано с тем, что в большинстве случаев номинативная единица, обозначающая событие, уже содержит в своем значении сему «результат».

9) пространственная локализация + событие (road accident, air disaster, field event, Broadway show и многие другие).

Наиболее распространенными моделями являются конструкции типа "субъект/объект/пространственная локализация + событие", что, скорее всего, связано с тем, что именно данные компоненты сценария представляют наибольшую важность при описании события.

Список литературы

1. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994. – 320 p.
2. Nelson K. Event knowledge. Structure and Function in Development. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986. – 240 p.
3. Schank R.S., Abelson R.P. Scripts, Plans, Goals and Understanding. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977. – 314 p.
4. Дубровская О.Н. Коммуникативные и социально-коммуникативные роли участников сложных речевых событий // Языковая личность: система, нормы, стиль. – Волгоград: Перемена, 1998. – с. 35-36
5. Сильдмяэ И.С. Знания (когнитология). – Таллинн, 1987. – 167 с.

МЕТАФОРА В РОМАНЕ А. ПРОХАНОВА «ЧЕЧЕНСКИЙ БЛЮЗ»

Метафора прочно вошла в художественный арсенал активных средств воздействия на читателя. Утверждение Аристотеля: “Всего важнее – быть искусным в метафорах, перенять их от другого нельзя; это – признак таланта” [5;178], – остается основополагающим принципом художественного творчества и одним из критериев мастерства писателя.

Метафора (от греч. *metaphorà* – перенесение) - “способ переосмысления значения слова на основе сходства, аналогий” [4; 176].

Своеобразие метафоры как вида тропа в том, что она представляет собой сравнение, компоненты которого настолько слились, что первый компонент (то, что сравнивалось) вытеснен и полностью замещен вторым (то, с чем сравнивалось) [2; 136].

Метафора, как и всякий троп, основана на том свойстве слова, что оно в своем значении опирается не только на существенные и общие качества предметов (явлений), но также и на все богатство второстепенных его определений и индивидуальных качеств и свойств.

Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом [7; 153-172].

Эти импликации (то, что подразумевается) обычно есть не что иное, как общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом, но в некоторых случаях это могут быть и нестандартные импликации, установленные автором.

Метафора в имплицитном виде включает в себя такие суждения о главном субъекте, которые обычно прилагаются к вспомогательному субъекту. Благодаря этому метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта, и устраняет другие.

Это влечет за собой сдвиги в значении слов, принадлежащих к той же самой семье или системе, что и метаморфическое выражение, и некоторые из этих сдвигов, хотя и не все, могут быть метаморфическими переносами.

Не существует никаких «предписаний» относительно обязательности сдвигов значения – никакого общего правила, которое позволило бы объяснить, почему некоторые метафоры проходят, а другие нет [7; 135].

В метафоре определенные слова принимают новое, или, как его иногда называют, «расширенное» значение. Это расширение должно быть тем, что философы называют расширением слова, то есть относиться к классу сущностей, которые это слово называет.

Как заметил В.М. Москвин, «свода параметров, по которым может производиться классификация метафоры, мы до сих пор не имеем. Поэтому систематизация, а в целом ряде случаев – и выявление таких параметров, т.е. классификация метафор с лингвистической точки зрения, представляются действительно неотложными задачами отечественной науки о языке» [14; 104].

Самой распространенной формой выражения метафоры являются **двучленные словосочетания** [10; 44] (метафора плюс базовое, наиболее частотное слово). Это могут быть **генитивные** обороты, построенные по модели «именительный падеж существительного + родительный падеж существительного»:

«Тогда он обратился на Архангела, на его склоненную голову, осененную нимбом. На его крыльях, на которых еще не успокоился ветер небес. На его голубой плащ, в котором клубился завиток неба» [1;334].

Цель нашей статьи – рассмотрение метафоры в романе А. Проханова «Чеченский блюз», рассказывающем о событиях новогодней ночи 1995 года, когда операция по захвату президентского дворца в Грозном завершилась катастрофой для русских войск и стала началом первой чеченской войны.

Каждый из авторов, пишущий книгу о чеченской войне, снимает с «разгрузки» жизненного и творческого опыта собственную гранату-метафору, ожидая, что именно она, сознательно выбранная или интуитивно нащупанная, взорвется пониманием происходящего [15; 2].

Но прежде нужно сказать о своеобразности дара А. Проханова, которую отмечают все почитатели его творчества. У Проханова наблюдается врожденная способность генерировать метафоры, именно поэтому можно назвать его «мастером метафор».

Сам Александр Проханов в предисловии к публикации его романа «Чеченский блюз» сказал: «Я слышу тоску пространств. У меня есть, знаете, какая метафора на этот счет? Вот есть река, и по ней плывет огромная льдина. На просторе, когда берегов не видно, она плывет монолитно. В узком месте – дробится, раскалывается, ледяной кашей проходит через горловину. Но потом опять срастается, сливается – так и Россия... » [1; 6].

Владимир Бондаренко в статье «Русский баталист» характеризует метафоры Проханова так: «Его метафоры подобраны на поле боя, его любовь

расцветает среди канонады орудий». «Чеченский блюз» - «короткий, динамичный роман. Роман прямого действия. Метафора войны» [8; 3].

В романе чаще всего метафоризируются существительные.

Главная метафора романа вынесена в заглавие «Чеченский блюз» - это **композиционная, сюжетная** метафора, которая распространяется на весь роман. Метафора заложена уже в названии романа («Чеченский блюз»): чеченский – указывает на место описываемых событий. Блюз (англ. blues от blue devils – меланхолия, уныние) – отдельно взятая композиция блюза или жанр музыки. Блюз является импровизационной формой музыкального жанра [3; 52]. Исконная блюзовая тематика строится на чувственной социальной составляющей жизни афроамериканского населения, его трудностях и препятствиях, возникающих на пути каждого черного человека.

Данная метафора реализуется на уровне текста. То есть весь ход романа обуславливает ее подтекстовое развитие. С каждой новой главой читатель все глубже погружается в суть содержания, и восприятие метафоры становится более емким.

События, произошедшие в Чечне в 1995 и описываемые в романе, – это не что иное, как импровизация российских властей, не имеющих четкого и строгого плана предстоящей операции, а солдаты, отправленные на верную гибель, под стать чернокожим рабам, исполняющим самую тяжелую работу.

Сергей Беляков в статье «Этюд в красно-коричневых тонах» пишет: «Лучше всего Проханову удаются описания разного рода монстров и всего, что связано с насилием. Взгляд Проханова на мир – взгляд неординарного художника, наделенного зрением Брейгеля-старшего или Иеронима Босха» [6; 6].

«...громадная неопрятная ворона села на город как на гнездо, растопырила над ним свои крылья» (О дыме) [1; 289].

Метафора – это яркая примета стиля. Пространные, развернутые метафоры – отличительная черта стиля романа А. Проханова. Развитие метафоры не уместается в границах простого предложения. И кажется, что чем развернутее метафора, тем сильнее образ, который она передает. Возникает ощущение, что ворона вот-вот накроет и читателя. Дым, словно большая птица, накрывает собой все вокруг. Метафоризация происходит за счет сходства предметов (дым и ворона) по внешним признакам.

«...клик («аллах акбар!») – валил сверху черный оползень, захватывая в своем падении деревья, дома, выворачивая с корнем город, оставляя на его месте черную парную ямину» [1; 67].

Прохановские метафоры «ужасны» по силе воздействия, по создаваемому впечатлению. Слово «клик» обозначает сугубо звуковое явление – возглас, зов. Но в конкретной метафоре «клик» превращается в нечто наделенное огромной смертоносной силой. Эта метафора – чистейший образец индивидуально-авторского взгляда на мир, призвана выдерживать текст в едином стиле.

Ольфакторная метафора (восприятие запахов), с помощью которой автором создается, а читателем вскрывается внутренний план происходящего в произведении, - вариант традиционной для описания войны и получившей популярность в современной литературе более общей метафоры «животности» [15; 7].

«От дверей веяло тлением остывающего жилья» [1; 98].

В метафоре «*тление остывающего жилья*» автор упоминанием запаха пытается показать весь ужас и трагизм войны. Герой романа видит страшную картину послевоенного разрушенного города, улиц, домов, где еще недавно мирно жили люди, а теперь летает воронье. Данная метафора выполняет в тексте эмоционально-оценочную функцию, являясь средством воздействия на адресата речи.

«...бригада напоминала теперь огромную неопрятную свалку, где тлели зловонные костры и пахло горелым железом и костью» [16; 66].

Проханов, имея за плечами военкоровское прошлое, рисует объективную картину происходящего: после военных действий осталось тление, разрушение, нет ничего живого. Только до деталей переданы точные запахи войны. «*Зловонные костры*» - и читатель явно чувствует этот запах, вызывающий содрогание. Данной метафорой достигается эффект присутствия: читатели вместе с героями будто оказываются посреди разрушенного снарядами города.

Нина Ганьшина замечает: «Современная метафора становится явлением всеобщим, глобальным. В этом своеобразном уходе в метафору можно увидеть и выделить два основных вида – «живую» и «неживую» метафоры, отражающие две тенденции [11; 2].

Для романа «Чеченский блюз» характерны так называемые «живые» («очеловеченные») метафоры, когда человеческими свойствами наделяются изначально неживые предметы или явления:

«Боевая машина погрузила в ямину свое пятнистое компактное тело, направила пушку в степень» [1; 28].

Метафора, характеризующая боевую машину как нечто живое, наделенное «телом», выполняет в произведении стилеобразующую функцию.

Проханову как художнику, наделенному особым восприятием происходящего вокруг, свойственно одушевление военной техники. Такое отношение к военной атрибутике помогает читателю окунуться в мир персонажей, увидеть все их глазами, когда баланс живого вокруг нарушен и в железных машинах герои видят черты живых существ.

«Высоковольтные линии навешивали над колонной свои медные жилы [1; 20] «...со всех сторон летели трассы, длинные кудрявые побеги реактивных гранат» [1; 71].

Метафоризация в этих случаях происходит на основании внешнего сходства: высоковольтные линии похожи на жилы, а взрывающиеся гранаты похожи на побеги. «Живая» метафора одновременно и уводит от реальности, и сближается с самой жизнью. Такие живые образы внезапны, неожиданны. Метафоры в данном случае выполняют в тексте эмоционально-оценочную функцию.

«Неживая» метафора не обладает человеческими свойствами. Здесь простой предмет становится символом, вокруг которого строится повествование.

«Рота Кудрявцева была встроена в общее защитное каре бригады своими окопами, капонирами, боевыми машинами пехоты, брезентовыми палатками, <...> цистернами питьевой воды, коптящими кухнями, часовыми, невидимой паутиной минных растяжек...» [1; 28].

При анализе данной метафоры выясняется, что минные растяжки окутывают, переплетают минное поле сетью, множеством пересекающихся линий, паутин, названных так в силу своей невидимости. Функция метафоры в конкретном случае – стилеобразующая. Автор показывает, как эффективность действий на войне зависит от слаженности и сплоченности людей. Здесь есть общее «мы», соединенное с другими невидимыми нитями.

«Бернер услышал телефонный звонок. Он был не звуком, а серебристой елочной паутинкой, протянувшейся от белого рояля к его чуткому уху» [1; 90].

Метафора контрастирует с предыдущей. Здесь речь идет о событиях в столице, нарядной, блестящей, холеной. Показана кучка банкиров, в чьих руках сосредоточены денежные потоки. По мановению их рук начинаются и завершаются политические махинации с участием ни в чем не повинных людей. В Чечне грязь и смерть, а в Москве – блеск и лоск новогоднего вечера. В метафоре происходит переосмысливание слова «паутинка» - сеть из тончайших невидимых нитей [3; 496]. По аналогии с мобильной связью, нити кото-

рой невидимы человеческому глазу. Метафора несет в себе стилеобразующую нагрузку.

«...тугой, с бульдожьим задом “мерседес” покинул усадьбу, и было видно, как в деревьях струятся длинные аметистовые лучи (Фары) [1; 118].

Механизм образования метафоры тот же. Автор переосмысливает прямое значение слова («аметистовый» - сделанный из аметиста, драгоценного камня фиолетового, голубовато-фиолетового цвета) [3;23], в контекстном употреблении придавая ему переносное значение – яркий, блестящий. Данная метафора выполняет эмоционально-оценочную функцию. Проханову важно подчеркнуть контраст двух миров, существующих параллельно. Это мир Москвы – шикарной столицы, где все напыщенно и вычурно, и чеченский мир войны, полный ужаса и грязи.

В романе Проханова представлены метафоры следующих видов: субстантивные и адъективные, построенные по модели (прилагательное + существительное) – **адъективные метафоры:**

«Звезды все так же сверкали. Он всматривался в их разноцветный бисер, в цветную росу, в крохотные спирали, в серебряные завитки и туманности» (Звезды) [1; 287].

В примере слова «бисер» (мелкие стеклянные цветные бусинки, зернышки со сквозными отверстиями), «роса» (мелкие капли влаги, оседающие на растениях, почве при наступлении утренней или вечерней прохлады), «спирали» (винтообразная кривая), «завитки» (что-нибудь, образующее волнистую линию, спираль) [3; 48; 200; 684; 755] принимают новое, «расширенное» значение. В описании звездного неба данные слова трансформируются в писательском воображении, создавая качественно новое существование значений данных слов. Функция метафоры – эмоционально-оценочная.

«алмазные лучи» (Фары) [1; 118].

«Этот опадающий чистый холод, чудесная невесомая материя была для него, во имя него» (Снег) [1; 45].

Слово «материя» имеет в своем основном значении философский смысл – это объективная реальность, существующая вне и независимо от человеческого существования. Действительно, природные явления, к которым относится снег, по большей части не подвластны воле человека.

В приведенном примере метафора возникает благодаря использованию «вторичного» значения слова, выполняет эмоционально-оценочную функцию. «Материя» - ткань, невесомая и прозрачная [3; 345] – это снег (в переносном значении).

«Он принимался смотреть на небо, проникая сквозь ближние орнаменты звезд...» [1; 278].

Данная метафора образована по схеме: именительный падеж существительного «орнамент», при этом употреблено в «развернутом» значении + родительный падеж существительного «звезды». Родительный падеж обозначает субъект (звезды), являющийся носителем признака (орнамент). Автор смог показать внутренние переживания героя. Кудрявцев – человек войны, закален в боях. Но ему удалось сохранить душу, не ожесточиться против всего, а найти в себе добро, способность к сопереживанию. Функция метафоры в данном случае – эмоционально-оценочная.

Развернутая метафора (метафорическая цепочка), в которой носителем метафорического образа является группа тематически связанных единиц, представлена глагольными сочетаниями, построенными по модели (глагол + творительный падеж существительного + творительный падеж прилагательного): *«Эта весть вознеслась розовым облачком, полетела, сносимая ветром в туманную степь» [1; 41].*

Конструкция «весть вознеслась розовым облачком» интересна метафоричностью цвета: «розовый» 1) цвета незрелой мякоти арбуза, цветков яблони, белый с красноватым оттенком [3; 683]. Происходит переосмысливание значения качественного прилагательного. Здесь оно обозначает не цвет, а психологические ассоциации, вызываемые данным цветом, а именно 2) то же, что радужный, сулящий радость, счастье, сравните: радужные надежды, радужная весть [3; 683]. Далее, компонент метафорического сочетания «облачко» образован с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса, что придает метафоре более эмоциональный акцент. Метафора выполняет эмоционально-оценочную функцию.

Известна классификация метафор **по наличию/отсутствию опорного слова**, принадлежащая **Ю.И. Левину**. В данной типологии рубрики вычленяются по способу реализации компаративного элемента:

*Метафора-сравнение (замкнутая метафора). В ней присутствуют и слово-параметр, и опорное слово.

*Метафора-загадка, где нет опорного слова.

*Метафоры, приписывающие объекту свойства другого объекта (ядовитый взгляд, жизнь сторела) [13; 458].

Проанализировав метафоры, делаем вывод о том, что в романе А. Проханова широко представлены метафоры-сравнения (замкнутая метафора). В ней присутствуют и слово-параметр, и опорное слово:

«...со всех сторон летели трассы, длинные кудрявые побеги реактивных гранат» [1; 72].

В данной метафоре названы и субъект, и объект сравнения (*побеги гранат*). Слово, называющее субъект сравнения (граната), является «ключевым», или «опорным». Метафора является средством создания авторского стиля Проханова.

«Наливник выруливал из жидкого пластилина дороги, медленно шел, надсадно ревел, соскальзывал в жидкую колею» [1; 7].

В метафоре «пластилин дороги» ключевым словом является «дорога». Компонент «пластилин» («пластичный материал для лепки, состоящий из глины и воска с добавлением жиров, вазелина и других веществ, препятствующих высыханию» [3; 521]) употреблен в «расширенном» значении, основанном на качественной характеристике материала. Следовательно, получается, что дорога по качественному составу напоминает пластилин. Стилеобразующая функция метафоры.

Главной особенностью произведения выступает **метафора-загадка**, характеризующаяся отсутствием опорного слова. Метафоры-загадки наиболее частотны в романе «Чеченский блюз» (25 метафор из 98) и являются яркой отличительной чертой авторского стиля А. Проханова. Благодаря данному структурному типу метафор, роман приобретает глубокое подтекстовое звучание, рождает дополнительные значения, заставляет проникнуть в суть смысла, вложенного писателем в роман.

«Именно это известие – о вступлении войск – должен принести ему Ахмет, когда на его столе нежно зазвонит <...>, темный моллюск, усыпанный присосками кнопок» (Телефон) [1; 84].

«Бусинки, вставленные в темный метеорит, весело блестели» (О глазах) [1; 92].

«Ядовитая роса огнеметов, если ее распыляли в воздухе, взрывалась и сжигала атмосферу, создавая пустоту» (Выстрелы) [1; 336].

«Звезды все так же сверкали. Он всматривался в их разноцветный бисер, в цветную росу, в крохотные спирали, в серебряные завитки и туманности» (Звезды) [1; 261].

Во всех приведенных выше метафорах назван только объект метафоризации (моллюск, роса, бисер, спирали, завитки, око). При метафорах данного типа нет ключевого слова, которое играло бы роль «отгадки», но есть широкий контекст, подсказывающий смысл слова-носителя метафоры («загадки»). Именно благодаря контексту читатель догадывается о том, что под экзотическим словом «моллюск» писатель имеет в виду телефон, говоря о бисере, ро-

се и завитках, подразумевает звездное небо. Метафора здесь выполняет номинативную и эмоционально-экспрессивную функции.

«Моргнуло кровавое, под черными ресницами око. Удар осыпал стекла, в лицо толкнул холодный твердый воздух» (Взрыв) [1; 291].

«Портье с поклоном, мягко улыбаясь, нажал кнопку лифта. Скоростная озаренная капсула, пахнувшая вкусными лаками, брызнув легкой музыкой, вознесла его на вершину здания» (Лифт) [1; 297].

Представленные примеры метафор выполняют стилеобразующую и номинативную функцию в тексте романа. Употребление метафор-загадок в произведении реализует единое стилевое оформление и звучание текста. В метафорах указанного типа автор демонстрирует свое умение владеть словом, играть образами, предлагает игровой подход к прочтению романа, вовлекает нас во взаимную работу над текстом. Подача материала автором в виде загадки «цепляет» внимание адресата речи, и восприятие романа становится более полным.

В тексте романа представлена развернутая метафора-загадка:

«По взмаху Бернера в небо полетели ракеты. Срывались с лафета молниеносными змеями, уносили в темно-синюю высь огненную шипящую точку. Взрывались с трескучим хлопком. Раскрывали в небе сияющие шатры, подвешивали драгоценные люстры, разбрасывали разноцветные букеты. В высоте крутились огненные карусели, изливались жидкие плазменные водопады, возникали созвездия, бриллиантовые мерцающие туманности и снова спирали, змеи, небесные светильники и сверкающие люстры» (Салют) [1; 261].

Носителем метафорического образа в приведенной метафоре является группа тематически связанных единиц, представленная сочетанием существительного и прилагательного, характеризующего предмет как нечто сияющее, блестящее, огненное, яркое, ослепляющее (сияющие шатры, драгоценные люстры, плазменные водопады). При этом субъекты метафоризации употреблены в «расширенном», переносном значении. Так, словом «шатер» в словаре Ожегова обозначена «большая палатка, крытая тканью, коврами», и в данном примере метафоризация происходит на основе уподобления по форме. Компонент «люстра», также употреблен в непрямом значении (висячий светильник, состоящий из нескольких подсвечников для ламп [3; 337; 893]). В сумме все это создает картину яркого и красочного конфетти, вызывает в сознании психологическую ассоциацию с «салютом» - «отданием почестей выстрелами, ракетами, флагами, а также стрельбой и фейерверком в ознаменование торжественной даты, события» [3; 693]. В тексте выполняет стилеобразующую и эмоционально-оценочную функции.

В романе встречается небольшое число **общеязыковых** метафор:

«Недолго белая площадь, исчерканная цепочками следов, оставалась пустынной» [1; 50] *«Бернер привык к этим изъявлениям внимания и заискивания. Слушал гул запущенного им веселья...»* [1; 90].

Употребление общеязыковых метафор не разобщает текст, а скрепляет его психологическими ассоциациями, ведь в основе любой метафоры лежит «психолингвистическое и психологическое свойство перенесения наименования с одного предмета на другой на основе сходства» [9; 74].

В основной своей массе метафоры в романе «Чеченский блюз» по степени целостности внутренней формы – индивидуально-авторские. Так, используя метафоры – загадки, Проханов предоставляет читательскому воображению возможность поработать, задуматься, понять, о чем идет речь.

По **семантической** принадлежности, по тематике метафоры романа делятся на военные, описывающие быт войны, и метафоры мирной жизни в большинстве своем флористические, т.е. метафоры, характеризующие предмет с точки зрения стороннего наблюдателя, подмечающего мельчайшие подробности в жизни человека и природы.

Примеры военных метафор-загадок:

«(Он) Полетел над изгородью лицом в небо, видя, как мечутся вокруг него прерывистые белые иглы»; (Пули) [1; 69] «Крутилась, лязгая, сшибаясь, огненная карусель, брызгала во все стороны разноцветной жижей, ядовитым дымом, выталкивала из себя горящих людей и тут же всасывала их» (Бой) [1; 71]; «Танк подскочил от удара, выбросил фонтан огня, ядовитый слепящий салют» (Выстрел) [1; 246].

Военные метафоры А.А. Проханова всегда красноречивы и интересны. Их употребление обогащает текст, делает его более выразительным и запоминающимся. Наличие наименований цветовых оттенков в составе метафор «белый», «огненный», «ядовитый, слепящий» дополняет и без того сильный мыслеобраз войны в Чечне – несправедливой и бессмысленной. Функция метафор в данных примерах эмоционально-оценочная.

Примеры **флористических** метафор:

«В эту карусель со всех сторон летели трассы, длинные кудрявые побеги реактивных гранат. Долбили, взрывали, выковыривали из горящих машин огненный мусор, колючие букеты, составленные из раскаленной проволоки и угольно-красных цветков» [1; 71].

«Они промчались по мосту, навстречу вырвавшегося из синего воздуха храму. Он был <...> громадный разноцветный чертополох, поднявшийся из заваленной снегом площади» (Храм) [1; 182].

Флористические метафоры А.А. Проханова необычайно выразительны и эффектны, в тексте романа совмещают в себе эмоционально-оценочную и стилеобразующую функции.

В. Личутин так характеризует метафоры А. Проханова: «... И Проханов, чуя вечную красоту, не смешивает на палитре краски, у него нет сложной метафоры через “словно” и “будто”, они резки в его страницах, пронзительно отчетливы, не ступены и не размазаны. Таков его стиль. Проханов – сторонник гармонии во всем; наблюдая природу, живя в ней, он разглядел ее мудрую целесообразность во всех стилях; на земле-матери нет пережима, нарочитой сгущенности, во всем мера, как в чувстве, так и в цвете...» [14; 25].

«Он принимался смотреть на небо. Проникал сквозь ближние орнаменты звезд, как сквозь серебряное решето, в удаленное пространство» (Звездное небо) [1; 271].

Метафора «серебряное решето» усиливает сочувствие к героям. Даже небо для них просто «решето». Такое приземленное понятие неба позволяет говорить об апатии, в которой находятся персонажи романа. Волей судьбы они оказались в гуще страшных событий войны 1995-го года. Метафоризация (на основе внешнего сходства «решета» и неба) играет стилеобразующую роль.

«Небо не казалось жестоким, закрытым на ледяные засовы. Не хранило в себе беспощадную тайну. Напоминало ночной праздничный сад с лампами, мерцавшими в листве фонаря, озарявшими плоды и цветы» (Звездное небо) [1; 280].

Яркая **индивидуально-авторская** метафора «небо – сад» передает восхищение и восторг человека, охваченного ночным зрелищем. Ночное небо мы видим глазами бойца. Несмотря на пережитый шок и страх, он способен к восприятию прекрасного. Функция метафоры в примере – эмоционально-оценочная.

Анализируя метафоры в романе, нам удалось выделить такие, компоненты которых вступают друг с другом в **антонимические отношения**:

1. *«Он с матерью выходит в вечерний туман. Пруд тускло блестит. Холодная роса под ногами»* [1; 329].

2. *«Ядовитая роса огнеметов <...> взрывалась и сжигала атмосферу»* [1; 325].

3. *«Звезды все также сверкали. Он всматривался в их разноцветный бисер, в цветную росу...»* [1; 280].

В первом примере слова «роса» выступает в прямом значении – это мелкие капли влаги, оседающие на растениях, почве при наступлении утренней или вечерней прохлады [3; 684].

Во втором примере роса приобретает значение более широкое и обозначает выстрелы из огнеметов, то есть является наименованием предмета военной тематики.

И наконец, в третьем примере, роса – это звездное небо над головой героя. Роса – носитель положительно окрашенного понятия, явление мирной жизни – спокойное тихое звездное небо.

Итак, яркой особенностью авторского стиля А. Проханова является метафора, благодаря которой произведения писателя сразу узнаются. В своих произведениях А. Проханов использует метафору для одушевления машин, описания боевой обстановки, в пейзажных зарисовках [12; 29].

«Рота Кудрявцева была встроена в общее защитное каре бригады своими окопами, <...>, невидимой паутиной минных растяжек, грудами пустых консервных банок - всей массой железа, взрывчатки, перепаханной рыжей земли, человеческой плоти, источавшей в холодный воздух прозрачную дымку жизни» (Дыхание) [1; 28].

«Когда вплотную приблизились к городу, въехали на бетонку, пошел снег. Там, где только что было черное, усеянное птицами, дырчатое драное небо, теперь дышала мягкая сеющая белизна» (Снег) [1; 44].

Образы, созданные воображением писателя с помощью метафор, способствуют раскрытию характеров героев, их нравственно-эстетического восприятия окружающего мира, ведь большая часть произведения представляет собой поток сознания героя. Именно его глазами мы видим и воспринимаем картины военных действий, природы.

Проанализировав текст произведения, можно сказать, что в романе «Чеченский блюз» метафоры активно и продуктивно применяются автором как средство речевой выразительности.

Такие разновидности метафор, как индивидуально-авторские и общеязыковые, увеличивают художественную ценность и образность текста с помощью ассоциаций, вызываемых переносным («расширенным») употреблением слова.

Таким образом, метафоры участвуют в выполнении важнейших функций художественного произведения - обогащения и эмоционально-оценочного воздействия на (адресата) читателя. Благодаря метафорам усиливается контраст между двумя мирами, живущими параллельно друг другу.

«Елка дымилась, охваченная снизу пламенем. Лампочки продолжали мигать. Спасаясь от смерти, лез по стволу человек. Рядом взорвался наливник, вверх подлетел похожий на цветную капусту клуб огня, пролился на елку, на карабкающегося человека липким дождем, превращая дерево в белую свечу» [1; 74].

«Елка, убранный от подножья до стеклянной хрупкой звезды, переливалась и вздрагивала, когда быстрые полуобнаженные танцовщицы слишком близко проносились мимо нарядных, усыпанных стеклом и блестками веток. Пахло смолой, сладким дымом, женскими духами» [1; 76].

Столичный мир Москвы подается как нечто холеное, ухоженное, блестящее, но за кажущейся роскошью прячутся мелочные люди, преследующие личные цели. Эти люди не остановятся ни перед чем для достижения цели, выбирают кровавый путь войны, в результате которого гибнут невинные люди.

Особую экспрессивность, точность и выразительность роману придают развернутые метафоры, в которых метафорический образ реализуется в нескольких словосочетаниях или предложениях. Используя метафоры-загадки (25 из 98), писатель вовлекает читателей в активное погружение в текст, деятельное восприятие и энергичную работу воображения.

Таким образом, метафора является одним из основных средств речевой выразительности в языке романа, выступая не только как инструмент наименования и оценки предметов и явлений действительности, но и как средство ее познания.

Список литературы

1. Проханов А.А. Чеченский блюз. – М.: Вагриус, 2008.
2. Литературная энциклопедия /под ред. И.А. Скрипник, В.М. Фриче. – М.: Советская энциклопедия, 1929-1939, т.7. –163 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2005.
4. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты /под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2009.
5. Аристотель. Поэтика. Античные теории языка и стиля. – Москва; Ленинград, 1936. –178 с.
6. Беляков С. Эюд в красно-коричневых тонах. /С.Беляков/ Вопросы литературы. – 2009. - №5. – С. 63.
7. Блэк М. Метафора. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153-172.
8. Бондаренко В. Русский баталист / В.Бондаренко // Завтра. – 1998. – 6т 10.11 - с.3.
9. Вардзелашвили Ж. О двоякой сущности метафоры. Научные труды. Серия: филология. Выпуск IV. – СПб-Тб, 2002. –74 с.

10. Виноградов С.И. Выразительные средства в парламентской речи // Русская речь. – 1994. - №1. – С. 43-48.
11. Ганьшина Н. Уход в метафору: кризис или расцвет [Электронный ресурс]: www.proza.ru/2007/01
12. Евдокимова М. О жизни и творчестве Александра Проханова / М. Евдокимова // Русский литературный журнал. – 2008. – от 31.03.
13. Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Левин Ю.И. Избранные труды. – М.: Просвящение, 1998. - С. 457-462.
14. Личутин В. В бегах [Электронный ресурс]: www.sibogni.ru/achive/94/1132.
15. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М., 2007. - 529 с.
16. Щербинина Н. Метафора войны: взгляд русских писателей на события в Чечне [Электронный ресурс]: www.magazines/russ.ru/znamia/2009/5/sh15.html.

Н.В. Кудрина
Кафедра русского языка

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ, В ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

В поэтическом творчестве Анны Ахматовой отражён человек во всём многообразии его свойств и качеств – внешних (физических), внутренних (морально-психических) и социальных. Фразеологизмы - наименования лица в поэзии А. Ахматовой объединяют единицы, относящиеся как к ядру фразеологической системы, так и к периферии. Используя приём умолчания, поэтесса не называет прямо людей, поэтому отличительной особенностью лирики Ахматовой является наличие большого количества индивидуально-авторских фразеологизмов перифрастического характера, номинирующих лицо.

Фразеологизмы субкатегории лица отличаются максимальной степенью антропоцентричности, так как непосредственно называют человека. Вслед за Е.Р. Ратушной, под фразеологизмами-антропономинантами мы понимаем единицы, которые обладают категориальным предметным значением, соотносятся с существительными и непосредственно направлены на человека [Ратушная 2001].

К фразеологизмам-антропономинантам в лирике А. Ахматовой относятся 42 единицы, которые, в зависимости от того, какое свойство или качество человека положено в основу его наименования, обозначают персонажей лирики по социальным признакам или по внутренним качествам (свой-

ствам характера). Особенностью творчества А. Ахматовой является отсутствие фразеологизмов, в основу которых положено наименование человека по внешним, биолого-физиологическим свойствам, признакам, так как поэтесса стремится дать глубокую всестороннюю характеристику персонажам своих стихов, выделить наиболее существенные их черты.

Одной из наиболее важных для Анны Ахматовой является социальная характеристика человека, поэтому в лирике поэтессы представлены фразеологизмы, называющие людей по их социальным свойствам, признакам (22 ФЕ). В зависимости от своих индивидуальных значений фразеологизмы данной группы объединяются в три подгруппы: 1) наименования человека по профессии, роду занятий; 2) наименования людей по межличностным связям, взаимоотношениям; 3) наименования поколений или больших групп людей.

Первую подгруппу составляют фразеологизмы *благосклонный гость, поэт в поэтах, поэта неведомый друг, приветливый хозяин, простивший грехи, Российский поэт, Христова невеста* (7 ФЕ). Групповое значение «наименование лица по социальному признаку» у этих единиц формируется благодаря тому, что в их состав в качестве грамматически главных входят субстантивные компоненты *гость, друг, невеста, хозяин*, из лексического значения которых актуализируется сема «тот, кто связан с кем-либо определёнными социальными отношениями» [ТСРЯ 1999: 141, 180, 401, 865]; или компонент *поэт*, из лексического значения которого актуализируется сема «автор стихотворных произведений» [ТСРЯ 1999: 576].

Большая часть единиц данной подгруппы являются индивидуально-авторскими, они называют людей, имеющих какое-либо отношение к поэзии, поэтическому творчеству. Например, ФЕ *поэт в поэтах, Российский поэт, приветливый хозяин* в творчестве А. Ахматовой выступают как наименования поэта; ФЕ *поэта неведомый друг, благосклонный гость* называют читателя. Например: «И писали в почтенных газетах, // Что мой дар несравненный угас, // Что была я *поэтом в поэтах*, // Но мой пробил тринадцатый час» (Бег времени); «Поэт - *приветливый хозяин*, // Читатель - *благосклонный гость*» (Бег времени); «Наш век на земле быстротечен // И тесен назначенный круг, // А он неизменен и вечен - // *Поэта неведомый друг*» (Бег времени).

Реализация семантики фразеологизмов происходит в контексте. Например, многозначная ФЕ *Христова невеста* может быть наименованием: 1) монахини; 2) немолодой женщины, не бывшей замужем; 3) умершей девушки [ФСРЛЯ 2001: 380]. В поэзии А. Ахматовой первое значение данной единицы реализуется в одном из стихотворений поэтического цикла «Из заветной тетради»: «...Так не буду с леонардесками // Переглядываться тайком.

// И дышать тишиною запретною // Никогда мной не виданных мест, // И мешаться с толпою несметною // Крутолобых *Христовых невест*» (Бег времени). В стихотворении «Моей сестре», в основе которого лежит реальное событие - встреча младшей сестры Ахматовой Ии Андреевны Горенко (1894-1922) с Подвижником [Ахматова 1988: т. 1, 783], этот фразеологизм реализует значение «девушка, которая скоро умрёт»: «Поглядел на меня прозорливец // И промолвил: «*Христова невеста!* // Не завидуй удаче счастливиц, // Там тебе уготовано место. // Позабудь о родительском доме, // Уподобься небесному крину. // Будешь, хвора, спать на соломе // И блаженную примешь кончину» (Белая стая).

Вторую подгруппу составляют фразеологизмы, которые обозначают человека по межличностным связям, взаимоотношениям (6 ФЕ). В лирике Ахматовой к ним относятся наименования любимого, возлюбленного (*виновник недуга, голубь сизый, друг сердца*); наименования лица по родственным связям и отношениям (*первый ребёнок*); по отношению к лирической героине стихотворения (*муж дерзостный, суровый, непреклонный; отрок влюблённый*).

Отношение лирической героини к возлюбленному Ахматова передаёт при помощи ФЕ *виновник недуга, голубь сизый, друг сердца*, объединённых в синонимический ряд, между членами которого наблюдаются семантико-стилистические различия. Так, ФЕ *виновник недуга* восходит к книжно-поэтической традиции и называет любимого, возлюбленного. ФЕ *друг сердца* и *голубь сизый* восходят к фольклору. Но если фразеологизм *виновник недуга* имеет отрицательную коннотативную окраску, так как обозначает неожиданно вспыхнувшую любовь, то единицам *друг сердца* и *голубь сизый* свойственна положительная коннотация, которая заложена и в семантике грамматически главных компонентов *друг* и *голубь*, и в семантике грамматически зависимого компонента *сердце*, который актуализирует сему «символ сосредоточения чувства любви человека». Например: «Со мной всегда мой верный, нежный друг, // С тобой твоя весёлая подруга. // Но мне понятен серых глаз испуг, // И ты *виновник* моего *недуга*» (Четки). «Выбрала сама я долю // *Другу сердца* моего: // Отпустила я на волю в Благовещенье его. // Да вернулась *голубь сизый*, // Бьётся крыльями в стекло. // Как от блеска дивной ризы // Стало в комнате светло» (Белая стая).

В функционировании единиц данной подгруппы проявляют себя пушкинские традиции. Например, исходным для фразеологизмов *отрок влюблённый* и *муж дерзостный, суровый, непреклонный*, являющихся контекстными антонимами и называющих, соответственно, юношу и мужчину в зрелом

возрасте, является отрывок из трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкина: «Постой, царевич. Наконец // Я слышу речь *не мальчика, но мужа*. // С тобою, князь, она меня мирит» [Пушкин 1997: т. 4, 231]. По словам Н.К. Кузьминой, «чужое слово, обладающее изначально большой энергией, оказывается способом приобщения к традиции, вхождения в интертекст, и в этом качестве оно даёт толчок к смыслообразованию» [Кузьмина 1999: 83]. Цитируя чужое произведение, поэтесса, по воспоминаниям А. Наймана, «вживляла цитату, предварительно перерождённую так, чтобы чужая ткань совместилась с её собственной» [Найман 1999: 45]. Поэтому, по наблюдениям Л.Г. Кихней, «слово в ахматовском стихотворении, становится аккумулятором значений, взятых из разных контекстов. Оно как бы «помнит» о своём прежнем семантическом окружении и вступает в диалог с культурной традицией» [Кихней 1997: 95]. Используя пушкинский текст, поэтесса раскрывает его семантические потенции и в то же время формирует глубинный смысловой слой собственного стихотворного произведения. В контексте стихотворения Ахматовой анализируемые единицы указывают не только на внешние, биологические, признаки (пол и возраст человека), но прежде всего дают его социальную характеристику, называя персонаж по отношению к лирической героине: «А! Это снова ты. Не *отроком влюблённым*, // Но *мужем дерзостным, суровым, непреклонным* // Ты в этот дом вошёл и на меня глядишь. // Страшна моей душе предгрозовая тишь» (Белая стая).

К третьей подгруппе фразеологизмов, обозначающих лицо по социальному признаку, принадлежат наименования поколений или больших групп людей (9 ФЕ): *все, кого я на земле застала; века прошлого дряхлеющий посев* (Нечет), *внучки пушкинских красавиц* («Русский Трианон») - поколение, молодость которого прошла в XIX веке; *питерские сироты* (Нечет) - поколение военных лет; *сиделки тридцать седьмого* (Бег времени) - поколение 30-х гг.; *милые любители пыток, знатоки в производстве сирот* (Бег времени) - защитники Сталина; *мамзель Фифи* (Нечет) - немецко-фашистские захватчики в годы Великой Отечественной войны; *рыжие красавицы* (Подорожник) - англичанки.

Особенность единиц данной подгруппы состоит в том, что они являются индивидуально-авторскими, сформированными на основе определённых признаков, которые кажутся наиболее существенными автору. Например, на основе временного признака образованы единицы *века прошлого дряхлеющий посев* и *сиделки тридцать седьмого*; признак родства лежит в основе ФЕ *пушкинских красавиц внучки* и *питерские сироты*. Внешний признак положен в основу единицы *рыжие красавицы*, которая является исключением в

творчестве Ахматовой, так как поэтессе, внимательной к внутреннему миру человека, к его отношениям с окружающими людьми, не свойственно использование единиц, обозначающих человека по внешним свойствам, признакам. Например: «А все, кого я на земле застала, // Вы, века прошлого дряхлеющий посев!..» (Нечет).

Важное значение для формирования семантики единиц данной подгруппы имеет компонентный состав: значение собирательности у них формируется благодаря грамматически главным компонентам, в качестве которых выступают одушевлённые существительные с конкретным типом семантики, имеющие форму множественного числа (*внучка, друг, любитель, сиделка, знаток* и т. д.). Например: «В тени елизаветинских боскетов // Гуляют пушкинских красавиц внучки» («Русский Трианон»); «Щели в саду вырыты, // Не горят огни. // Питерские сироты, // Детоньки мои!» (Нечет).

Итак, фразеологизмы, называющие человека по социальному признаку, позволяют А. Ахматовой дать яркую характеристику персонажам стихов, выделив их наиболее существенные черты. При этом отличительной особенностью лирики поэтессы является наличие большого количества индивидуально-авторских фразеологизмов перифрастического характера

Список литературы

1. Ахматова, А. А. Сочинения [Текст] : в 2 т. / Анна Ахматова; [сост., подгот. текста и коммент. М.М. Кралина]. – М.: Правда, 1990.
2. Пушкин, А. С. Собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / А.С. Пушкин. [Примеч. Д. Благого, Т. Цявловской]. – М.: ТЕРРА, 1997. - Т. 3. - 496 с.
3. Кихней, Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла [Текст] / Л.Г. Кихней. – М.: Диалог МГУ, 1997. – 145 с.
4. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка [Текст] / Н.А. Кузьмина. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. - 268 с.
5. Найман, А. Г. Рассказы об Анне Ахматовой [Текст] / А.Г. Найман. – М.: Вагриус, 1999. – 432 с.
6. Ратушная, Е. Р. Антропономинирующая парадигма русской фразеологии: семантика, формирование, функционирование [Текст] : дисс. ... докт. филол. наук / Е.Р. Ратушная.– Курган, 2001. – 400 с.
7. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / Сост. А.И. Фёдоров. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 720 с.

ФУНКЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Наименования коммерческих предприятий играют важную роль, они не только помогают потребителю сориентироваться в море товаров и услуг, но и зачастую вызывают приятные эстетические чувства. Для рассмотрения функций наименований предприятий нами были использованы подходы исследования свойств имен собственных в тексте. Так, И.Б. Воронова в диссертации «Текстообразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений 19-20 вв.)» в качестве основных, базовых функций собственных имен перечисляет четыре: номинативную (номинативно-дифференцирующую), прагматическую, эстетическую, текстообразующую [1, с. 17]. Процесс стилистической актуализации рассматривается Л.В. Разумовой в диссертации «Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста» [5]. Данные положения могут быть использованы и для анализа онимов в сфере коммерческого нейминга.

Наименования коммерческих предприятий прежде всего выполняют номинативную функцию, называют тот или иной объект, но в то же время они несут информацию о профиле предприятия, особенно мотивированные названия. Так, не оставляют сомнений наименования: «Сумки», «Саквояж», «Сытый барин», «Александрийские двери», «Блинная сковородка» и др. Несомненно, такие онимы удобны и необходимы. Таким образом, номинативно-информативная функция является первой, базовой функцией коммерческих наименований.

Наименование коммерческого предприятия выполняет также еще одну важную функцию – прагматическую, которая состоит в привлечении внимания потенциального потребителя и воздействии на него с целью посетить то или иное предприятие. Эта функция во многом определяется возможностями русской графики и орфографии. Графика и орфография реализует функцию воздействия, если оним выходит за рамки привычного облика слова. В статье «Толерантность и интенциональность орфографии в текстах современной рекламы» А.И. Дунев выдвигает понятие «интенциональности орфографии», которое связывается прежде всего с обращенностью к орфографической норме. Под интенциональностью в данном случае понимается смысловая ак-

туализация в рамках всего высказывания орфографической ненормативности. Интенциональность предполагает отступление от современной орфографической нормы или имитацию ненормативности. Мы, вслед за А.И. Дуневым, рассматриваем интенцию как свойство прагматической функции слова, проявляющееся в большей или меньшей степени [2, с.169].

Одной из тенденций использования орфографии является актуализация связей наполовину искусственной орфографической системы с живыми языковыми процессами. Так, раздельное написание «*Прима Вера*» (наименование мебельного салона от испанского «весна») актуализирует первую часть, которая переосмысливается как «самое лучшее», вторая часть – имя владелицы. Раздельное написание онима «Мой до дыр» (магазин бытовой химии) также актуализирует первую часть сложного слова, которая указывает на профиль магазина. Наименование привлекает внимание потребителей, в сознании которых невольно возникают ассоциации, связанные с детством. К этому типу интенций можно отнести оним «*ДоМой*» (с наложением друг на друга прописных аллографов *М*), в котором дублируются две формы: «домой» и «дом мой», за которыми стоят два смысла: «все, что купишь для своего дома, носи домой».

Описанные выше примеры можно отнести к одному типу. Привлечение внимания и запоминание онима опирается на эффект постепенного осознания скрытого смысла наименования. По наблюдениям исследователей [2, с.170], носители языка не всегда при первой встрече с подобными языковыми явлениями осознают смысловое различие, вносимое орфографией. Эффект воздействия приходится на момент осознания орфографической каверзы. Данный тип интенций, основанный на ассоциативной связи слов, различающихся одной буквой или графическим знаком, активно используется современной рекламой и коммерческим неймингом.

Как разновидность данного типа интенций могут быть рассмотрены случаи актуализации внутренней формы слова или своеобразное переосмысление внутренней формы слова путем изменения графического облика (выделения более крупным шрифтом, другим шрифтом, изменение одной буквы и т.д.): в наименовании «*текСТИЛЬный дом*» выделена часть слова, которая подчеркивает то, что отличает данный магазин от других и востребовано покупателями. Подобным образом строится наименование кадрового агентства «*АртИст*»; использование прописной буквы внутри слова членит его на две составляющие: «*Арт*» - в значении «художественный, творческий», «*Ист*» - в переводе с английского «восток», в результате чего происходит наложение двух смыслов – «артист» и «творческий, креативный восток». Название ко-

фейни «*Чайкофский*» построено на переосмыслении фамилии известного русского композитора П.И. Чайковского и актуализации корней, содержащих семы, отражающие профиль предприятия: «чай» и «кофе». Привычное для больных и пугающее их название «Стоматология», на наш взгляд, удачно переосмыслено и переоформлено: «*Стоматолог и Я*»; актуализация личного местоимения вселяет надежду на внимательное и профессиональное отношение к клиенту. Изменение привычного облика слова приводит к переосмыслению внутренней формы слова и появлению желательных для создателей наименования ассоциаций.

Другой тип интенций – использование в названиях орфографического знака как символа определенной культуры. Отметим два основных приема, реализующих данный тип интенций.

Архаизация орфографии служит не только средством привлечения внимания, но и используется с целью расширения значения слова. Так, буква «ер», которая достаточно часто употребляется в наименованиях предприятий (и не только), используется как символ традиций и гарант высокого качества товаров и услуг:

- «*Алресь*» - агентство недвижимости,
- «*Кабинетъ*» - медицинская поликлиника,
- «*Капиталь*» - зауральская гильдия риэлтеров,
- «*Знатный столъ*» - торговый дом.

Другой прием построен на том, что в написаниях онимов часто встречается совмещение кириллицы и латиницы. Это позволяет создать новый облик слова: «*Moda*», «*Крафт*», «*Твое TV*», «*Art-zona*», «*Best книга*». Новое орфографическое оформление слова приводит, как правило, к переосмыслению известной лексемы.

Нетрадиционные написания связаны с нестабильными случаями русской орфографии, являющимися дискуссионными вопросами современной науки. Так, использование прописной и строчной букв в сложносокращенных словах, созданных путем аббревиации, может оцениваться как ненормативное. В рекламных целях, чаще всего в названиях фирм, организаций, прописная буква появляется не только в начале, но и в середине слова: «*МаксимумАвто*», «*ЮжУралАккумулятор*», «*МегаПолис*», «*СибПласт*», «*ПроСвязь*», «*КурганПромРесурс*» и др. Прописная буква призвана выделить составные части аббревиатуры.

Интенциональность русской графики и орфографии проявляется в тесном взаимодействии графического облика слова с параграфическими средствами (чередованием шрифтов, использование аллографов, цифр, знаков, ри-

сунков). Как отмечает Р.И. Мокшанцев в книге «Психология рекламы», «буквы любого алфавита являются своего рода символами и имеют свой потаенный смысл, скрытую энергию. К примеру, буква «омега» олицетворяет конец цикла, что-то завершающее. Эзотерики не рекомендуют использовать ее в аббревиатуре предприятия. Зато буква «А» или «а» символизирует начало, побудительный момент, движение. Латинская «С» символизирует энергию». Наименования предприятий часто включают в свой состав буквы латиницы и кириллицы: «*Паритет – М*», «*Джет – М*», «*Астра – М*»; иногда включаются названия букв: «*Ай-Ти сервис*». По-прежнему актуальна модель с буквами «и К» (от англ. энд компании): «*Магистраль и К*» (услуги телефонной связи), «*МАЗУРиК*» (переосмысление жаргонизма и аббревиатуры «МАЗ», «УРАЛ», «КАМАЗ»).

К данному типу наименований относятся онимы с цифрами, обозначающими:

номер региона: «*Софтраст – 45*», «*Регион – 45*»;

пробу, марку: «*5 звезд*», «*Золото 585*»;

время работы: «*24 часа*»;

порядковый номер предприятия: «*Аптека № 100*», «*Связьстрой – 5*».

Не менее «привлекательными» являются и имена числительные в составе онимов, например, в названии зоомагазина «*Четыре лапы*»

Таким образом, орфография и графика могут выступать как средство воздействия на потребителя. Кроме того, орфография вместе с графикой выступает как значимый фактор восприятия знакомых слов. Однако чаще всего потенциал русской орфографии в сфере коммерческого нейминга учитывается недостаточно.

Наименования коммерческих предприятий выполняют также эстетическую функцию, аналогичную, на наш взгляд, стилистической функции литературных онимов. Стилистическая функция онима может быть рассмотрена как дополнительная информация, имплицитно заложенная в его структуре и актуализированная в условиях коммерческого нейминга. В реализации стилистической функции может участвовать структура именованного (длина, варианты), значение производящей основы, морфемный и фонетический состав данного имени собственного, а также экстралингвистические факторы. Специфика наименований предприятий заключается в следующем: 1) коммерческая ономастика вторична – она возникает и существует на фоне общенародной ономастики и так или иначе ее актуализирует; 2) коммерческая ономастика является фактом речи, что обуславливает особенности ее функционирования.

Исследования показывают, что онимы являются чрезвычайно насыщенными по заключенной в них информации, которая порождается семантикой апеллятивной основы (то есть оживлением внутренней формы и различного рода ассоциациями), либо фонетической формой, либо за счет актуализации словообразовательных элементов. Степень и характер актуализации единиц зависит также от экстралингвистических факторов (источников возникновения, направления предприятия и т.д.). Особенности исследуемых ономастических единиц обнаруживаются в случае, когда коммерческая ономастическая система сориентирована на общезыковые особенности ИС и богатейшие коннотативные возможности. Под ономастической коннотацией исследователи понимают [5] комплексное социально-лингвистическое явление, имеющее как экстралингвистическую, так и интралингвистическую природу, включающее в себя эмоциональность и дополнительную информативность ИС. Специфика ономастической коннотации обусловлена особым статусом и дифференциальной функцией ИС, поскольку в основе семасиологической функции онимов лежит связь между словом и денотатом.

В ходе исследования наименований предприятий выявлено, что их коннотативные компоненты значения имеют:

1. интралингвистическую природу (то есть обусловлены формой выражения знака: звуковой формой онима, особенностями его словообразования, внутренней формой и т.д.);

2. экстралингвистическую природу (то есть обусловлены реалиями действительности);

3. коннотации, обусловленные формой выражения знака и экстралингвистическими факторами одновременно.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что онимы, содержащие коннотации первого типа имеют различный экспрессивный и оценочный потенциал, зависящий от качества и количества дополнительной информации, обусловленной мотивировочными признаками и сферой применения. Так, например, наименование кафе «*Ням-ням*», во-первых, благозвучно (содержит только сонорные согласные), во-вторых, указывает на профиль предприятия, в-третьих, имитирует детскую речь, что, как правило, воспринимается очень положительно. Наименование автосалона «*Мазурик*» характеризуется, с одной стороны, стилистической сниженностью, так как лексема относится к арготической речи, но, с другой стороны, она оценивается как остроумная в условиях аббревиации (см. выше).

К этому типу относятся наименования, имеющие уменьшительно-ласкательные суффиксы, вносящие дополнительные экспрессивные оттенки

значений. Таковы достаточно многочисленные производные от антропонимов с суффиксами **-к-, -еньк-, -ушк-, -юшк-** и др., без суффиксов с усеченной основой, а также нарицательные существительные с суффиксами **-ик-, -чик-** и др., например: *«Машенька», «Егорка», «Иванушка», «Танюшка», «Саша», «Натали», «Золотой ключик», «Шкафчик и стульчик»* и др.

Исследование показывает, что компоненты значения второго типа возникают в результате процесса вторичной номинации. При этом номинативное значение онима приглушается, а на первый план выступают оценочно-характеристические смыслы. Данный тип коннотаций передает сведения об известных реальных и вымышленных носителях имен, фамилий, географических объектах, а также указывает на устойчивые ассоциации. Онимы, участвующие в процессе переосмысления, могут принадлежать к области литературы (*«Робинзон», «Белоснежка», «Мэри Поппинс»*), мифологии (*«Меркурий», «Цербер», «Аврора»*), религии (*«Ева», «Эдем», «Ангел»*), истории (*«Цареве городище», «Нефертити», «Долина фараонов»*), а также включать имена деятелей искусства и культуры (*«Чайковский», «Бетховен», «Монро»*).

Коннотативные компоненты значения онимов могут быть обусловлены одновременно формой выражения знака и реалиями действительности – третий тип. Наряду с морфологической, фонетической, внутренней формами выражения знака на эмоциональность и экспрессивность онимов влияют также и фоновые (культурологические) компоненты значения, что делает их наиболее информационно и экспрессивно насыщенными. Так, наименование бутика *«Милан»* благозвучно, коротко и вызывает приятные ассоциации, связанные с высоким качеством итальянских товаров.

Анализ материала показывает, что коннотативная часть лексического значения онимов может быть представлена эмоциональным, оценочным и экспрессивным компонентами, которые нередко сопутствуют друг другу и могут встречаться в разных комбинациях, определяя стилистическое функционирование данных ИС.

Таким образом, основными функциями наименований коммерческих предприятий являются номинативно-информативная, прагматическая, стилистическая. Именно это делает наименования предприятий составной частью ономастического пространства.

Список литературы

1. Воронова, И.Б. Текстобразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений 19 – 20 вв.). Автореферат диссертации канд. фил. наук. – Волгоград, 2000. – 25 с.

2. Дунев, А.И. Толерантность и интенциональность орфографии в текстах современной рекламы: Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина, М.Б. Хомяков. – Екатеринбург: Иэд-во Урал. Ун-та, 2003. 550 с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

4. Малкова, Ю.В. Конструирование рекламных сюжетов. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. – 125 с.

5. Разумова, Л.В. Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста: Автореферат дис. канд. фил. наук. – Челябинск. – 2002. – 23 с.

Е.П. Острянина
Кафедра английской филологии

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Статья посвящена проблеме формирования положительной мотивации к изучению иностранного языка у студентов технических специальностей вуза. Положительная мотивация рассматривается автором как одно из педагогических условий развития иноязычной речевой компетенции студентов.

Ключевые слова: положительная мотивация, познавательная активность, педагогические условия, иноязычная речевая компетенция.

The article is devoted to the problem of motivation forming for the learning of foreign language among the students of technical specialities. Motivation is considered to be one of the pedagogical conditions for improving of foreign language oral competence.

Keywords: motivation, cognitive activity, pedagogical conditions, foreign language oral competence.

Необходимость развития иноязычной речевой компетенции студентов технических специальностей является объективной реальностью. Это вызвано усилением интеграционных процессов в современном мире, требованиями, предъявляемыми к уровню подготовки современного специалиста, а также рядом недостатков в работе вузов по подготовке будущих инженеров к осуществлению иноязычной деятельности. Решить эту проблему возможно только с учетом научно обоснованного комплекса педагогических условий. Мы рассматриваем данный комплекс педагогических условий в качестве ком-

плексного педагогического средства, способствующего эффективному развитию иноязычной речевой компетенции студентов – будущих инженеров.

Каждое из условий в определенной степени влияет на развитие личностных характеристик студента и регулирует его внешнюю, организационную сторону.

Раскроем сущность и особенности реализации одного из условий – формирование у будущего инженера положительной мотивации к осуществлению иноязычной деятельности. Выделение данного педагогического условия продиктовано тем, что формирование иноязычной речевой компетенции студентов невозможно без наличия положительной мотивации к осуществлению иноязычной деятельности.

Дело в том, что специфической особенностью учебного предмета «иностраный язык» является отношение к нему как к очень трудному, практически не поддающемуся овладению предмету. Однако этот учебный предмет при правильной организации обучения, учитывающей его специфику, так же эффективно усваивается, как и любой другой. Следовательно, здесь возникает педагогическая задача изменения стереотипного отношения студентов к иностранному языку. Выполнить эту задачу и призвано данное педагогическое условие. При этом важно не только создание мотивации, но и поддержание ее на должном уровне.

Мотивация является одной из фундаментальных проблем как отечественной, так и зарубежной психологии. Исследователи определяют мотивацию как совокупность всех мотивов к данной деятельности данного индивида. Мотивация не только побуждает человека к деятельности, но и сама формируется в процессе деятельности [4. С. 198].

С точки зрения нашего исследования представляется важным то, что большинство психологов согласны с выделением двух типов мотивации и соответствующих им двух типов поведения: внешней мотивации и соответственно внешне мотивированного поведения и внутренней мотивации и соответственно внутренне мотивированного поведения. Общеизвестным является положение, что внешняя мотивация основана на наградах, поощрениях, наказаниях или других видах внешней стимуляции, которые инициируют и направляют желательное поведение.

«Внутренняя мотивация – конструкт, описывающий такой тип детерминации поведения, когда инициирующие и регулирующие его факторы происходят изнутри личностного Я и полностью находятся внутри самого поведения» [7. С. 118].

Каждый вид мотивации имеет свои плюсы и минусы, оказывая различное влияние на психические процессы. Наиболее положительное влияние, как на познавательные процессы, так и на личность в целом оказывает внутренняя мотивация.

Внутреннюю мотивацию В.И. Чирков называет внутренней ориентацией студента по отношению к учебе: предпочтение трудных заданий, учеба ради удовлетворения любознательности, независимость в занятиях, оценка на основе внутренних эталонов, высокая оценка своей любознательной компетентности, общая уверенность в себе. При этом автор подчеркивает тот факт, что при ориентации преподавателя на высокую степень контроля студенты тяготеют к внутренней ориентации на учебу [7. С. 103].

При формировании внутренней мотивации следует учитывать, что человек имеет врожденную тенденцию к выполнению таких видов активности, которые дают ему ощущение наличия мастерства, чувство компетентности. Любая информация о некомпетентности снижает внутреннюю мотивацию. Однако определенное количество отрицательной информации об успешности не уменьшает внутренней мотивации, так как помогает человеку видеть свои слабости и, как результат, совершенствовать свое мастерство. Оптимальной является ситуация, когда неудачи не являются неизбежными, а чередуются с успехами в выполняемой деятельности.

Д.И. Богоявленский и Л.П. Федоренко под мотивацией учения понимают то, что побуждает студентов к учебной работе, подчеркивая при этом особое значение внутренних мотивов. Учение в этом случае является способом удовлетворения личной потребности студентов в приобретении знаний и основным путем к овладению профессией. Важно, чтобы преподавание поддерживало подобную готовность к учению, вызывая у студентов интерес к содержанию знаний, к самому процессу учения [2. С. 8].

С.Л. Рубинштейн особо выделяет в учебной мотивации интерес и считает, что для того, чтобы люди усердно и эффективно учились, у них должна быть какая-то заинтересованность в учебе или интерес к ней [5. С. 83].

По мнению Л.И. Божович, большое значение для обеспечения развития широких познавательных интересов, в конечном счете, имеет понимание той роли, какую играет учеба для их будущей жизни. Вот почему важно, чтобы перед студентами уже возникало представление о своем будущем месте в жизни, устойчивый интерес к профессии [5. С. 189].

И.А. Зимняя утверждает, что в исследованиях по проблеме мотивации раскрыты факторы, через которые важно воздействовать на внутрискруктурную динамику мотивационных структур, а следовательно, управлять их пе-

рестройкой. К таким факторам в первую очередь автор относит: снятие оценки и временных ограничений; ситуация выбора; личностная значимость; продуктивный, творческий вид работы [3. С. 232].

В целом, исследования учебной мотивации показывают недостаточный уровень ее стихийной сформированности, принципиальную возможность ее целенаправленного ступенчатого развития, учитывающего особенности возраста с преимущественной ориентацией на способы деятельности [3. С. 230].

Для того, чтобы учебно-познавательный мотив начал действовать, стал доминирующим и приобрел самостоятельность, а затем стал осознанным, необходима организация самой учебной деятельности [3. С. 229].

Следуя данному утверждению И.А. Зимней, мы полагаем, что формирование положительной мотивации к осуществлению иноязычной деятельности обеспечивается использованием в процессе обучения информативных, аутентичных текстов профессиональной направленности.

Характеристика чтения как познавательной деятельности определяет ту большую образовательную и воспитательную роль, которая отводится ему в процессе обучения. Поэтому исключительное значение приобретает содержание материала. Прежде всего, материалы для чтения должны быть текстами, как единицами коммуникации, а не иллюстрациями лексического или грамматического материала на ту или иную тему. По нашему мнению, именно подбор текстов решает, будут ли студенты относиться к чтению на иностранном языке как способу получения информации. В нашем случае тексты должны быть текстами по специальности или научно-популярными текстами по профилю, но самое главное, они должны быть интересными, содержательными, то есть сообщающими новую информацию, которую студенты могут использовать и по другим предметам.

Приступать к чтению таких текстов нужно после того, как умения, связанные с пониманием языкового материала находятся на уровне автоматизма.

Значимость содержания текста определяет мотивированность чтения, вызывает удовлетворение выполняемой деятельностью. Содержание материала и сама организация процесса общения являются источником стимуляции познавательного интереса [9. С. 94].

Формирование положительной мотивации к осуществлению иноязычной деятельности зависит не только от содержания текста, но и от удовлетворения результатами выполняемой деятельности. Действие первого фактора обеспечивается путем составления/отбора текстов, учитывающих интерес студентов; второго – за счет языковой доступности текстов в сочетании с привлекательностью их содержания, а также предлагаемых видов работы.

Здесь возникает вопрос о жанрах текстов. Мы предлагаем систематическое ознакомление студентов с жанрами текстов, наиболее распространенными в той или иной области науки и техники. В нашем исследовании мы остановились на уже хорошо описанных и признанных вариантах жанров: «научная статья», «аналитические материалы (газеты)». Тогда у студентов возникает четкое представление о речевых произведениях (текстах), которые им предстоит читать в той или иной ситуации реального использования изучаемым языком. Это снимает трудности для студентов при переходе от чтения учебных текстов к аутентичным, оригинальным.

На начальном этапе чтения следует использовать адаптированные отрывки из оригинальных произведений. Что касается оригинальности текстов, то здесь мы придерживаемся мнения С.К. Фоломкиной, что оригинальность адаптированных/составленных текстов предполагает их моделирование. Под моделированием понимается воссоздание в учебном тексте основных характеристик оригинального текста, относящихся как к языковой стороне, так и структурно-смысловой организации. Моделирование учебных текстов во многом решает проблему перехода студентов от адаптированной литературы к оригинальной [6. С. 35].

На продвинутом этапе обучения все монологические тексты не адаптированы и взяты из оригинальных источников, иногда в сокращенном виде. При этом используются тексты разного характера. В отличие от первого этапа обучения, многие учебные тексты предназначены для самостоятельной работы студентов при решении определенных творческих задач, поставленных преподавателем.

Систематическое использование в процессе обучения будущих инженеров иностранному языку информативных, аутентичных профессионально ориентированных текстов будет способствовать осознанию ими значимости обучения иностранному языку, принятию ими иноязычной деятельности не только как объекта познания, но и средства удовлетворения познавательной потребности, что обуславливает формирование положительной мотивации студентов к осуществлению иноязычной деятельности.

Показателями эффективного воздействия данного педагогического условия могут выступать: заинтересованность будущих инженеров в самом процессе чтения текстов по специальности, удовлетворенность данным видом речевой деятельности, повышение уровня познавательного интереса, динамика уровня сформированности положительной мотивации к осуществлению иноязычной деятельности.

Список литературы

1. Божович, Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности/ Л.И. Божович/ Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Педагогика, 1995. – 207 с.
2. Богоявленский, Д.Н. Вопросы активизации обучения грамматике и орфографии в вечерней школе/ Д.Н. Богоявленский, Л.П. Федоренко// Психология активизации обучения в вечерней школе/ Под ред. Д.Н. Богоявленского. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1963. – 189 с.
3. Зимняя, И.А. Педагогическая психология/ И.А. Зимняя. – М.: Логос, 2001. – 384 с.
4. Карпова, А. В. Общая психология/ А.В. Карпова. – М.: Гардарики, 2002. – 232 с.
5. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. В 2 т./ С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989 с.
6. Фоломкина, С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе/ С.К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 1987. – 207 с.
7. Чирков, В.И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека/ В.И. Чирков// Вопросы психологии. – 1996. - №3. – С. 116-131.

*А.А.Пережогина, Д. Дробышева
Кафедра французской филологии*

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение префиксов вызывает большой интерес лингвистов как зарубежных (Ch. Bally, A. Darmesteter, A. Dauzat, J. Dubois, H. Frei, G.Gougenheim, L. Guilbert, M. Grevisse, M. Nanoset, J. Léger, A. Sauvageot), так и отечественных (Л.М. Акимова, В.Н. Андреева, О.И. Богомолова, В.Г. Гак, З.Н. Левит, Н.Н. Лопатникова, И.А. Малахова, Ю. Степанов, Э.А. Халифман, И.А. Цыбова, Н.М. Штейнберг и др.).

Исследования ведутся в разных направлениях. Широко ведутся исследования в области лексикологии. Вопросами словообразования занимались такие лингвисты, как З.Н. Левит, Ю. Степанов, Э.А. Халифман, И.А. Цыбова, Н.М. Штейнберг, A. Dauzat, A. Darmesteter, G. Gougenheim, M. Grevisse, A. Sauvageot и др.

В работах некоторых лингвистов префиксы рассматриваются с точки зрения их семантики (В.Н. Андреева, О.И. Богомолова, Н.Н. Лопатникова, С.С. Савончик, И.А. Цыбова, Н.М. Штейнберг, Ch. Bally, J. Dubois, L. Guilbert, J. Léger, A. Sauvageot и др.).

О способности французских префиксов выражать различные видовые значения говорится в работах таких лингвистов, как О.И. Богомолова, Н.М. Васильева, В.Г. Гак, А.Л. Зеленецкий, З.Н. Левит, Н.А. Мовшович, А.П. Пицкова, P. Imbs, M. Riegel, J. Vendryes, M. Wilmet и др.

Цель данного исследования – выявить способы выражения значений французских глагольных префиксов в русском языке.

Существуют разные определения понятия «префикс». Так, например, Ж. Марузо определяет его как «элемент образования, помещаемый в начале слова» (от лат. *praefixus* - прикреплённый впереди) [Марузо, с. 230]. В.Е. Щетинкин уточняет, что префикс – это «морфема, присоединяемая к производящей основе слева и уточняющая её лексическое значение» [Щетинкин, с. 98].

О.С. Ахманова заостряет внимание на словообразовательной функции префикса: «Префикс – (предоснова, приставка, префиксальная морфема, приставочная морфема) – выделяющаяся в составе словоформы докорневая (то есть предшествующая корню) аффиксальная морфема, имеющая преимущественно словообразующий характер» [Ахманова, с. 351-352].

Интересно определение А.М. Прохорова, который берёт во внимание и лексическое, и грамматическое значение слова: «Префикс - часть слова, стоящая перед корнем и изменяющая его лексическое и грамматическое (например, видовое) значение» [Прохоров, с. 957]. Важно отметить, что А.М. Прохоров приводит данное определение относительно русского языка.

При рассмотрении значений префиксов и слов, к которым они присоединяются, лингвисты используют различные термины: лексическое, грамматическое, деривационное, словообразовательное значения, семантика. Для нашего исследования важно рассмотреть то, как эти значения связаны с префиксами.

О.С. Ахманова определяет лексическое значение как значение основной (вещественной) части слова, в отличие от значения его формальной, или грамматической части [Ахманова, с. 161]. Она рассматривает грамматическое значение как значение формальной принадлежности слова, то есть значение отношения, выраженное не отдельным словом, а несамостоятельными элементами, дополнительными к основной (вещественной) части слова [Ахманова, с. 161].

Отечественный лингвист В.Н. Ярцева отмечает, что морфемы (корни и аффиксы) несут два различных типа значений. Корни выражают вещественное значение – основную часть лексического значения слова. Аффиксы выражают грамматические значения [Ярцева, с. 438]. Однако автор уточняет,

что прибавление аффикса грамматического характера не сказывается на лексическом (вещественном) значении основы, варьируются грамматические значения форм. Прибавление же аффикса словообразовательного характера ведёт к взаимодействию значений аффикса и основы [Ярцева, с. 60]. То есть В.Н. Ярцева уже имеет в виду деривационное значение аффиксов. Аналогичного мнения придерживаются О.С. Ахманова, В.Г. Гак, Д.Э. Розенталь.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что префикс может менять лексическое значение основы слова, так как он является частью этого значения. Семантическое видоизменение основы выражается в создании лексемы с новым значением (при прибавлении префикса словообразовательного характера) [Ярцева, с. 60].

Что касается семантики, то Д.Э. Розенталь определяет её как смысловую сторону (значение отдельных языковых единиц: морфем, слов, словосочетаний, а также грамматических форм) [Розенталь, с. 376]. То есть префикс как морфема имеет определённую семантику и может уточнять и изменять лексическое значение основы слова, так как, по мнению В.Н.Ярцевой, тип соединения основы и аффикса – аддитивный (значение формы слова складывается из значения основы и аффикса) [Ярцева, с. 60].

Существуют различные классификации префиксов по их семантике, по их словообразовательному значению. В нашем исследовании мы будем опираться на данные, взятые из классификаций В.Н.Андреевой, О.И.Богомоловой, И.А. Цыбовой. В современной классификации И.А. Цыбовой (2008) выделяются следующие семантические группы активных префиксов:

1. Отрицательно-привативные префиксы, которые можно подразделить на подгруппы:
 - а) префиксы отрицания: a-, non-, in-(im-, il-, ir-);
 - б) антонимические префиксы: anti-, dé-, dis-, contre-, pro-.
2. Префиксы интенсивности: super-, hyper-, extra-, sur-, archi-, ultra-.
3. Префиксы локального значения: a-, en-, trans-, inter-.

Классификация префиксов О.И. Богомоловой является полной, развёрнутой, в ней описана этимология префиксов и их основные значения.

Анализ значений французских глагольных префиксов показал, что некоторые из них выражают различные видовые оттенки.

Вопрос о виде во французском языке принадлежит к числу спорных. Однако, как отмечает А.Л. Зеленецкий, «...пусть и с некоторыми оговорками, но следует признать принципиальную обоснованность утверждения о суще-

ствовании во французском языке грамматической категории вида» [Зеленецкий, с. 142].

В.Г. Гак рассматривает вид как категорию глагола, обозначающую характер протекания процесса [Гак, 1986, с. 216]. Но от вида как грамматической категории принято отличать аспектуальность – поле со средствами передачи видового значения [Зеленецкий, с. 140].

Н.М. Васильева и Л.П. Пицкова уточняют, что понятие «аспектуальность» охватывает два понятия: грамматическую категорию вида и способы действия (*mode d'action*). Они отмечают, что в отличие от грамматического вида, существование способов действия во французском языке признано всеми лингвистами, но мнения относительно средств выражения способов действия расходятся [Васильева, с.65].

Вопрос о количестве и классификации способов действия также остаётся спорным. Н.М. Васильева, например, насчитывает во французском языке 13-15 способов действия, чехословацкий учёный Духачек – 13, Боннар – 12, Бейлон и Фабр – 8. В русском же языке насчитывается около 40 способов действия.

В данном исследовании мы будем опираться на классификацию В.Г. Гака, который выделяет несколько основных видовых противопоставлений, связанных с самыми общими параметрами действия:

1) аспект самого процесса: действие / состояние, создавшееся в результате действия;

2) фазы процесса: начало, окончание действия;

3) количественная характеристика действия: точечность / длительность, непрерывность / прерывность; однократность / многократность, повторность, альтернативность и др.;

4) качественная характеристика действия: завершённость / незавершённость, достижение результата, темп действия, его прогрессивность, интенсивность и др. [Гак, 1986, с. 112].

Важным для нашего исследования является тот факт, что префиксы способствуют выражению способов действия [Скрелина, с. 83]. Например, *courir – accourir, dormir – s'endormir, veiller – s'éveiller*. Этому мнению придерживаются такие лингвисты, как Т.А. Абросимова, О.И. Богомолова, Н.М. Васильева, В.Г. Гак, З.Н. Левит, Н.Н. Лопатникова, Н.А. Мовшович, Л.П. Пицкова, Л.М. Скрелина и др.

Глагольные префиксы могут выражать *завершённость действия* (ср.: *dormir – спать, s'endormir – уснуть, crier – кричать, s'écrier – вскрикнуть*). В русском языке это значение грамматично и распространяется на все глаголы:

любой глагол выступает в форме совершенного или несовершенного вида. Многие глаголы могут принимать оба вида - делать/сделать. Во французском языке это различие касается лишь небольшой группы глаголов и рассматривается как часть их лексического, а не грамматического значения [Гак, 1986, с. 36-37].

О.И. Богомоллова также отмечает, что префикс является лексическим средством выражения видовых оттенков. Например, префикс **re-(r-)** выражает *мгновенность действия*: *rabattre* (ср. с *abattre*), *rattraper* в значении *догнать, поймать*, *rabaisser* – *опустить*. Префиксы **e- /en-** в сочетании с местоимённой формой выражают *оттенок начинательности*: *fuir /s'enfuir*, *dormir /s'endormir*, *crier /s'écrier* [Богомоллова, с. 263].

Нужно отметить, что лингвисты уделяют особое внимание в выражении видовых значений префиксу **re-**, который по своему словообразовательному значению отличается от других префиксов. В настоящее время можно говорить, что он активен в обозначении *повторяемости, возобновления действия* (*faire* делать - *refaire* *делать вновь*), то есть у этого префикса наблюдается определённая «грамматикализация» словообразовательного значения [Цыбова, 1981, с.47]. Если производится действие в обратном направлении, то по-французски употребление **re-** становится грамматически обязательным. Именно в значении повторяемости он встречается во многих неологизмах (напр. *retéléphoner* *позвонить снова*).

З.Н. Левит также отмечает, что префикс **re-** придаёт глаголам *аспектуальное значение повторения* [Левит, с. 125].

В.Г. Гак утверждает, что **re-** выражает *повторное и обратное действие* (например, *relire*), а префикс **s'entre-** обозначает *взаимное действие* (например, *s'entraider*) [Гак, 1986, с. 222].

J. Vendryes говорит о том, что глаголы с префиксом **re-** стремятся заменить глагол без префикса, когда рассматривается *результат действия*. Так, например, глагол *unir* употребляется только при свадебной церемонии (*unir deux personnes*), в основном употребляется глагол *réunir*; глагол *remercier* вытеснил глагол *mercier* [Абросимова, с. 125].

Н.М.Васильева и Л.П. Пицкова выделяют следующие префиксы, характеризующие глагольное действие: **entre-**, **sous-**, **é-**, **en- (em-)**, **re-**, **sur-**. Например, *soulever*, *entrouvrir* (способ *ослабления* действия); *s'empourprer*, *s'échauffer*, *s'enhardir* (способ *прогрессивности* действия), *ramasser*, *ramollir*, *surcharger* (способ *интенсивности* действия) [Васильева, с. 66].

A P. Imbs отмечает видовые значения *начинательности* и *окончания* действия: **accréditer / discréditer** [Абросимова, с. 150].

Французский грамматист М. Wilmet в разделе «Aspect préfixal» выделяет несколько префиксов, имеющих видовые оттенки: **re-** (удваивающая функция), **dé-** (обратное действие), **a-**, **par-** и **en-** (законченность) [Wilmet, p. 325-326].

М. Riegel отмечает, что префиксы **en-**, **dé-**, **re-**, **par-** уточняют видовое значение глагола: «...les préfixes **en-**, **dé-**, **re-**, **par-** apportent une *précision aspectuelle* au verbe de base» [Riegel, p. 292].

Таким образом, мы видим, что некоторые французские префиксы могут выражать способы действия, то есть разнообразные видовые оттенки. Однако так считают не все лингвисты. Например, Э.А. Халифман полагает, что нет веских фактов и доводов, которые подтверждали бы способность префикса **re-** передавать видовое значение [Халифман, с. 37].

Обобщив и проанализировав мнения различных учёных, мы выявили ряд префиксов, способных выражать те или иные способы действия. К таким префиксам относятся: **a-** (начинательность, завершенность); **dé-** (обратное действие); **dis-** (завершенность); **s'é-** (начинательность, завершенность, прогрессивность); **s'en-** / **s'em-** (начинательность, завершенность, прогрессивность); **entre-** / **s'entre-** (ослабление действия, взаимное действие); **par-** (завершенность); **re-** (мгновенность, повторяемость, интенсивность, результат действия); **sous-** (ослабление действия); **sur-** (мгновенность, интенсивность).

Далее на материале французско-русского словаря под редакцией В.Г. Гака и Ж. Триомфа мы проанализировали 460 глаголов с данными префиксами, а также способы выражения их значений при переводе на русский язык.

Анализ показал, что преимущественный способ передачи семантического значения и видовых оттенков у префикса **re-** - это русское наречие, входящее в состав словосочетания (64% / 63%). Например, rapporter – *снова* приносить. В 23% глаголов выборки используется русский префикс, в большинстве случаев префиксы **пере-**, **вос-/воз-**. Например, refondre – *переплавить*. Интересны случаи, когда значения передаются глаголом с префиксом. Например, serrer – *жать, сжимать*; resserrer – *затягивать, стягивать*. Встречаются случаи использования русского глагола без префикса: remercier – *благодарить*.

Для префикса **sur-** преобладающим способом выражения значений является русский префикс, чаще всего **пере-**, **пре-**. Например, surévaluer – *переоценивать*. Причём, семантика выражается данным способом в 63%, а видовые оттенки в 47%. Также распространён способ передачи значений через глагол с префиксом (19% / 18%). Например, surmonter – *преодолеть*. Встре-

чаются случаи и с русским наречием или прилагательным, входящим в состав словосочетания. Например, *suralimenter* – *усиленно* питать, *surtaxer* – облагать *дополнительным* глаголом. Менее распространён русский глагол без префикса (4% / 6%). Например, *surveiller* – *следить*.

Доминирующим способом выражения значений приставки **par-** является русский префикс (50%). Например, *parcourir* – *пробежать*. В 50% глаголов способ действия может также передаваться глаголом с префиксом. Например, *parvenir* – *добиться, достигать*. Отмечается и такой способ передачи семантики, как русский глагол в составе словосочетания (17%).

Значения префикса **é-** в сочетании с местоимённой формой в большей степени передаются русским префиксом (40% / 43%). Например, *s'échauffer* – *нагреваться*. Также широко распространён русский глагол без префикса: *s'ébouler* – *рухнуть*. Интересны случаи выражения значений через русский глагол с префиксом (13% / 14%). Например, *venter* – *дуть*, *s'éventer* – *выдохнуться*. Можно выделить значение данной приставки и через наречие или глагол, входящие в состав словосочетания: *s'effeuiller* – *ронять* листья.

Для префикса **dis-** больше всего характерен такой способ выражения значений, как русский префикс, чаще всего **раз-/рас-**. Например, *disposer* – *расставить, расположить*. Но для выражения семантики он менее распространён (45%), чем для выражения способа действия (57%). Также нужно отметить такой способ, как русский глагол без префикса (33% / 29%). Например, *disconvenir* – *отрицать*. Менее распространён русский глагол с префиксом (22% / 14%): *discontinuer* – *переставать, прерываться*.

Преобладающим способом выражения значений префикса **sous-** является русский глагол с префиксами недо-, под- (66% / 63%). Например, *souscrire* – *подписать*, *sous-estimer* – *недооценивать*. Распространены и случаи перевода русским глаголом без префикса: *sourire* – *улыбаться*. Однако он чаще присущ выражению способа действия (25%), чем семантики (17%). Встречается и русский глагол с префиксом: *sous-entendre* – *подразумевать*.

Интересны способы выражения значений префикса **en-/em-** в сочетании с местоимённой формой. В глаголах с данным префиксом его семантика утрачивается и глагол обозначает то же действие, что и глагол без префикса. Влияет на значение лишь местоимённая форма: *presser* – *торопить*, *s'empresser* – *торопиться*. Однако нам встретился глагол с семантикой приближения, способом выражения которой является русский префикс под-: *s'embrancher* – *подсоединять*. Он и составляет 100%. А что касается выражения способа действия, то здесь доминирует русский глагол без префикса (36%): *s'entraîner* – *упражняться*. Также широко распространён русский

префикс (29%). Например, *s'enfuir* – *сбежать*. Встречаются и русские глаголы с префиксом (28%): *braser* – *паять*, *s'enbraser* – *воспламениться*. Менее распространён русский глагол в составе словосочетания: *s'endurcir* – *становиться твёрдым*.

Префикс *dé-* единственный, который обладает пятью способами выражения своих значений. Доминирующим при выражении и семантики и способа действия являются русские префиксы **раз-, рас-, за-, от-, о-, в-** и другие (44%). Например, *décharger* – *разгружать*, *déconseiller* – *отсоветовать*. Широко распространены русские глаголы с префиксами (21% / 22%): *colorer* – *красить*, *décolorer* – *обесцвечивать*; и глаголы, входящие в состав словосочетания (11% / 10%): *décoiffer* – *растрепать причёску*. Редко встречаются прилагательные (1%) и существительные (2%), входящие в словосочетание: *défavoriser* – *ставить в неблагоприятные условия*, *déranger* – *привести в беспорядок*. Присущий только данному префиксу способ выражения значений через отрицательную частицу «не» встречается редко (2%): *déplaire* – *не нравиться*.

Для префикса **entre-** доминирующим является способ выражения значений через русский префикс (50%), чаще всего **при-, пре-**: *entrouvrir* – *приоткрывать*. Для выражения значений данного префикса также распространён такой способ, как русский глагол с префиксом (38% / 25%): *entrelacer* – *переплетать*; а также наречие, входящее в словосочетание (13% / 25%): *entrevoir* – *видеть смутно*.

Значения префикса *entre-* в сочетании с местоимённой формой выражаются иначе. Доминирующим является русское существительное в составе словосочетания (50% / 55%). Например, *s'entretuer* – *убивать друг друга*. Также широко распространён русский префикс (42% / 45%): *s'entrecroiser* – *перекрещиваться*.

Преимущественным способом выражения значений префикса *a-* является русский префикс (78% / 74%), чаще всего **при-, у-** и другие: *adjoindre* – *присоединить*. Менее распространён русский глагол с префиксом (22% / 26%): *accéder* – *доходить*.

Итак, в результате проведенного исследования были выявлены следующие способы выражения значений французских глагольных префиксов в русском языке:

1. Префикс: *revendre* – *перепродавать*, *surestimer* – *переоценить* (31%), то есть в 143 глаголах (семантические значения) и в 142 (видовые оттенки) из 460 .

2. Глагол без префикса: *découdre* – *пороть*, *s'écrouler* – *рухнуть* (в 27 глаголах из 460, то есть 6%).

3. Глагол с префиксом: *friper* – *мять*, *défriper* – *разглаживать* (в 55 глаголах (семантические значения) и в 52 (видовые оттенки) глаголах из 460, то есть 12%).

4. Словосочетание, в котором значение французского префикса может быть выражено преимущественно:

а) в наречии: *recommencer* – *снова* начать (123 глагола из 460, то есть 27%);

б) в прилагательном: *surimposer* – облагать *дополнительным* налогом (6 глаголов, то есть 1%);

в) в глаголе: *décommander* – *отменить* приказ (26 глаголов, то есть 6%);

г) в существительном: *déranger* – приводить *в беспорядок* (7 глаголов, то есть 1,5%).

5. Отрицательная частица «не»: *plaître* – нравиться, *déplaître* – *не* нравиться. Однако данный способ выражения достаточно редкий и встретился в нашем исследовании лишь при передаче значений префикса *dé-* (2 глагола из 460, то есть 0,5%).

Таким образом, для большинства французских префиксов доминирующим способом выражения их значений является русский префикс. Однако для выражения значений таких префиксов как *re-*, *s'entre-* более распространённым является такой способ, как русское словосочетание, причём значение передаётся в большинстве случаев наречием, входящим в это словосочетание.

Список литературы

1. Абросимова, Т.А. Хрестоматия по теоретической грамматике французского языка: учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / Т.А. Абросимова. – Л.: Просвещение, 1972. – 248с.
2. Андреева, В.Н. Лексикология современного французского языка / В.Н. Андреева. – М.: Учпедгиз, 1955. - 196с.
3. Богомолова, О.И. Современный французский язык: теор. курс / О.И. Богомолова.- М.: Изд-во лит. на иностр.яз., 1948. - 457с.
4. Васильева, Н.М. Теоретическая грамматика: ускоренный курс / Н.М. Васильева, Л.П. Пицкова. – М.: Высш.шк., 1991. – 299с.
5. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология: учеб. для филол. фак. ун-тов, инт-тов и фак. иностр. яз. / В.Г. Гак. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1986. – 312с.
6. Зеленецкий, А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / А.Л. Зеленецкий. – М.: Академия, 2004. – 252с.
7. Левит, З.Н. Лексикология французского языка: для ин-тов и фак. иностр.яз. / З.Н. Левит. – М.: Высш.шк., 1979. – 160с.

8. Скрелина, Л.М. Лекции по теоретической грамматике французского языка: часть 1 / Л.М. Скрелина. – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 95с.
9. Халифман, Э.А. Словообразование в современном французском языке: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз./ Э.А. Халифман, Т.С. Макеева, О.В. Раевская. – М.: Высш.шк, 1983. – 128с.
10. Цыбова, И.А. Определите значение слова: пособие по словообразованию во французском языке / И.А. Цыбова. – М.: Междунар. отношения, 1981. – 104с.
11. Цыбова, И. А. Словообразование в современном французском языке: учебное пособие / И.А. Цыбова. – М.: Высш. шк., 2008. – 128с.
12. Щетинкин В.Е. Seminaire de typologie comparative du français et du russe / В.Е. Щетинкин, Л.О. Коль. – М., 1984. – С.98.
13. Riegel, Martin. Grammaire méthodique du français / Martin Riegel, Jean-Christophe Pellat, René Rioul. – Paris : Presses Universitaires de France, 1994. – 646р.
14. Wilmet, Marc. Grammaire critique du français / Marc Wilmet. – 2e édition. – Paris, Bruxelles: Duculot, 1998. – 704р.

Словари

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576с.
2. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 1456с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл.ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685с.
4. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 436с.
5. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543с.
6. Французско-русский словарь активного типа / под ред. В.Г.. Гака, Ж. Триомфа. – 8-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. – 1055с.

А.П.Подкорытов

Кафедра французской филологии

ФЛОБЕРОВСКИЙ СТИЛЬ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ

Творчество Гюстава Флобера явилось новаторским явлением не только для французской, но и для мировой литературы. Идея объективного социального искусства, выдвинутая писателем, проявилась в первую очередь в стиле изложения. В противовес романтическому стилю, где читатель повсеместно ощущает авторское присутствие, вмешательство в повествование, экспли-

цитно выраженную оценочность происходящего, другими словами – субъективизм, Флобер выдвигает принцип «безличной прозы», где он исключает из повествования личное отношение, излагает только факты, ничего не навязывая читателю. Для Флобера подлинным искусством может быть только искусство безличное, вполне объективное (Эткинд, 1960, 164). У него свой набор приемов изложения, которые раньше употреблялись крайне редко или были применены им впервые. К ним следует отнести показ (вместо рассказа), который реализуется посредством: 1) монтажа (композиционным приемом, «позволяющим фактам говорить самим за себя без помощи автора»; 2) включение элементов речи персонажей в речь автора (симфонизм); 3) объективное авторское повествование, фиксирующее детали (ср. Эткинд, 1960, 174).

Эти приемы стали широко использоваться в литературе 2-й половины XIX века. В первую очередь, это проявилось в творчестве флюберовского ученика Ги де Мопассана, который в своей статье «Эволюция романа в XIX веке» (1889) так определил свою эстетическую позицию: «.....умение скрыть личность писателя составляет ценность каждого произведения и называется искусством или талантом».

Рассмотрим отрывок из романа «Милый друг», где Мопассан описывает состояние своего главного героя Ж. Дюруа в ночь перед дуэлью. Философ-экзистенциалист XX века и писатель Жан-Поль Сартр ввел понятие «пограничная ситуация», которая связана с риском для жизни и другими опасностями. По мнению философа, человек проявляет свои главные качества именно в таких ситуациях. Сопоставление описания таких ситуаций у разных авторов могло бы лучше выяснить как характер главного героя, так и особенности стиля писателя.

Прежде всего, описание Жоржа Дюруа накануне дуэли намного протяженнее, чем аналогичные эпизоды у других авторов (П. Мериме, А. Дюма, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и многих других). Стилистически этот отрывок сложен, как и большая часть прозы Мопассана: автор описывает, что делает его герой в ночь перед дуэлью и что он при этом думает. Оба описания идут параллельно, синхронизированно. При этом автор постоянно дает оценку состояния своего героя. Другими словами, мы имеем дело с флюберовским приемом показа.

Оставшись один, Жорж быстро ходит по комнате, разговаривает вслух, долго смотрит на визитку своего противника, прокалывает ее маникюрными ножницами. Подбадривает себя вслух, при этом вздрагивает при звуке своего собственного голоса и оглядывается вокруг себя. Ложится, пытается заснуть. Ему жарко, хотя в комнате холодно. Ворочается с боку на бок. Его мучает

жажда. Сердце бешено бьется. Услышав звон стенных часов, подскакивает. Открывает рот, чтобы отдышаться. Зажигает свечу, смотрит на себя в зеркало. С трудом узнает себя: глаза огромны, лицо очень бледно. Открывает окно. Его охватывает озноб. Дыхание становится прерывистым. Разжигает огонь в камине. Руки дрожат. Голова кружится. Ходит по комнате, подбадривает себя. Пытается написать родителям. Бросает эту попытку. Время от времени у него стучат зубы. Все тело дрожит. Сжимает зубы, чтобы не закричать. Увидев на камине литровую бутылку водки, пьет, не отрываясь, из горлышка. Выпивает более трети. Ему становится жарко. Снова открывает окно. Умывается, бреется. Снова прикладывает к бутылке. Снова ходит по комнате. Услышав стук в дверь, едва не падает в обморок. Пришли секунданты. На их вопрос о его самочувствии отвечает, что все хорошо.

Мопассан описывает действия своего героя точно, детально, одним словом – натуралистически. Отмечены практически все признаки проявления страха. Известно, что некоторые писатели того времени посещали лечебные заведения, лично наблюдая за больными и консультируясь с врачами прежде, чем братья за какие-либо психологические и другие медицинские описания. Например, Г. Флобер знакомился с симптомами отравления мышьяком, описывая последние минуты жизни мадам Бовари. Сравним поведение Жоржа Дюруа с современными характеристиками панического расстройства: тахикардия, потливость, головокружение, одышка, тремор, переживание неконтролируемого страха. И еще: врач и специалист в области психосоматической медицины Дилах Чопра утверждает, что под действием страха происходит выброс адреналина, который воздействует на почки (что ведет к обезвоживанию организма), а также на сердце, которое усиленно перекачивает кровь к конечностям, подготавливая организм к бегству или проявлению агрессии. Этим и объясняются характерные внешние признаки страха: во рту пересыхает, а лицо покрывается бледностью. Таким образом, мопассановское описание совпадает с наблюдениями современных медиков.

Параллельно описанию действий героя, Мопассан приводит его мысли, выраженные большей частью несобственно-прямой речью или высказываниями вслух. Вот эти мысли.

Завтра дуэль. «Какая скотина этот тип!» Что он за человек? Какого возраста? Какого роста? С каким лицом? Не возмутительно ли, что какой-то посторонний человек, незнакомец, так вдруг нарушает вашу жизнь, без причины, из чистого каприза, по поводу старухи, которая поссорилась с мясником? «Какая скотина!» «Ладно, надо держаться!» «Неужели я боюсь?» «Боюсь ли я?» Нет, конечно, вряд ли он боится, поскольку он решил идти до

конца, поскольку у него твердое решение драться, не дрогнуть. «Можно ли бояться независимо от себя?» А если сила более могучая, чем его воля, властная, неотвратимая, возьмет над ним верх, что тогда? Да, что тогда? Конечно, он пойдет к барьеру, потому что он хотел туда идти. Но если он дрогнет? Если он потеряет сознание? И он подумал о своем положении, репутации, будущем. «Завтра в этот час я буду, может быть, мертв». «Что я буду делать? Что со мной станет?» «Надо, чтобы я был энергичным, очень энергичным». «Я сейчас напишу своим родителям, на случай несчастья» и т.д.

Из мыслей персонажа мы можем заключить, что он волновался, как и любой человек в его положении. Дюруа не бретер. Это его первая дуэль. Он не знает своего противника, который может быть и хорошим стрелком, раз он первым послал вызов. Однако Дюруа сам себе не признается, что он боится. Он думает о своей смерти, допуская ее возможность. Но он больше боится того, что подумают о нем окружающие, если он окажется не на высоте. Здесь он весьма схож с героем П. Мериме Бернаром Мержи, который также провел бессонную ночь перед своей первой дуэлью с Коменжем, известным парижским дуэлистом, на счету которого более сотни поединков. Бернара Мержи как и Жоржа Дюруа очень волновало мнение окружающих. Это волнение было также высказано в форме несобственно-прямой речи. Ср.: «...это начало серьезного заболевания, которое...прикует его к постели. Что тогда будет с его честью? Что станет о нем говорить в свете? И, особенно, что скажут г-жа де Тюржи и Коменж?» Отметим, что роман Мериме был опубликован в 1829 году, а роман Мопассана закончен в 1885 г.

Рассмотрим наконец, как оценивает ситуацию сам автор «Милого друга». Вот авторские высказывания, которые характеризуют душевное состояние Дюруа:

- ...он был слишком взволнован (*troublé*), чтобы думать о чем-либо;
- Одна мысль наполняла его рассудок – Завтра дуэль, - и эта мысль не пробуждала в нем ничего, кроме какого-то непонятного и мощного чувства (*une émotion confuse et puissante*);
- Гнев пробуждался в нем к этому кусочку бумаги, гнев злобный, куда примешивалось какое-то странное тягостное чувство (*un étrange sentiment de malaise*);
- он начал чувствовать себя очень нервно (*fort nerveux*);
- его охватило беспокойство: «Неужели я боюсь?» (*...une inquiétude le saisit : «Aurais-je peur?»*)
- и его охватил приступ страшного отчаяния (*une crise de désespoir épouvantable*).

Автор нигде не употребляет слово *la peur* (его высказывает Дюруа в форме вопроса), используя гораздо менее экспрессивные синонимы типа *le sentiment* или *l'émotion*. Если первые сближают Мопассана со Стендалем и Мериме, в противовес романтикам с их максимализмом или по линии уменьшения экспрессивности, а не ее увеличения, то вторые роднят его с классицистами, которые конкретности предпочитают обобщение.

В словаре *Le Petit Robert* можно найти следующие синонимы слова *peur* : *affolement, alarme, alerte, angoisse, appréhension, crainte, effroi, épouvante, frayeur, inquiétude, terreur*. К ним можно добавить еще *panique, horreur* и др. Нетрудно убедиться, что из этого списка Мопассан использует только два не самых экспрессивных слова *inquiétude* и *épouvante*.

Достаточно для сравнения привести отрывки романтической прозы, описывающие «пограничные ситуации» Вот эпизод из романа А. Дюма «*Les trois mousquetaires*», глава «*Le secret de Miledy*». Д'Артаньян увидел лилию на плече леди Винтер: «... le jeune homme savait maintenant son secret, secret terrible... Quoique le jeune homme fût brave, on le sait, il fut épouvanté de cette figure...., de ces pupilles dilatées, horriblement ...» Miledy ... se ruait sur lui avec d'horribles transports, rugissant d'une manière formidable. ... chaque coup était accompagné d'une imprécation terrible.» Другой пример: отрывок из описания боя между республиканцами и роялистами в романе В. Гюго «*Quatrevingt-treize*», глава «*Titans contre les géants*». На одной странице можно встретить: « Ce fut en effet épouvantable... » ; « Le lieu de l'attaque était horrible.... » ; « ...cet arrachement effroyable... » ; « ...ce dernier degré d'horreur... » ; « ...les silences plus hideux que le bruit... » ; « ...d'effroyables souffles des bouches... » ; « Il est affreux de s'entre-tuer... » ; « ...d'effroyables décharges tuant tout... ».

В обоих отрывках эпитеты более частотны и более экспрессивны, чем в авторской речи Мопассана, которая представляется значительно менее субъективной.

Значит ли все сказанное, что Мопассан не высказывает никакого отношения к своему герою? Он не называет его трусом. В этом нет необходимости – достаточно вспомнить действия героя и внешние проявления его состояния. Но он все-таки пошел к барьеру и выполнил все предписания секундантов, хотя был близок к обмороку. Не трусость – главный порок Дюруа. Отличительной чертой героя романа является его лицемерие: утром перед дуэлью он говорит секундантам, что он вполне спокоен, а после дуэли заявляет своей любовнице, что он хорошо поспал перед поединком.

Выше отмечалось, что стиль Мопассана достаточно пестрый. В нем можно разглядеть элементы различных литературных направлений и анало-

гии с предшествующими произведениями. Это создает необходимую предпосылку для проявления интертекстуальности, позволяющей установить связь данного текста с написанными ранее текстами. Так, показав состояние Дюруа, близкое к обмороку (когда от знакомого звука часов он подскакивает и долго не может отдышаться), Мопассан пишет: «Il se mit à raisonner en philosophe sur la possibilité de cette chose : « Aurais-je peur ? » «Философские рассуждения» полуграмотного Дюруа не могут не привлечь внимания читателя и отсылают его с другому, очень известному во Франции тексту повести Вольтера : «Candide qui tremblait comme philosophe se cacha de son mieux pendant cette boucherie héroïque». Философ, как известно, не должен ничего бояться. Однако философ Кандид дрожит. Дрожит также и «философ» Дюруа. Вольтеровская издевка над своим Кандидом перекликается с мопассановской иронией над своим Дюруа.

Подводя итог сказанному, отметим, что Мопассан вслед за Флобером широко использовал особый синтетический стиль, благодаря которому автор может, не навязывая читателю своих мыслей, заставить его прийти к этим мыслям самому. Эта синтетичность позволяет включать в авторский текст различные литературные реминисценции, благодаря которым писатель может создавать различного рода аллюзии, позволяющие правильно истолковать отношение автора и описываемому.

Список литературы

1. Эткинд Е.Г. Семинарий по французской стилистике. Часть 1. Проза. – Л.: Госучпедгиз, 1960. – 274 с.
2. Maupassant Guy de. Bel- Ami. M. :Editions en langues étrangères, 1958. – 352 p.

Д.В. Портнягин
Кафедра английской филологии

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА «ДУХОВИДЕЦ»

«Духовидец» («Der Geisterseher», 1787 – 1789) заметно отличается от остальной прозы Шиллера. Даже прямая речь персонажей далеко не так драматична, как, допустим, в жизнеописании Зонненвирта («Преступник из-за потерянной чести», 1786), она несёт на себе печать диалектических рассуждений автора. Вообще, и позиция рассказчика, и завязка, и сама манера повествования служат не для создания драматического эффекта. В начале романа

автор презентует читателю фигуру за фигурой, до тех пор, пока вокруг Принца не образуется целая группа персонажей. В «Преступнике из-за потерянной чести» дело обстояло по-другому: Христиан Вольф один находился в фокусе повествователя. Его партнёры, любимая девушка, противники, товарищи по заключению и сообщники появлялись в новелле исключительно по законам каузальности. Новыми для Шиллера-прозаика являются и используемые им в «Духовидце» приёмы индивидуализации персонажей. Внешние приметы героев преднамеренно оставлены в тени (хотя точные и запоминающиеся портретные характеристики всё же встречаются). Гораздо большее место в романе отводится **идеям**, но персонажи не привязаны к ним жёстко и ни в коем случае не являются их символами или иллюстрациями. Среда и характеры обуславливают зарождение и проявление мнений, их обмен и шлифовку. При этом Шиллер не производит и тщательной прямой прорисовки характеров – даже один из главных персонажей, Принц, в начале произведения изображён достаточно схематично. Характеры героев возникают, скорее, в воображении читателя, шаг за шагом, по мере знакомства с персонажами, их высказываниями и ситуативным поведением, через их общение с другими действующими лицами. Примерами такой косвенной характеристики служат, как минимум, несколько героев. Это одновременно высокомерный и жалкий заклинатель (Сицилианец), и исполнительный, но всё же внушающий подозрение, Бьонделло, и, наконец, таинственный Армянин.

Некоторые события описываются Шиллером крайне увлекательно. Сила воздействия сцен, подобных вызову духов (*Geisterbeschwörung*), очень велика. Степень наглядности, которую достигает в подобных описаниях автор, позволяет читателю почувствовать себя соучастником процесса. При этом Шиллеру удаётся следовать в общем русле повествования, не давая ярким событиям «скатиться» до уровня вставных эпизодов.

В целом, непрерывность хода повествования, единство перспективы и избранной манеры презентации выражены полнее, чем в «Преступнике...». Это недвусмысленно свидетельствует о том, что Шиллер от произведения к произведению рос как автор художественной прозы, и кто знает, какие ещё высоты были бы им достигнуты, не остановись он на «Духовидце».

Очевидная разница между «спешащим» вперёд изложением следующих цепочкой друг за другом событий графом фон О*** в первой книге и письмами барона фон Ф*** во второй не означает смены стратегии повествования. Оба рассказчика – дворяне, принадлежащие к «ближнему кругу» Прин-

ца, оба одинаково озабочены происходящими со своим царственным другом приключениями. Впрочем, это разделение фрагмента на двух рассказчиков (не считая вставного <Рассказа сицилианца>) не столь существенно. Гораздо важнее тот факт, что Шиллер, по контрасту с «Преступником из-за потерянной чести», полностью выносит себя за скобки повествования.

Обнаруживаемое уже при поверхностном рассмотрении единство замысла и его воплощения не согласуется с общими весьма пренебрежительными отзывами Шиллера о своём романе. Представляется, что план Шиллера был разработан более или менее детально лишь относительно начала произведения (что составило первую книгу планировавшегося романа), затем писатель руководствовался соображениями экономической выгоды и своим долгом перед заинтригованными читателями, попутно упражняя перо, что отнюдь не снижает художественный и философский уровень второй книги, а лишь говорит о том, сколько душевных сил потребовалось Шиллеру для поддержания личного интереса к своему (всё же оставшемуся незавершённым) детищу:

«... над продолжением «Духовидца» мне пришлось больше поломать голову, чем над началом; нелегко было внести план в произведение, его лишённое, и тем снова связать множество разорванных нитей» [Шиллер 1936–1950, с. 226]. – [речь идёт о второй половине первой книги. – Д.П.]

«... Если бы «Духовидец» сам по себе до сих пор интересовал меня как целое, или, вернее, если бы мне не пришлось отправлять его по частям раньше, чем успел созреть во мне этот интерес к целому, то наш разговор, конечно, был бы дольше подчинён этому целому. Но так как этого не случилось, то что же я мог ещё сделать, как не сосредоточить силы своего сердца и ума на подробностях, и чего ещё при таких обстоятельствах может требовать от меня читатель, кроме того, чтобы я занял его интересной темой, изложенной не без мыслей?» [Там же, с. 283].

Поддержание целостности и связности повествования заняло у Шиллера много сил ещё и потому, что роман печатался отдельными фрагментами в «Талии» («Thalia»).

Следует признать, что, несмотря на то, что автор работал над своим фрагментом, по словам Готфрида Кёрнера (Körner, 1756 – 1831) «nicht con amore» [Цит. по: Schiller, 1954–..., S. 416], с задачей повествователя он справился успешно. В целом, композиция «Духовидца» (особенно первой книги) настолько примечательна, что заслуживает более подробного рассмотрения.

После краткого, обусловленного лишь законами целесообразности, вступления, повествование стремительно продвигается вперёд. Впрочем, уже на этом этапе читателю встречается эпизод, способный привлечь его внимание более чем обычно: загадочное пророчество Армянина. Шаг за шагом перед мысленным взором читателя разыгрываются сцены карточной ссоры в кофейной, ночной казни венецианца, прогулки по Бренте и др. Некоторые из описываемых событий, такие, как странное приветствие балерины на ярмарке и поразительный выигрыш в лотерею, явно призваны поколебать здравомыслие Принца, убедить его в невозможности противостоять магическим силам, и небезуспешно:

«... Что же это такое? – спросил меня принц, когда мы ненадолго остались одни. – Меня преследуют какие-то высшие силы. Всеведущий парит надо мной. Какое-то незримое существо, от которого я не могу уйти, следит за каждым моим шагом» [Шиллер 1955–1957, с.544].

Тотчас, как чёрт из табакерки, на сцене появляется Сицилианец со своим вызовом помериться силой с духами. Сцена заклания духов – кульминационная по многим показателям. Оглядываясь назад, читатель может убедиться, насколько искусно аранжировал Шиллер предшествующие эпизоды, подводя публику к этому событию. Думается, что если бы современники Шиллера были знакомы с кинематографическим термином «suspense», то его бы признали мастером данного приёма. Одновременно, сцена заклания – самая «готическая» у Шиллера. Таинственная мистификация здесь принимает характер почти магической реальности в устрашающем антураже. Но, – и здесь Шиллер остаётся верен самому себе, – незамедлительно русский офицер разоблачает «волшебные» чары. И это ещё не всё, – события принимают оттенок фарса, так как мнимый русский в мгновение ока оказывается вездесущим Армянином. Завершающая эпизод суматошная «полицейская» сцена весьма продуманна: парадоксальным образом она наконец-то позволяет читателю перевести дух и собраться с мыслями. Однако эта же самая сцена ещё более усиливает впечатление о безграничном могуществе Армянина: начальник стражи почтительно повинуетя ему, да и само появление сыщиков прямо или косвенно служит прикрытием для очередного загадочного исчезновения.

В очередной раз следует отметить напряжённость повествования, способную поспорить с таковой и в современных «страшных» историях, и в теперешних «фильмах ужасов». Можно лишь догадываться о том, какой эффект производил на читающую публику 18 века такой достойный автора «Разбойников» («Die Räuber», изд. 1781, пост. 1782) натиск. То, что стара-

ния писателя в данном случае в немалой степени лежали во всегда интриговавших человечество сферах авантюрного и оккультного, пусть и в разоблачительных целях, лишь усиливало ошеломляющее впечатление от романа. Некоторые фрагменты переписки Шиллера позволяют оценить популярность «Духовидца»: Принц Кобургский настоятельно просит Шиллера отослать ему рукопись «Духовидца» до печати, [См.: Шиллер 1936–1950, с. 142], Гердер (Herder, 1744—1803) с удовольствием беседует о «Духовидце» с его автором [См.: Указ. соч., с.162], а сам Шиллер с радостью сообщает другу о журнале, в котором печатался роман:

«... «Талия» снова привлекает к себе здесь невероятное внимание. Её можно увидеть в любом доме, и мне говорят о ней изумительно приятные вещи. Достоверно одно: что это пристрастие публики я обращу себе на пользу и извлеку из него столько денег, сколько будет возможно». [Там же , с.226].

Лишь склонного к снобизму читателя могут отпугнуть соперничающие с самыми смелыми фантазиями Э.Т.А. Гофмана (Hoffmann, 1776—1822) страницы Шиллерова «Духовидца», посвящённые обряду заклęcia духов. Роман Шиллера отличают, как минимум, два момента: искусство создания новых ситуаций и способность автора удерживать читательское внимание на большом отрезке текста.

После сцены заклęcia Шиллер резко меняет вектор повествования. Ретроспективно «воскрешая» «волшебные» эпизоды во время беседы Принца с заключённым под свинцовую крышу венецианской тюрьмы Сицилианцем, автор заставляет последнего выступать в новой ипостаси – разоблачителя. Подобно ореховым скорлупкам, отпадают казавшиеся сверхъестественными явления, обнажая ядро вполне реальных махинаций. Однако то, что кажется триумфом трезвого ума и возобладавшей нравственности, на поверку оказывается очередным заманиванием в сети как Принца, так и читателя: «снятие покрова» с хитроумных уловок в устах Сицилианца незаметно перетекает во вставную новеллу о братоубийстве, в конце которой Армянин предстаёт в своём новом образе. Рассказ Сицилианца ещё более сгущает тьму вокруг таинственной фигуры Армянина. Однако самый неожиданный поворот ожидает читателя к финалу беседы в тюремной камере в виде результата, который произвёл на Принца состоявшийся разговор. Хотя граф фон О** и говорит Принцу, что *«... после того, что нам сейчас рассказали об этом армянине, ваша вера в его чудодейственную силу могла бы скорее возрасти, но никак не поколебаться»* [Шиллер 1955–1957, с. 579], признания Сицилианца

и, в особенности, его увлекательный рассказ, встречают отпор в виде тотального скептицизма Принца по отношению к обманщику.

Собственно, оставшееся непоколебимым недоверие Принца к шарлатану проскальзывало в виде его коротких ироничных ремарок и ранее, на фоне общего разоблачения «чудес». Одним словом, старания Сицилианца убедить особу королевской крови в сверхъестественной природе Армянина не увенчались успехом. Чем мотивируется подобная резкая смена в настроениях Принца, который одно время *«... дал себя настолько увлечь, что счёл ... обман за нечто другое»?* [Там же]. Дело в том, что, по верному замечанию Принца, *«... люди этого толка [подобные Сицилианцу. – Д.П.] вообще имеют склонность не в меру усердствовать в таких поручениях и неизбежно пересаливают там, где сдержанная, умеренная ложь отлично достигла бы цели»* [Там же, с. 586]. Различные «неувязки» в рассказах Сицилианца, направленные на укрепление веры в непостижимость природы могущества Армянина, дают обратный эффект. А ведь ещё буквально несколько страниц назад Принц с жаром доказывал англичанину:

«... Этот человек [Армянин. – Д.П.] может стать, кем захочет и как то потребуются в данную минуту. Кто же он на самом деле, этого не знает ещё ни один смертный. Разве вы не видели, что сицилианец упал, словно подкошенный, когда тот крикнул ему в упор: «Больше ты не будешь вызывать духов!» За этим кроется многое. И никто не убедит меня, что так можно испугаться обыкновенного человека» [Там же, с. 557].

На первый взгляд, кажется, что уход Принца от подобных взглядов означает его моральную победу. Сам Принц говорит, что *«... если бы только ... армянин, начав с предсказания, им же и закончил свою роль, то, должен признаться, я не знаю, куда бы это могло меня завести»* [Там же, с. 588]. Так как Армянин этого не сделал, а, судя по всему, организовал целую цепочку из кажущихся необъяснимыми явлений, то цели своей (возбудить в Принце веру в потустороннее и в сверхъестественные чудеса) он не достиг.

Этому поспособствовало и то, что главную роль в своём искусном замысле Армянин отвёл Сицилианцу, который, *«как дешёвый ярмарочный зазывала, стал трезвонить о его славе и своим грубым исполнением лишь испортил своему хозяину всю игру»*. Однако неистощимая фантазия Шиллера обращает эту маленькую победу Принца в **мнимую** победу, преподнося её лишь в качестве очередного этапа в утончённом плане Армянина по затягиванию Принца в свою паутину.

В чём композиционное значение беседы Принца с графом? Во-первых, похожий элемент автор использовал в четвёртом письме **второй** книги в виде

<Философской беседы>. Во-вторых, в разговоре с графом Принц мимоходом делает пророческую догадку, которая, однако, не спасёт его судьбу, ибо высказывается им по отношению к уже прошедшим событиям. Принц не мог знать, что ещё большие испытания, хотя и с использованием той же самой схемы, ждут его впереди. Иначе говоря, открыв один ларец, он не ожидает, что в нём есть ещё один, в нём – следующий и так далее. Тем не менее, устами Принца, Шиллер, по сути, предсказывает развитие событий во второй книге:

«... мнимое ... торжество над обманом и мошенничеством пробудит во мне доверие и успокоит меня и ... ему [Армянину. – Д.П.] удастся отвлечь мою бдительность в совершенно противоположную сторону, направить ещё неясные и неопределённые подозрения на опасность, которая находится как можно дальше от истинного места нападения» [Там же, с. 585].

Эта реплика, как и многие другие намёки, в финальном разговоре сообщает концу первой книги характер трагической иронии. Каждый намёк **в конце первой книги** происходит из мрачно-авантюрного **начала романа** и воплощается в событиях **второй книги**. Этим фактом и измеряется композиционная законченность первой книги «Духовидца».

Следует признать, что Шиллер на страницах своего фрагмента проделал большую работу, заставляя множество разрозненных эпизодов работать на основной замысел. Замечательно ещё и количество, и разнообразие завязок действия, которые подготовил автор для того, чтобы они получили развитие во второй книге.

Вторая книга мало касается оккультных мистификаций. То, что начиналось так необычно и «сверхъестественно», закончилось весьма приземлённой игрой на человеческих слабостях: мотовство и душевный разлад быстро приводят Принца в положение отчаявшегося должника. Бедственное положение усугубляет ссора со своим двором, откуда к Принцу поступали денежные средства. Чувство зависимости от своих кредиторов распаляет жажду неограниченного господства и желание самому занять трон. Благородный поступок Принца на улицах Венеции ведёт к знакомству с Чивителлой и его дядей – кардиналом. Восхищение Принца изображением Мадонны флорентийского художника оборачивается «случайным» знакомством с Гречанкой – оригиналом нарисованной красавицы: сюжетный ход, вызывающий в памяти начало «Эмилии Галотти» («Emilia Galotti», 1772) Лессинга (Lessing, 1729 – 1781). Упомянутые в дальнейшем события – смерть Гречанки и вызванное, предположительно, дуэлью с Принцем ранение Чивителлы – каждый из пытавшихся дописать роман трактовал уже по-своему.

Но, в любом случае, авторы вынуждены были уделять большое внимание трём главным фигурам – Армянину, Гречанке и Принцу, образы которых во многом определили композицию «Духовидца».

Список литературы

1. ШИЛЛЕР Ф. Собр. соч.: В 8 т. /Под общ. ред. Ф.П. Шиллера/. – М.-Л.: Academia – ГИХЛ, 1936-1950. – Т. 8.
2. ШИЛЛЕР Ф. Собр. соч.: В 7 т. /Под общ. ред. Н.Н. Вильмонта и Р.М. Самарина/. – М.: ГИХЛ, 1955-57. – Т.3.
3. SCHILLER F. Werke. Nationalausgabe. Begr. v. J. Petersen. Hrsg. Im Auftrag der Nationalen Forschungs – u. Gedänkstätten in Weimar (Goethe – u. Schiller-Archiv) u. Des Schiller-Nationalmuseums in Marbach v. L. Blumenthal u. B. v. Wiese. – Bd. 16: Erzählungen. Hrsg. v. Н.Н. Borchardt. – Weimar: H. Böhlau Nachfolger, 1954.

И.А. Растегаева, Д.Г. Хусаинова
Кафедра французской филологии

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОМАТИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ «BRAS», «MAIN», «PIED», «TÊTE» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Соматизмы, к которым относятся французские слова «bras» - рука, «main» - кисть руки, «pied» - ступня ноги, «tête» - голова, являются одними из самых употребительных соматических компонентов, входящих в состав процессуальных фразеологических единиц (ПФЕ). Они относятся к числу соматических компонентов с высокой и средней фразообразовательной активностью. Так, нами было обнаружено 146 ПФЕ с компонентом «main», 143 ПФЕ с компонентом «tête», 68 ПФЕ с компонентом «bras» и 55 ПФЕ с компонентом «pied».

По нашему мнению, высокая и средняя фразообразовательная активность данных компонентов связана в первую очередь с тем, что они обозначают те части тела, которые являются наиболее задействованными в жизнедеятельности человека, в действиях, которые ему приходится совершать. Естественно, что большую часть действий человек совершает при помощи рук и кистей рук, что напрямую отображается в речи, а значит, и во фразеологии. Этим объясняется, например, такое большое количество ПФЕ с компонентом

«main». Оно превосходит даже количество найденных ПФЕ с компонентом «tête»: 146 и 143 соответственно.

Французские слова «bras», «main», «pied» и «tête» полисемичные, обладают достаточно большим количеством значений, как прямых, так и переносных. Во фразеологических единствах одни компоненты могут полностью терять семантическую близость со словом, в его свободном употреблении, другие частично сохраняют эту близость, третьи вовсе не несут семантических потерь. Данная особенность компонента, а также полисемичность слов-компонентов послужили основанием для исследования количества ПФЕ, в которых компоненты сохраняют свою семантическую близость со словом свободного употребления.

Рассмотрим, как обстоит дело с вышеупомянутыми соматизмами «bras», «main», «pied», «tête».

В словарях представлены 15 значений слова «bras». В 68 ПФЕ с этим компонентом только 16 (23%) содержат компоненты, которые частично или полностью сохраняют семантическую близость со свободным значением слова.

Например: *baisser les bras* (во 2-м значении) - опустить руки;
donner le bras à qn - идти под руку с кем-то.

Остальные 77 % ПФЕ полностью теряют семантическую близость со словом свободного употребления: *tendre les bras à qn* - оказать помощь; простить, *faire les beaux bras* – принимать снисходительный и важный вид.

Мы выявили 20 значений слова «main». Из вышеперечисленных значений в 65 ПФЕ (44%) из 146 компонент «main» сохранил своё прямое или косвенное значение свободного слова.

Например: *mourir les armes à la main* - умереть с оружием в руках;
changer de main – переложить в другую руку;
lâcher la main – натянуть поводья.

Компоненты оставшейся части ПФЕ являются полностью семантически преобразованными: *craquer dans la main* – нарушить данное кому-либо слово, *donner la bonne main à an* – давать на чай, *laver la main* – присягать, клясться.

В отношении слова «pied» было выявлено 14 значений. Из всех выявленных ПФЕ с этим компонентом лишь 12 ПФЕ (22%) имеют полную или частичную близость компонента со свободным значением слова.

Например: *mettre un pied avant l'autre* – с трудом передвигать ноги;
fouler aux pieds – топтать, попирать ногами.

В оставшихся ПФЕ компонент также теряет семантическую близость со словом свободного употребления.

Например: *avoir les pieds plats* – *быть лентяем*;
jouer les pieds dans l'eau – *продолжить игру, невзирая ни на что*;
s'occuper de ses pieds – *не лезть не в свое дело*.

Слово «tête» в различных словарях имеет 16 значений. Из 143 ПФЕ лишь 38 (27%) сохраняют семантическую близость со свободным значением этого слова.

Например: *n'a plus de sa tête* – *выжить из ума*;
donner de la tête contre – *удариться головой*.

Реализуются же всего 6 значений из 16. 73% ПФЕ теряют какую-либо семантическую близость со словом свободного употребления.

Например: *en avoir par-dessus la tête* – *быть сытым по горло*;
casser la tête – *надоедать кому-либо*.

В таблице представлены сводные данные о количестве ПФЕ с каждым из соматических компонентов, его фразообразовательная активность, количество свободных значений данного слова и значений, реализуемых в ПФЕ, а также количество ФПЕ, компоненты которых сохранили свою полную или частичную близость со свободными значениями слова.

Таблица

соматический компонент	общее количество ПФЕ	фразообразовательная активность (в % соотношении с общим количеством ПФЕ 411)	количество свободных значений компонента	количество значений, реализуемых в ПФЕ	количество ПФЕ, сохранивших семантическую близость со свободными значениями.
bras	68	17 % (средняя)	15	3	16 (23%)
main	146	36 % (высокая)	20	8	65 (44 %)
tête	143	35 % (высокая)	15	6	38 (27 %)
pied	55	13 % (средняя)	14	2	12 (22 %)

Таким образом, мы видим, что соматический компонент «main», обладающий самой высокой фразообразовательной активностью (146 ПФЕ), также имеет самое большое количество свободных значений (20), 8 из которых реализуются частично или полностью в ПФЕ. Такие результаты позволяют сделать вывод, что полисемичность французских слов, а следовательно, их возможность образовывать большое количество как свободных, так и связанных словосочетаний напрямую связана с их фразообразовательной активностью в ПФЕ, а количество ПФЕ, сохранивших полную или частичную близость со свободными значениями слова, связано с количеством свободных значений (прямых или переносных), реализуемых в ПФЕ.

Следуя классификации процессуальных фразеологизмов, которую предлагает В.А. Лебединская, мы разделили все фразеологизмы с семантическими компонентами «bras», «main», «pied» и «tête» на следующие субкатегории:

1. Субкатегория деятельности (196 ФЕ).
2. Субкатегория состояния (120 ФЕ).
3. Субкатегория отношения (95 ФЕ).

Наиболее продуктивными во французском языке являются процессуальные ФЕ субкатегории деятельности: 196 ПФЕ из 411 (47 %).

Среди процессуальных ФЕ данной субкатегории лидирующее место занимает группа ПФЕ, обозначающих социальную деятельность – 75 ПФЕ (18%).

Например: *se mettre à la tête* – возглавить что-либо;

faire sa main à qn – извлечь выгоду, поживиться.

Второе место занимают ПФЕ, выражающие поступки, поведение - 45 ПФЕ (11%).

Например: *s'offrir la tête de* - издеваться, насмехаться;

ne savoir sur quel pied danser – не знать, как себя вести.

Далее следуют группы ПФЕ, выражающие коммуникативно-речевую деятельность – 24 ПФЕ (6%), перемещение – 23 ПФЕ (5%), игровую деятельность – 11 ПФЕ (3%), военную и мыслительную деятельность – по 9 ПФЕ (2%).

На втором месте по продуктивности находится субкатегория состояния. В субкатегории состояния было выявлено 120 ПФЕ (29%) из 411. К первой, самой многочисленной группе, относятся ПФЕ, обозначающие нахождение субъекта в том или ином состоянии (психическом, физическом). В данной группе мы насчитали 85 ПФЕ (21 %).

Например: *en avoir par-dessus la tête* – быть сытым по горло;

faire un tête – быть крайне раздраженным.

Вторую по численности группу составляют ПФЕ, обозначающие состояние как постоянную характеристику, свойство, качество субъекта – 24 ПФЕ (26%).

Например: *porter haut la tête* – быть гордым;

sur un grand pied – жить на широкую ногу.

В последнюю семантическую группу данной субкатегории входят ПФЕ, обозначающие начальную, конечную фазу состояния – 11 ПФЕ (3%).

Например: *perdre la tête* – становиться сумасшедшим.

Наиболее слабо представлены группы «военная деятельность» и «мыслительная деятельность» в субкатегории деятельности – по 9 ПФЕ (2%), «на-

чальная или конечная фаза состояния» в субкатегории состояния – 11 ПФЕ (3%) и «отношения между субъектом – предметом и другими предметами или субъектами» в субкатегории отношения – 4 ПФЕ (1%).

В субкатегорию отношения мы включили 95 ПФЕ из 411(23%). Эта субкатегория оказалась представлена двумя группами. Первая, с подавляющим количеством ПФЕ, представляет отношения между субъектом – лицом и другими лицами - 91 ПФЕ (22%).

Например: *avoir la main dessus (sur qn, qch)* – властвовать над кем-либо, чем-либо;
fourer qch dans la tête – морочить кому-либо голову.

Вторая, достаточно малочисленная группа данной субкатегории, представляет отношения между субъектом-предметом и другими предметами, лицами – 4 ПФЕ (1%).

Например: *donner dans la tête* – ударять в голову.

Таким образом, опираясь на результаты проведенного анализа, мы можем отметить, что среди всех групп трех субкатегорий доминирующими являются:

- 1) в субкатегории деятельности - «социальная деятельность» - 75 ПФЕ;
- 2) в субкатегории состояния - «состояние как постоянная характеристика субъекта» - 85 ПФЕ;
- 3) в субкатегории отношения - «отношения между субъектом-лицом и другими лицами» - 91 ПФЕ.

Следует также отметить, что в субкатегории состояния не было выявлено ни одной ПФЕ с соматизмами «bras», «main», «pied», «tête», которое бы выражало каузируемое состояние.

Список литературы

1. Новый большой французско-русский фразеологический словарь/ Под ред. В.Г. Гака. – М.: Рус.яз.; М.: Медиа, 2005. – 1625 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус.яз., 1987. – 797 с.
3. Фразеологический словарь русского языка/ Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус.яз., 1978. – 543с.
4. Лебединская В.Н. Избранное/ В.А. Лебединская. – Курган, 2007. – С. 61-71.
5. Лебединская В.А. Семантика процессуальных фразеологизмов / В.А. Лебединская, Н.Б. Усачева. – Курган, 1999. – 186 с.
6. Dictionnaire d'expression et locution figée / sous la réd. d'Henri Mitterand, Alain Rey. – Paris : Le Robert, 1987. – 951 p.
7. Petit Larousse / sous la réd. de Bruno Durand et d'autres. – Paris : Bordas, 1997. – 1872 p.

**СЛОВНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ В СБОРНИКЕ
РАССКАЗОВ МИХАИЛА ВЕЛЛЕРА
«ЛЕГЕНДЫ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА»**

Е.Ф. Петрищева оценочную лексику относит к категории слов, сообщающих об отношении говорящего к предмету речи, и делит ее на две группы – рассудочно-оценочную и эмоционально-оценочную. «Информация об эмоциональном отношении к предмету речи может наслаиваться на рассудочную оценочность, но слово может содержать и только какой-то один из этих видов оценки» [Петрищева 1984: 144]. Рассудочно-оценочной лексикой Е.Ф. Петрищева считает слова, содержащие в себе характеристики обозначаемых предметов не только с точки зрения их достоинств, но и с точки зрения их важности, значимости, желательности/нежелательности, предосудительности, нужности/ненужности, полезности/вредности.

В словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой в статьях «оценка» и «оценить» зафиксированы следующие смыслы, составляющие основу общей оценки: оценка – мнение, суждение о качестве, достоинствах, значении и т.п. кого-, чего-либо; оценить – составить представление, суждение о ком-, чем-либо, определить значение, характер, роль и т.п. кого-, чего-либо; понять, признать достоинства, положительные качества, ценность и т.п. кого-, чего-либо [МАС 1986: 730].

Никакой другой понятийный смысл не находит в языке столько средств выражения, такого множества трактовок, как оценка. «Оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [Арутюнова 1984: 5].

Один из аспектов выражения оценки окружающей действительности воплощается в художественном произведении. Ценности как идеальные сущности недоступны непосредственному восприятию, однако попытка описания системы ценностей возможна благодаря тому, что мы умеем пользоваться языком, что корпус словаря нашего языка включает слова, за которыми стоят значения, содержащие элементы идеи ценности.

Рассмотрим оценочные именованя в сборнике рассказов Михаила Иосифовича Веллера «Легенды Невского проспекта». Нередко, чтобы более точно выразить оценочный смысл, Веллер прибегает к словосложению. «Образованное способом словосложения слово по лексическому значению не является суммой слагаемых компонентов (иначе не было бы необходимости в его образовании, а для выражения суммарного значения использовались бы сочетания слов с соединительными союзами), но даже если какое-то сложносоставное слово в своем значении и содержит суммарность значений составляющих компонентов, то значение деривата не равняется только сумме этих значений – оно обязательно содержит какую-то дополнительную сему, благодаря которой возникает самостоятельное лексическое значение сложносоставного слова» [Кочеткова 2005: 42].

*Как именно Марина поступила на филфак - история умалчивает. Экзамены, говорят, - это лотерея; почему ж обязательно лотерея, есть и другие игры, менее известные и более азартные и прибыльные. Мало ли срезалось при поступлении **светил-медалистов**, и мало ли поступило удивительных **серых дятлов**, причем, что еще удивительнее - **дятлов** без связей. Экзамены-то у них принимали в основном такие же **дятлы**, испытывавшие, вероятно, родственные симпатии к собратьям по интеллектуальному увечью* (Веллер. Легенды неевского проспекта, с. 74).

Действительно, медалист для школы – настоящая знаменитость, прославившая не только себя, но и *alma mater*. В качестве интенсификатора оценочного значения лексемы «медалист» (лучший ученик) Веллер использует слово «светило»: светило – человек, прославившийся в какой-либо сфере деятельности; знаменитость [БАС 2007: 1158]. Жизненный опыт, речевая практика говорит нам, что «светило» на шкале оценок должно занимать место в зоне общего оценочного смысла «очень хорошо». Однако словарь эту коннотацию закрепляет только за просторечным значением слова «знаменитый», причем относительно неодушевленных предметов: знаменитый – 1. Пользующийся широкой известностью, прославленный. *Знаменитый артист*. 2. *Прост.* Замечательный, превосходный. – *Малина, брат, ягода знаменитая. (Ляшко. Минучая смерть)* [МАС 1985: 616]. Зато корень слова позволяет нам соотнести его с чем-то приятным, полезным, желательным, ценным, выразить наши представления о хорошем: свет – 7. То, что делает ясным, понятным мир, то, что делает радостной, счастливой жизнь || Употребляется как символ истины, разума, просвещения или радости, счастья [МАС 1988: 45]. Неслучайно Веллер, противопоставляя медалистов «дятлам», использует интенсификатор «серый» (серый – *перен. Разг.* Необразо-

ванный, малокультурный [МАС 1988: 83]). Метафора «дятел» – жаргонное слово, эмоционально-оценочное, как большинство жаргонных слов, имеет отрицательную коннотацию: дятел – б. *Мол., угол. Пренебр.* Глупый, несообразительный, слабоумный человек [БСЖ 2000: 176]. Иронический настрой автора подчеркивается повтором метафоры и индивидуально-авторским сверхсловным образованием отрицательного характера – «собратья по интеллектуальному увечью», которое является контекстуальным синонимом слова «дятлы».

Отношение Веллера к советским реалиям выражено через оценочные именованья, называющие эти реалии: врачи-убийцы, стукач, гэбешник, лимитчик, тунеядка, валютчица, фирмач и т.п.

*Это неверно, когда думают, что евреям так уж всю историю и не везет. Потому что смерть Сталина в марте 53 была замечательным везением, вопрос о переселении отпал, **врачи-убийцы** как бы вместе со всей нацией были реабилитированы, и по утрам соседи на кухне стали здороваться и даже общаться со всяким мелким коммунальным сотрудничеством. И Фима благополучно получил диплом, и был распределен на завод с окладом восемьсот рублей* (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 11).

Этот пример интересен тем, что отрицательное именование «теряет знак оценки» благодаря контексту, в котором объясняется, почему в истории страны был период, когда слово «врач» воспринималось как отрицательно окрашенное. Ключом к пониманию являются лексемы «евреи», «Сталин», «реабилитированы». Суть семантического взаимодействия компонентов в данном сложносоставном существительном в том, что происходит сложение компонента с прямым значением и компонента с метафоричным значением. Компонент с прямым значением формирует семантическое ядро сложносоставного слова всем комплексом своих сем, метафоричный компонент актуализирует периферийные семы, которые, вступая в связь с семантической структурой второго компонента, участвуют в формировании оценочной семантики сложносоставного слова.

«Лицом» достаточно долгого периода жизни советского народа был стукач. Это оценочное именование всегда и всеми воспринималось как отрицательное, в том числе стукачами: ни один доносчик сам себя так не назовет, сознавая выраженное в слове презрительное отношение к объекту номинации. Веллер в «Легендах» описывает стукачей, задачей которых было отслеживать связи советских людей с иностранцами и доносить о «неблагонадежных» гражданах. После оттепели 60-х это стало особенно актуально для власти: строителям коммунизма узнали кое-что о другой жизни, которая по-

казалась им очень похожей на коммунизм, но почему-то советской пропагандой называлась загнивающим капитализмом, «ползучим империализмом». Оценочные стереотипы менялись, а ориентиров не было. Первое, что могло оказаться доступным из той «импортной» жизни, это качественные вещи, например, одежда. А те, кто сообразил, как ее добыть и заработать на этом, получили «имя» – фарцовщики.

*В течение месяца, методично и крайне осмотрительно, избегая оперов, дружинников, а главное - страшное КГБ, подозревая **стукача** в каждом и тщательно выстраивая каждый вечер несокрушимую версию абсолютной своей невиновности в случае если чего, не появляясь дважды в одном и том же месте, прощупывал и познавал он все ходы* (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 23).

*При каждой гостинице, в каждом интуристовском кабаке, сидели **гэбэшники**: по штату надзирали за контактами иностранцев с **совками**. Они бесплатно пили и бесплатно закусывали. **Фарцовщики** дарили им джинсы и часы «Сейко», бармены снабжали американскими сигаретами, а **проститутки** делились деньгами. Хорошо быть **стукачом*** (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 87).

Особый смысл в советское время имело слово «тунеядец». Словарное значение – тот, кто живёт за счёт чужого труда, на чужой счёт; бездельник, дармоед [БАС 2007: 1352]. Например, к бездельникам и дармоедам относили людей творческих профессий: подозрительным казалось, что человек не ходит каждый день на службу, официально нигде не работает – следовательно, живет за чужой счет, тунеядец, социально чуждый элемент, в общем, как выразился Веллер, «интеллигентик».

*Ночь Марина провела в размышлениях и мечтах, и глаза ее разгорались, а утром устроилась воспитательницей в детский сад. Теперь она не была **тунеядкой**, а была **педагогом** по младшему возрасту, самому ответственному* (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 60).

Вот таким противопоставлением (тунеядец – педагог) писатель выражает оценку советского гражданина к неработающим товарищам: слово «педагог» в контексте приобретает положительную коннотацию, на его месте могло быть любое другое название лица по профессии («все работы хороши, выбирай на вкус»). Хотя, возможно, Веллер хотел подчеркнуть свою негативную оценку «официальной нравственности», которая навязывалась обществу. Как сказал когда-то Л.Н. Толстой, всё воспитание в примере нашей жизни, которой всегда подражает ребёнок. Если педагог говорит не то, что думает, жи-

вет не так, как велит жить ученикам, то в конце концов он воспитает таких же лицемерных, неискренних и безнравственных граждан, как он сам.

Зона отрицательной оценки, представленная в «Легендах Невского проспекта» посредством словных единиц, касается как главного героя произведения Фимы Бляйшица, так и других персонажей.

Интересным нам показалось использование Веллером в качестве оценочных именованных слов, не имеющих коннотативного значения.

Совершенно сбитый с толку англичанин помогал Марине перевозить мебель и втискивать ее в тринадцатиметровую комнату, пытаясь постичь, что такое «соседи», когда эти «соседи» готовят и обедают в твоей кухне, гадят в твой унитаз и моются в твоей ванной, а тебе мешают спать своей музыкой (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 69)

Сосед – 1. Тот, кто живёт вблизи, рядом с кем-л. 2. Тот, кто занимает ближайшее к кому-л. место. 3. Государство, местность, граничащие с другим государством, местностью; население их [БАС 2007: 1239]. Контекстуальное оценочное значение слова на шкале оценок обозначено как «очень плохо» и находится в зоне периферии. Интенсивность отрицательной оценки создается притяжательными местоимениями «твой», коррелирующим в сознании говорящего с «мой», «свой», коррелирующим с «чужой», и оценочными глаголами «гадят», «мешают». В том значении, в каком глагол «гадить» употреблен в тексте, он не является оценочным: гадить – *разг.* Испражняться (о животных, птицах) [МАС 1985: 296]. Однако когда этот буквальный смысл связывают с людьми, глагол соотносится с просторечным значением «делать пакости, скрытно вредить; пачкать, марать» и значением существительного «гадость» (делать гадости) – *разг.* То, что вызывает гадливое чувство; нечто мерзкое, отвратительное || Низкий, отвратительный поступок [Там же]. Англичанин («совершенно сбитый с толку») пытался понять то, что пробовали объяснить советским людям так называемые диссиденты: неправильно, несправедливо, если, хорошо работая, советский человек не может заработать себе на достойную жизнь, а заработав (= имея деньги), не может купить себе свободно жилье и т.п. Соседи бывают и у англичан, но живут они хоть и рядом, но в своем доме, в своей квартире. Советские коммуналки середины прошлого века – это, как правило, четыре-пять хозяек на одной кухне и десять-пятнадцать человек на один туалет. Такие условия даже добрые, терпимые люди не могут положительно оценить, трудно не согласиться с автором и его героем.

В некоторых контекстах положительно окрашенная лексика (в представлении советского человека) используется в ироническом значении, что создает антифразу.

*В результате седьмого ноября шестьдесят седьмого года он с удовольствием прошел в замыкающей колонне демонстрантов по Красной площади, помахав сменившимся за три с половиной года его отсидки **вождям** на трибуне Мавзолея, патриотично выкрикнув: «Слава **труженикам** советской торговли!» и громко поддержал не менее патриотический призыв «Да здравствуют славные советские **чекисты!**» (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 41).*

Советская пропагандистская машина хорошо постаралась, чтобы внушить гражданам страны мысль о непогрешимости и самоотверженности вождей, героизировала работников ГПУ, НКВД, КГБ. Благодаря иронии автора мы понимаем, что ни три с половиной года отсидки, ни «славные советские чекисты», ни тем более руководители коммунистической партии не заставят веллеровского Фиму Бляйшица отказаться от «несоветских» взглядов на жизнь и не сделают его «тружеником советской торговли». Понимаем также, что автор – Михаил Веллер – разделяет позицию своего героя. Названные лексемы вне конкретного исторического времени не содержат оценочного значения (либо положительной оценки), даже слово «труженик»: 1. Тот, кто умеет много и усердно трудиться. 2. *чего или с опр.* Работник какой-либо области, сферы труда. 4. Тот, кто много, упорно работает в какой-либо сфере деятельности, пытаюсь заменить усердием талант, способности [БАС 2007: 1349]. Трудиться «много и усердно» надо не уметь, а хотеть, вероятно, поэтому в настоящее время не всеми это слово воспринимается как положительно окрашенное, в значениях слова нет прямого указания на положительную коннотацию. Более того, четвертое значение, отражающее опыт употребления слова носителями русского языка, указывает скорее на отрицательную оценку (ср.: талант – 1. Выдающиеся природные способности, высокая степень одаренности. 2. Человек с выдающимися способностями, дарованием [МАС 1988: 336]). Ирония Веллера, по нашему мнению, связана с тем, что труд советского человека, даже если он работал много и усердно, не ценился государством и не оплачивался как должно, поэтому, считает автор, глупо быть тружеником в таких условиях да еще и гордиться этим. И уж тем более нечем было гордиться «труженикам советской торговли». Как мы знаем, советская торговля прекратила свое существование при абсолютно пустых прилавках в конце 80-х, но и многие годы до этого россияне не покупали, а

доставали то, что им было необходимо. Видимо, поэтому тоже Веллер оправдывает своего «родоначальника фарцовки» Фиму Бляйшица.

Бизнес Фимы Бляйшица для советского времени был криминальным, поэтому в рассказах о его предпринимательстве Веллер использует уголовный жаргон (шестерка, барыга, боец), а само слово «фарцовка» («фарца», «фарц») означает «спекуляция, мелкая криминальная торговля; скупка вещей у иностранцев с целью спекуляции» [БСЖ 2000: 622].

*В безумном приступе гордыни он мечтал взять на содержание прямо начальника ленинградского КГБ. К чести его надо отметить, что здравый смысл одержал верх, и он для себя остановился на противоположной модели: платить именно **шестеркам**, а уж они пусть сами, блюдя свои интересы, разбираются со своим начальством* (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 24).

Шестёрка – 1. *Угол. жарг. Пренебр.* Мелкий вор, исполняющий подсобную роль. 2. *Мол. Жарг.* Человек, выполняющий мелкие поручения, неквалифицированную или грязную работу [БСЖ 2000: 688]. А также тот, кто находится в беспрекословном подчинении у кого-л., выполняя чужую волю [БАС 2007: 1495].

Своих «шестерок» Фима Бляйшиц называет еще «мальчики», вступая в синонимические отношения с жаргонным эмоционально-оценочным, негативно окрашенным «шестерка» слово «мальчик» актуализирует фразеологически связанное значение «мальчик на побегушках» (*ирон.* О чрезмерно угодливом, льстивом человеке, готовом выполнять любые поручения кого-либо [БАС 2007: 517]).

*Среди прочих инспекторских вылазок отправился он по весне на Выборгское шоссе, где подвижные пикеты его **мальчиков** останавливали и трясли автобусы с финнами, снимая сливки еще до города, прямо после границы* (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 31).

Фарцовка стала смыслом жизни Фимы, вернее, средством обогащения. Но кому он интересен как личность, как человек? С кем и зачем он общается? Он окружил себя «мальчиками», гоняется за иностранцами и гордится тем, что может удачно облопошить какого-нибудь «фээргэшника» или «шведика» и провести комитетчика. Фима Бляйшиц отвергает так называемые «совковые» ценности, но что своим образом жизни предлагает взамен?

Конечно, отгородиться «железным занавесом» от остального мира и надеяться так сохранить нравственную чистоту «в отдельно взятой стране» невозможно. И не запад, а безнравственность государственной власти всех

уровней угрожала СССР, именно её высмеивает Веллер. Мир, люди меняются, власть – нет.

Фима «встраивается» со своим духовным цинизмом в уже существующую циничную, лицемерную советскую действительность, преследуя при этом только свои личные интересы. «Раньше думай о Родине, а потом о себе» – это не о героях произведений Михаила Веллера и не о нем самом. В одном интервью Веллера спросили, пойдёт ли он на выборы. На что писатель, сославшись на свою биографию и нынешнее эстонское гражданство, ответил отрицательно, добавив, что в любом случае не пошел бы на какие бы то ни было выборы, так как не верит в их истинность и результативность. Не Фиму Бляйшица обличает Веллер, а тех, кто спровоцировал советских молодых людей изменить систему ценностей.

Открытия, которые насмешили бы свой наивной очевидностью барыг и знатоков уголовного мира, он делал самостоятельно, сам искал решений и - новичок, не знающий законов, не ведает и запретов - шел в мыслях и планах дальше тех, кто был до него и вокруг него (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 23).

Барыга – *Разг.-сниж.* Спекулянт, перекупщик [БАС 2007: 60]. Как видим, словарь указывает на эмоциональную отрицательную оценку деятельности, которой занимался наш герой, но в общем контексте авторский голос звучит почти восторженно. Для Веллера Фима – умный, находчивый, смелый, решительный человек, хотя его предприимчивость не находит в советской действительности законного, положительного применения. Веллер симпатизирует своему герою, это чувствуется даже тогда, когда писатель отрицательно его характеризует.

Свой путь земной пройдя до половины и вступая в гамлетовский возраст, Фима, кремнёвый деляга, влюбился, как великий Гэтсби (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 42).

Деляга – человек, озабоченный в делах только ближайшей выгодой [БАС 2007: 249]. Интенсификатором оценочного смысла выступает прилагательное «кремнёвый». Кремень – *Разг.* О человеке, обладающем твердым, непреклонным характером [МАС 1986: 124]. Действительно, Фима всегда добивается того, чего хочет. Вот как хитро он поступает с иностранцем, который отказался расстаться со своей шляпой, очень понравившейся Фиме Бляйшицу.

- Гитлер капут! - оборвал Фима. - Что ты делал во время войны? Служил в СС? Воевал в России?!

- Найд! - завотил тиролец. - Их бин швейцарец! <...>

- Я был спортсменом, - обиженно заявил тиролец.

- И что за спорт? Кто больше пива выпьет?

- Ватерполо! Я даже играл за сборную Швейцарии!

- Такая **туша** умеет плавать? (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 34-35).

В шестидесятые в СССР самым страшным ругательством было слово «фашист» («Гитлер»), которое по понятным причинам коррелировалось со словом «немец». Поэтому в подобной ситуации быть не немцем означало быть хорошим, так слово «швейцарец» в контексте приобретает положительную коннотацию и становится вербализатором концепта общей оценки. Таким же образом получает контекстуальную оценку и слово «спортсмен», которое по смыслу противопоставляется здесь отрицательному «солдат, эсэсовец». В основе выбора жизненных целей человека лежат ценностные ориентации, они объясняют причины его поведения. Ценностные ориентации – это качественная характеристика личности, объединяющая психическое и социальное в человеке, занимающая важное место в регуляции его поведения. В ценностях систематизируется, кодируется нравственное значение общественных явлений. Спекулянт, «шмоточник» – фарцовщик Фима Бляйшиц в описанной Веллером ситуации проявляет духовный цинизм, его система ценностей не соответствует общепринятой.

Изменения в системе ценностей (а это, прежде всего, смена ведущей, основной ценностной ориентации, задающей нормативную определенность таким ценностно-мировоззренческим представлениям, как смысл жизни, назначение человека, нравственный идеал и др.) играют роль «аксиологической пружины», передающей свою активность всем остальным звеньям системы [Антилогова 2003]. Новая ведущая ценностная ориентация, выступая альтернативой прежней, способна не только перестроить систему нравственных ценностей, но и изменить силу их мотивационного воздействия. Как отмечает психолог Д.Н. Узнадзе, «перестройка системы ценностных ориентаций, изменение субординации между ценностями свидетельствуют о глубоких преобразованиях в смысловой картине окружающего мира, изменении семантических характеристик различных его элементов» [Узнадзе 1966: 91].

Интеллигент по определению, Фима превращается в высокомерного, кичливого стилисту, богатого молодого человека, спекулянта, основной ценностью которого являются деньги. В его понимании, тот, кто умеет делать деньги, тот и достоин уважения. Обычные советские граждане, с советской психологией, с советским отношением к жизни для него люди низшего сорта, достойные осмеяния, презрения. Такое отношение рождало ответную реакцию у этих самых советских граждан, которые чувствовали себя правыми. К

сожалению, реакцию тоже неприглядную с точки зрения морали: у них была возможность покуражиться («сладкое зверство») над так называемыми «богатыми мальчиками», эту фобию пролетариев Веллер описывает иронически.

– *Что?! – грянул милиционер. – А эт-то что?! – И ткнул пальцем к окурку, брошенному в метре от урны. – Окурок кто на тротуар швырнул?! – слегка разбудоражил он в себе сладкое зверство справедливой власти над нарушителем, тупой лимитчик, белесый скобской Вася*, вчера из деревни, осуществляя власть в явном своем превосходстве над этим... *жидовским интеллигентом в шляпе* (Веллер. Легенды Невского проспекта, с. 47).

Мысль Веллера о том, что человек имеет право жить материально хорошо и должен получать блага в соответствии со способностями, выражена в противопоставлении «жидовского интеллигента в шляпе» Фимы Бляйшица и «тупого лимитчика, белесого скобского Васи» милиционера. В данном контексте именованного главного героя Веллера звучат иронически, меняя знак оценки с минуса на плюс, так как оценка эта дается представителем якобы «справедливой власти». А интенсификаторами отрицательной оценки в именовании милиционера являются негативно окрашенное прилагательное «тупой», которое позволяет соотнести значение слова «лимитчик»[•] с жаргонным «лимита» – *Угол., жарг. Пренебр.* Человек (люди), получивший (получившие) прописку в Москве или в другом крупном городе по лимиту – в обмен за обязательство выполнять непрестижную, низкооплачиваемую работу [БСЖ 2000: 316]; а также прилагательное «белесый», добавленное к сверхсловной интертекстуальной единице «скобской Вася». Белёсый – беловатый, тускло-белый [МАС 1985:77], этот смысл применительно к человеку актуализирует в сознании носителей языка переносное значение слова «тусклый» – бессодержательный, неинтересный, скучный, серый. || Лишенный своеобразия и выразительности [МАС 1988: 429]. Именно по этим признакам милиционер противопоставляется писателем Фиме Бляйшицу. «Мы скобские! Мы скобские!» бормотал в окопе перепуганный солдатик, парень из российской глубинки, в кинофильме «Мы из Кронштадта»[•], когда наступали то белые, то красные. Он не был ни белым, ни красным, он вообще ничего не понимал «в этой их революции», ему и нужно-то было землю пахать да семью кормить. А в кинофильме о советской милиции «Рожденная

[•] В большом академическом словаре русского языка приводится нейтральное разговорное «человек, получивший лимитную прописку в связи с потребностью предприятий в работниках определенных профессии» [БАС 2007: 497].

[•] Снят в 1936 году режиссером Ефимом Дзиганом по сценарию Всеволода Вишневского.

революцией» эта фраза, несколько видоизменяясь, приобретает уже иной смысл: «Мы скобские – мы прорвемся!». Другими словами: кто был никем, тот стал всем. Поэтому синонимичные именованья «милиционер», «справедливая власть», «тупой лимитчик» и «белёсый скобской Вася» выражают негативное отношение как главного героя рассказов Веллера о Фиме Бляйшице, так и самого писателя, который не приемлет власть, ломающую судьбы людей по своему усмотрению.

Общественная потребность в новой системе ценностей появляется тогда, когда прежняя верховная ценностная ориентация не отвечает требованиям изменившейся исторической действительности, оказывается неспособной выполнять присущие ей функции, когда ценности не становятся убеждениями людей, последние в моральном выборе все реже апеллируют к ним, то есть происходит отчуждение индивидов от этих моральных ценностей, возникает ситуация ценностного вакуума, порождающая духовный цинизм, подрывающая взаимопонимание и интеграцию людей.

Список литературы

1. Антилогова, Л.Н. О взаимосвязи ценностных ориентаций и нравственной активности личности/ Л.Н. Антилогова// Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – Вып. 2. – С. 7-12.
2. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка/ Н.Д. Арутюнова// Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 12-19.
3. Веллер, М.И. Легенды Невского проспекта: авторский сборник/ М.И. Веллер. – СПб.: Лань, 1993.
4. Кочеткова, Т.И. Словообразование как средство номинации и предикации в современном русском языке: дис. ... докт. филол. наук/Т.И. Кочеткова. – М., 2005.
5. Мокиенко, В.М. Большой словарь русского жаргона/ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2000 [Большой словарь жаргона (БСЖ)].
6. Петрищева, Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка/ Е.Ф. Петрищева. – М.: Наука, 1984.
7. Словарь русского языка: в 4-х т.; гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981-1985 [Малый академический словарь (МАС)].
8. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / РАН ин-т русского языка; гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1991-1995; электронная версия 2007. [(БАС)].
9. Узнадзе, Д.Н. Психологические исследования/ Д.Н. Узнадзе. – М.: Наука, 1966.

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ЛИЦА И ЧИСЛА
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ
С ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ:
СПЕЦИФИКА НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Под процессуальными единицами с императивной семантикой (далее ИПЕ) мы понимаем единицы, в семантической структуре которых наличествует категориальная сема процессуальность, субкатегориальная сема императивность, а также групповые и индивидуальные дифференциальные семы, позволяющие объединить все ИПЕ общей численностью 162 единицы (85 лексических и 77 фразеологических) в шесть групп: приказ, принуждение, разрешение/запрет, просьба, приглашение, совет. Целью настоящего исследования является описание особенностей функционирования категорий лица и числа ИПЕ и специфики неопределенно-личных конструкций с данными единицами.

В коллективной монографии челябинских фразеологов читаем: «Грамматическая категория лица создает качественное своеобразие процесса как личного свойства...» [4: 199]. По мнению профессора В.А. Лебединской, лицо является одной из главных морфологических категорий, выражающих субъектно-объектные отношения. У процессуальных единиц категория лица проявляется регулярно и обладает высокой степенью парадигматичности [2: 70]. В современном русском языке категория лица представлена системой трех личных форм, различающихся числовыми значениями [3: 641]. Категория лица у ИПЕ представлена парадигмой лично-числовых форм. Личные формы ИПЕ выражают отнесенность или неотнесенность акта волеизъявления к участникам речевого акта. Личные формы ИПЕ функционируют в прямом категориальном значении лица: 1л.ед.ч. указывает на отнесенность акта волеизъявления к говорящему, 1л.мн.ч. – к группе лиц, включающей говорящего, 2л.ед.ч. — отнесенность к собеседнику, 2л.мн.ч. — к группе лиц, включающей собеседника, 3 л. е д.ч. — к лицу, не являющемуся ни говорящим, ни собеседником, редко к неодушевленному предмету, 3л.мн.ч. — к группе лиц, не включающей собеседника, или редко к группе неодушевленных предметов. Наибольшая частотность употреблений присуща форме 3 лица единственного числа:

Мы просидели тогда вдвоем целую ночь до утра, он читал мне свои стихи, **агитировал** махнуть с ним на Командоры, был полон сил и не всегда

свойственного ему веселья (Городничий «И жить еще надежде»). Она **не велела** мне выходить замуж, если ты помнишь (Фрай «Энциклопедия мифов»). И он **дал наказ** всем комендантам — смотреть востро, и тогда получают часть (Тынянов «Восковая персона»). А вас, мадам, никто **не заставляет** тут сидеть, — обиделся комиссар на «нонсенс» (Акунин «Левиафан»). Каждое новое подтверждение этой истины **заставляло** его ровно бьющееся сердце чуть-чуть убыстрять ритм (Акунин «Смерть Ахиллеса»).

Как отмечают исследователи процессуальных фразеологических единиц, форма 3 лица является наиболее употребительной у единиц всех субкатегорий. В.А. Лебединская называет форму 3 лица «центральной формой», «фундаментом категории лица» и объясняет это тем, что она позволяет более объективно, нейтрально по отношению к речевой ситуации передать оценочно-характеристичное процессуальное значение [2: 71]. Также одной из немаловажных причин преимущественного употребления форм 3 лица является то, что ИПЕ в речи функционируют как средства описания ситуации побуждения, в которой говорящий может непосредственно и не принимать участия, т.е. особенно в случае, если повествование ведется от третьего лица.

Максимальный уровень активности говорящего лица в речевой деятельности достигается при употреблении ИПЕ в форме 1 лица. Как следствие, наблюдается значительное преобладание употреблений ИПЕ в форме 1 лица (особенно единственного числа) над формами 2 лица. Частотность форм 1 лица единственного числа настоящего времени обеспечивается за счет возможности и способности ИПЕ употребляться перформативно, что в функционально-прагматическом аспекте позволяет также решать возможные проблемы с определением иллюкутивной цели высказывания:

Перформативное употребление ИПЕ: Как полномочный представитель его сиятельства **приказываю** немедленно освободить задержанных (Акунин «Статский советник»). **Советую** вам поискать кого-нибудь из новичков (Акунин «Смерть Ахиллеса»). **Предлагаю** выслушать мнение нашего эксперта (Белянин «Отстрел невест»). Я **приглашаю** вас пообедать (Фрай «Энциклопедия мифов»).

Неперформативное употребление ИПЕ в форме 1 лица характерно для прямой речи и повествований, которые ведутся от первого лица:

Все время **агитирую** его начать писать (Шмелькова «Последние дни Венедикта Ерофеева»). Я **послал** стрельцов поглядеть, как далеко ведет этот ход (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). Наши политические противники используют ситуацию для наездов на мэра-демократа, который оказывается как бы противником МСУ, но, несмотря на это, мы горячо **убеждаем** мэра не

поддаваться давлению и наложить вето! (Архипов «Политическая жизнь регионов: Петербург»).

Относительно 2-го лица В.А. Лебединская подчеркивала, что оно «в речевой ситуации является минимально активным участником, поскольку обязательно присутствует в речевой ситуации как лицо слушающее, «адресат» речи, второе лицо не сообщает о действии, приписывание ему действия осуществляется говорящим, первым лицом» [2: 70]. В конструкциях с ИПЕ в форме 2-го лица субъекту побуждения может приписываться акт воздействия побудительного характера когда-либо им совершенный, например,

Да и тела ты самолично сжечь **повелел** (Белянин «Заговор Черной Мессы»). Кстати, она сообщила, что ты ей **не велела** замуж выходить (Фрай «Энциклопедия мифов»). За то и держу: Он и сообщил, что вы **велели** извозчику на Брянский ехать (Акунин «Смерть Ахиллеса»). Или: вам некуда сбывать товар. Вы указываете на этот факт вашему правительству и **убеждаете** его открыть для вас новый рынок (Горький «Мои интервью»).

Но в подавляющем большинстве случаев форма 2-го лица ИПЕ является формой повелительного наклонения, что указывает на ситуацию, в которой субъект побуждения сам подвергается воздействию побудительного характера со стороны говорящего:

Возле палаты меня остановил полицейский: «**Убедите** ее рассказать обо всем, что случилось» (Грошек «Легкий завтрак в тени некрополя»). Ты уж **прикажи** вдовицу в пыточную сдать, так она живо про перстенок царский запоем (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»).

Следует отметить, что все ИПЕ имеют полную парадигму личных форм. Это связано с тем, что субкатегориальное значение императивности выражает активное воздействие субъекта-лица, которым может быть говорящий, слушающий, а также лицо, непосредственно не принимающее участие в речевом общении.

Для детального описания функционирования категорий лица и числа необходимо определить компонентный состав синтаксической конструкции высказываний, в которых ИПЕ наиболее полно проявляют свою синкретичную природу. Для реализации цели данного исследования за основу выбрана конструкция с ИПЕ в сочетании с объектным инфинитивом. Высказывания имеют сложную синтаксическую структуру, которая включает в себя следующие основные компоненты:

1) субъект (адресант) побуждения – лицо, которое оказывает прямое или косвенное воздействие на другого участника (или других участников) ситуации общения, побуждая того (тех) к действию; 2) акт побуждения (сама про-

цессуальная единица с императивной семантикой) – воздействие на волю и разум адресата сообщения-побуждения; 3) адресат сообщения-побуждения – лицо, на которое оказывается воздействие – объект воздействия и одновременно предполагаемый субъект действия, к реализации которого его побуждают; 4) действие (выражено инфинитивом), к выполнению (или невыполнению) которого побуждается адресат – цель воздействия [1:10].

Фандорин (1) велел (2) камердинеру Масе (3) заварить (4) крепкого кофе, уселся в кресло и стал снова взвешивать все "за" и "против" (Акунин «Статский советник»).

Анализ корпуса употреблений ИПЕ показал, что в речи довольно часто встречаются неполные, эллиптические конструкции. В них могут функционировать все без исключения ИПЕ. Имплицитно в высказывании могут быть выражены:

- субъект побуждения:

Много дней подряд я конфликтую с этим актером. *Убеждаю его играть* не так, как он этого хочет, а так, как надо для общего смысла спектакля (Эфрос «Профессия: режиссер»).

- адресат побуждения:

Перед самым полуднем нашелся и подполковник – после того, как *Эраст Петрович велел* еще раз, потщательней, *прочесать* рожицу и кустарник, расположенные неподалеку от места гибели бедного Ипполита (Акунин «Турецкий гамбит»).

- субъект и адресат побуждения:

На притолоке у двери в приемную висел белый лист бумаги, на коем рукою Филиппа Филипповича было написано: «Семечки *есть* в квартире *запрещаю*». Ф. Преображенский (Булгаков «Собачье сердце»).

- каузируемое действие:

Всё ли ладно вышло? То ли сделал, что *я тебе указывал?* (Белянин «Отстрел невест»).

- субъект побуждения и каузируемое действие:

Князь всем своим видом давал понять, что времени на долгие объяснения у него нет, сам не сел и *Фандорину не предложил*, хотя мебель в кабинете уже расчехлили (Акунин «Статский советник»).

- адресат побуждения и каузируемое действие:

Рассказывать ничего не стал, *стрельцы и не требовали*, понимающе хмыкая в усы... (Белянин «Дело трезвых скоморохов»).

- субъект и адресат побуждения и каузируемое действие:

Семён, боярский сын, ажио плакал в уголке - три раза парень своей клюкой его огрести старался, так *не дал* же, гад, не порадовал мальчонку! (Белянин «Отстрел невест»).

Синтаксический субъект может быть выражен имплицитно, но категории числа и лица будут иметь материальное выражение. На наличие субъекта побуждения указывает морфологический признак – личное окончание. Конструкция в целом воспринимается как эллиптическая, потому что субъект побуждения может быть конкретизирован в ближайшем контексте:

Там **купцы** у ворот! Покорнейше просят принять, покража у них страшная... (Белянин «Гайный сыск царя Гороха»). – Там **Еремеев с ребятами** заступятся. – Стало быть, не дадут пропасть... (Белянин «Дело трезвых скомоухов»). – Дак **они** вас требуют! – обернулась охваченная гневом кухарка. – **Энтот** вон (она ткнула на горбуна) говорит, буди, мол, дело у нас до твоего барина. Я те дам «буди»! Разбежалася! Поспать человеку не дадут! (Акунин «Смерть Ахиллеса»).

В ряде случаев субъект побуждения не вербализуется, а подразумевается в силу того, что ситуация лишена необходимости конкретизации субъекта. Данные конструкции являются неопределенно-личными и предполагают употребление ИПЕ только в форме 3 лица множественного числа. Таким образом, имеет место номинация ситуации волеизъявления неопределённого лица; деятель в грамматической основе не назван, хотя и мыслится лично, но акцент сделан на самом акте волеизъявления:

Бесстрастный голос в динамике сообщает, что троллейбус дальше не пойдёт. Меня просят (*кто-то неизвестный, обладатель «бесстрастного голоса»* – М.С.) освободить салон (Фрай «Энциклопедия мифов»). Господ приглашенных просят (*те, кто пригласил* – М.С.) не утруждать себя ношением мундира. Дамы вольны выбирать платье по своему усмотрению (Акунин «Статский советник»). - Ну вот, спать я сегодня ночью не буду. Вы меня напугали. - И правильно. Утром поспишь. А ночью надо смотреть на звезды. Их здесь, по моему, раза в три больше, чем положено... - Ага. И перед отъездом нас заставят (*те, кто обычно занимается предоставлением счета* – М.С.) оплатить дополнительные звезды, поштучно, по списку. Как счета за телефон (Фрай «Энциклопедия мифов»).

Неиспользование в высказывании никаких средств номинации субъекта третьего лица множественного числа указывает на то, что субъект побуждения исключен из непосредственной ситуации общения. В актуальном членении предложения адресат побуждения становится темой, а действие, к выполнению которого он побуждается – ремой.

В большом количестве случаев употребления ИПЕ наблюдаем имплицитно выраженный синтаксический субъект первого лица единственного числа. Это возможно в силу того, что окончания ПЕ в формах первого лица единственного числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения являются уникальными, т.е. они не омонимичны ни одной флексии в глагольной парадигме:

Извините, что заставляю вас вернуться к неприятным воспоминаниям, но из-за чего вспыхнула ссора? (Белянин «Отстрел невест»). Предлагаю проветрить салон – что-то стало душновато (Акунин «Левиафан»). Прошу вас минуточку обождать. Я п-переоденусь (Акунин «Левиафан»). Иду в ближайшее кафе, требую положить в чашку четыре ложки растворимого кофе, столько же сахара и залить этот кошмар кипятком (Фрай «Энциклопедия мифов»). Сейчас распоряжусь дать ей хлеба и прогнать вон (Белянин «Меч без имени»).

Высказывания с имплицитным синтаксическим субъектом первого лица множественного числа носят экспрессивный характер с явным оттенком призыва к совместной деятельности:

Всем миром поляжем, а не дадим заступника нашего извести! (Белянин «Летучий корабль»). Не дадим сыскному воеводе грязными сапожищами простыни царские марать! (Белянин «Дело трезвых скоморохов»). Не дадим супостатам над Никитой Иванычем надругаться! (Белянин «Отстрел невест»).

В ситуации непосредственного общения в придаточных предложениях синтаксический субъект второго лица единственного и множественного числа может быть представлен имплицитно, в силу уникальности окончания ИПЕ и того факта, что в речи не требуется постоянного называния собеседника [3: 530]:

Ну, это, может, и прокатит, коли козу заставите жалобу написать (Белянин «Дело трезвых скоморохов»). Сколько ж тебе заплатить, чтоб ты мне солнце не заслонял? Плачу любую сумму, если отвяжешься и дашь часок подремать (Акунин «Левиафан»).

К неопределенно-личным можно отнести и следующие конструкции:

1) Мне поручается тереть в «макотре» мак с сахаром, за что позволяется облизать скалку (Кузнецов «Бабий яр»). В частности, капитану предписывалось негласно изъять портфель, в котором могли содержаться документы, представляющие государственную важность (Акунин «Смерть Ахиллеса»).

2) В данных высказываниях наличествуют следующие компоненты: ИПЕ в форме настоящего или прошедшего времени с постфиксом –ся, объектный инфинитив, адресат побуждения в дательном падеже. Последний

компонент является важным, но в конструкции предложения может быть опущен при необходимости, особенно для указания на обобщенный характер адресата побуждения:

3) Там же обращается внимание на необходимость активного ведения военной разведки в тылах действующих советских армий, для чего приказыва-ется установить постоянное наблюдение за всеми железнодорожными уз-лами (Богомолов «Момент истины»). Садиться на такую низенькую табуре-точку ("Pier Improt") не рекомендуется, а вот поставить на неё пышный букет тюльпанов в широкой вазе просто необходимо! («Преврати свой дом в цве-тущий сад»).

4) Также возможно в конструкции предложения опустить инфинитив, что требует использования указательного местоимения, заменяющего инфи-нитив:

5) — Да, сеньор Филипп, надо как-то окрестить эту кошку... И пору-чается это вам! Придумайте! (Полонский «Роль в сказке для взрослых или «Таланты и Полковники»).

6) Семантический субъект побуждения может быть представлен в кон-струкции в творительном падеже, например,

7) Вместе с тем, ставкой приказывалось снять радио и не принимать никаких телеграмм от председателя правительства (Врангель «Записки»).

8) Стоит отметить, что в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой ИПЕ «повелеваться» в единственном значении «приказы-ваться» и ИПЕ «приказываться» в первом основном значении «предлагаться приказом, повелеваться» снабжены пометой «устарелое, безличное». ИПЕ «приказываться» во втором основном значении указана как страдательная форма от «приказывать» в значении «устар. поручить, отдать на попечение». Анализ корпуса употреблений ИПЕ выявил немногочисленные случаи ис-пользования единиц «приказываться» и «повелеваться» в основном в произ-ведениях 18 – начала 20 вв.:

Господину порутчику N. N. повелевается чрез сие отправиться с одним прапорщиком, с тремя унтер-офицерами, с 1 барабанщиком и с 30 рядовыми тот час по прочтении сего на Виллановскую дорогу, в лощине лежащую, и занять проход при находящейся там рогатке (Радищев «Офицерския упраж-нения», 1773-1774). Только что мы остановились обедать, как вошел прие-хавший урядник и передал провожавшему меня депешу, где повелевалось довести меня до Верхоленска <...> (Беляев «Из воспоминаний», 1880). При-казывается правый путь от Козлова до Лисок держать непрерывно чистым от

снега, для чего пустить в безостановочную работу все исправные снегоочистители (Платонов «Сокровенный человек», 1928).

В отношении остальных единиц помет о безличности не сделано, следовательно, в высказываниях должен присутствовать синтаксический субъект. Функции синтаксического субъекта на себя формально принимает инфинитив:

Вносить представления в суд поручается ЦИКУ и местным избиркомам (Выжутович «Комментарии излишни»).

Что касается термина «безличность», то в отношении к ИПЕ следует сделать оговорку. В безличном высказывании предполагается, что действие или состояние возникает и существует независимо от производителя действия или носителя состояния. Одним из основных аспектов значения ИПЕ является контролируемость воздействия побудительного характера. Следовательно, можно предположить, что ИПЕ типа *приказываться* не являются безличными, а придают высказыванию всеобщий или обобщенный характер. В центр ситуации побуждения ставится не субъект, а адресат побуждения и / или каузируемое действие. Высказыванию придается определенная стилистическая окраска официальности.

Подобное употребление допускают следующие ИПЕ, в скобках указано количество употреблений:

рекомендоваться (423), запрещаться (307), предлагаться (270), разрешаться (244), дозволяться (198), позволяться (176), поручаться (131), предписываться (104), воспрещаться (90), приказываться (45), вменяться в обязанность/обязанности (58), повелеваться (25), советоваться (2), ставиться в обязанность/обязанности (1). *Всего 2074 употребления*

Так, например: в святки и под Новый год, в Васильев вечер Мише позволялось наряжаться вместе с другими «хлопчиками», и не только позволялось, но даже ставилось в обязанность... (Тургенев «Отрывки из воспоминаний своих и чужих»). За него воспрещалось мстить, за него даже не назначали выкуп <...> (Семенова «Волкодав»). Накануне вечера Некрасов получил анонимное письмо, в котором ему советовалось сказаться больным, чтобы избежать скандала <...> (Панаева «Воспоминания»).

В отношении непродуктивности ИПЕ *советовать* можно сказать следующее: 1) возможная форма «советоваться» омонимична форме возвратного глагола со значением «обмениваться мнениями между собой; совещаться», поэтому не используется; 2) высокая продуктивность синонимичной ИПЕ *рекомендовать* восполняет пробел.

В данной конструкции ИПЕ выступают только в форме несовершенного вида, тем самым реализуется значение повторяемости, длительности, неза-

вершенности ситуации побуждения, которое может быть вербализовано посредством дополнительных компонентов в структуре предложения:

Различным институтам и центрам не раз поручалось исследовать способы защиты от зарубежного спутникового телевидения (Яковлев «Омут памяти»).

Для передачи значения завершенности, единичности эти же ИПЕ могут использоваться в конструкции с кратким страдательным причастием прошедшего времени.

9) Чиновника особых поручений Фандорина за самоуправство – привлечение к секретному расследованию частного лица, что повлекло за собой гибель вышеозначенного лица – Высочайшим же указанием велено от должности отстранить и поместить под домашний арест вплоть до особого распоряжения (Акунин «Смерть Ахиллеса»). Для пущей важности им было приказано идти за мной с песней (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»).

10) В данных высказываниях роль синтаксического субъекта на себя принимает инфинитив. В конструкции предложения присутствуют следующие компоненты: ИПЕ в форме краткого страдательного причастия прошедшего времени, объектный инфинитив, адресат побуждения в дательном падеже. Субъект побуждения может быть представлен в конструкции в форме творительного падежа:

11) Другой рассказывал о том, как им поручено было штабом отбить конфискованное оружие, которое на ночь было свезено в полицейский участок у Рогожской заставы (Телешов «Начало конца»).

12) В случае эллиптических предложений может опускаться адресат и / или инфинитив:

13) Анвар приехал к министру ровно в полдень, и было велено подать кофе с чуреками (Акунин «Турецкий гамбит»). Вас приказано просто убить (Белянин «Свирепый ландграф»). – Куда? – спросил дворецкий. – Велено к шестому пирсу. Там поглубже и течение опять же. Ты как думаешь? (Акунин «Азазель»).

14) Представим список всех ИПЕ в форме кратких страдательных причастий, которые могут употребляться в описываемой конструкции, с указанием количества употреблений:

15) запрещено (1831), велено (1546), поручено (1399), позволено (838), разрешено (782), приказано (694), дозволено (551), предписано (290), рекомендовано (164), предложено (92), воспрещено (80), наказано (10), указано (2), заказано (2), вменено в обязанность/обязанности (2). *Всего 8283*

Полученные статистические данные позволяют сделать вывод, что неопределенно-личные конструкции с ИПЕ в форме краткого страдательного

причастия прошедшего времени в четыре раза чаще используются в речи. Высокая частотность может объясняться тем, что данные конструкции характерны для разговорной речи без ярко выраженного стилистического оттенка официальности.

Исследование функционирования морфологических категорий лица и числа показало, что они играют важную роль в формировании процессуального значения ИПЕ и в выражении субъектно-объектных отношений в ситуации побуждения.

Список литературы

1. Володина Г.И. Описание простого предложения с позиций семантического синтаксиса // Семантический и прагматический аспекты высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд. НГПИ, 1991.
2. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. Учебное пособие по спецкурсу. – Челябинск: ЧГПИ, 1987.
3. Русская грамматика. В 2-х томах. Том 1. / Гл.ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980.
4. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов: Коллективная монография. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002.

Г.И. Сапожникова

Кафедра немецкой филологии

ПРИЗВАНИЕ ИЛИ ЗАРАБОТОК – КАК В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ОТРАЖАЮТСЯ ИЗМЕНЕНИЯ В ОЦЕНКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Профессиональная деятельность всегда была одной из главных сфер деятельности человека, но в последние десятилетия она претерпела существенные изменения. Еще 50 лет назад все было просто: осваивалась профессия, рабочее место было востребовано и был востребован человек-профессионал, причем, как правило, в его родной стране. На одном месте человек мог трудиться всю жизнь вплоть до пенсии. Сегодня все сложнее – большинство меняет работу, не успев даже освоить ее.

В языке отражаются все процессы, происходящие в обществе, и лексика послушно следует за изменениями в жизни человека. Общеизвестно, что сейчас заимствуется много слов из английского языка. Интересно проследить за функционированием отдельных заимствований и за причиной их появления

в немецком языке именно в сфере трудовой деятельности человека. Одним из самых употребительных не немецких слов разговорной речи стало с недавних пор английское слово “job”. То, что его произносят и пишут как в английском языке, нет ничего удивительного, так происходит со многими заимствованными словами. Нет – особенность этого слова в его трагической актуальности. Если немец говорит о своем рабочем месте “job” – это означает, что он может уже завтра потерять это рабочее место, или речь идет о том, чтобы хоть как-то удержаться на этом месте, в общем, главное для него – то, что он имеет какой-то “job”, который приносит деньги и дает хлеб насущный. О профессии и квалификации часто не говорят, теперь это второстепенное дело.

В этой связи попробуем проследить за развитием слова «профессия» в немецком языке, и нам станет ясно, что понятия «работа» и «профессия» в настоящее время находятся на некотором расстоянии друг от друга. В немецком языке глагол «berufen» (назначать на работу, приглашать на работу) и существительное “Beruf” (профессия, специальность) религиозного происхождения. В Библии эти слова употребляются в совершенно особом смысле. Корень этих слов «ruf». В современных немецко-русских словарях слова “rufen, Ruf” переводятся в качестве первого значения как «кричать, звать; крик, возглас», и только в качестве второго значения «призывать; призыв, обращение, зов, клич». Во времена Мартина Лютера эти слова понимались только в их первом и единственном тогда значении, т.е. в божественном смысле: «Бог обращает свой призыв к людям, он призывает их принять участие в божественном промысле».

Одним из центральных и востребованных положений философии М.Лютера считается концепция «призвания» (нем. Beruf). В противоположность православно-католическому учению о противопоставлении мирского и духовного, Лютер полагал, что и в мирской жизни на профессиональном поприще осуществляется благодать Бога. Ранняя христианская традиция в лице монашествующих писателей относилась к труду как к чему-то вторичному и подчиненному, они отрицали важность труда, считая его необходимым, но унижительным. Такие настроения достигли своей кульминации в Средние века. Христиане, посвятившие себя жизни и работе в повседневном мире, были второсортными. Слово “Beruf” (призвание) обозначало в средневековье только монашеское или священническое призвание, т.е. призвание к профессиональной религиозной деятельности. Монашество ощущало себя носителем особого предназначения, и только монахи, как призванные богом, могли иметь эту профессию “Nur die Mönche hatten als Berufene einen Beruf”. Эразм Роттердамский одним из первых с презрением отнесся к этой идее: по его мысли, труд скромного землепашца был более приятен Богу, чем мона-

шеские правила. Реформация изменила отношение к труду. Используя термин “Beruf “ для обозначения деятельности в повседневном мире, Лютер подразумевал религиозную важность и монашеского призвания для жизни и деятельности в миру. Бог предназначает человека к определенному виду деятельности посредством вложенного таланта или способности, и долг человека - прилежно трудиться, исполняя свое призвание. Причем в глазах Бога нет труда благородного или презренного. Труды монахов и священников, какими бы тяжкими и святыми они ни были, ни на йоту не отличаются в глазах Бога от трудов крестьянина в поле или женщины, работающей по хозяйству. Сама концепция «призвания» появляется у Лютера в процессе перевода фрагмента Библии на немецкий язык: «пребывай в труде (призвании) своем».

Таким образом, немецкое слово “Beruf “ появилось вместе с переводом Библии Мартином Лютером. Лютер переводит этим словом два различных понятия. В одном случае - это призвание Богом к вечной жизни (в лютеровских переводах Библии в этом случае значится “ Ruf и rufen”. В другом – то, что до Лютера переводилось словами Werk и Arbeit (труд, работа). Слово “Beruf “ в средневерхненемецком означало «зов, призвание», в современном немецком оно постепенно получило значение «служба, звание, деятельность». По учению Лютера, каждый призван к своей работе Богом, следовательно, она угодна Богу и должна восприниматься работающим как служение. В XVI веке в языках всех областей Европы, затронутых Реформацией, происходит коренное изменение значение слова, обозначающего «труд». В связи с этим новое значение получило само слово Arbeit (работа), которое в средневековом немецком в целом означало «мука, нужда». То, что для средневекового католика было «мученьем» становилось благословением для протестанта.

Лютер-переводчик сделал то, что уже прежде осуществил Лютермыслитель: он приравнял малое к великому, повседневное к священному. Самые обычные человеческие действия (семейные обязанности, служба и труд) получали значение полноценных нравственно-религиозных свершений. В современных немецких словарях слов «Beruf» дается с основным значением «профессия, специальность», значение же «призвание» дается с пометкой «устаревшее», тогда как в словаре И.Я.Павловского 1911 года слово “Beruf “ переводится как «призвание, предназначение, внутреннее побуждение, склонность», например, “er fühlte den Beruf zum Malen” (он чувствовал свое призвание к живописи), значения же «профессия» нет вовсе. Таким образом, по Библии, профессия - это некое предопределение человека. На основании анализа протестантизма выдающийся немецкий социолог Макс Вебер пришел к выводу, что эта двусмысленность не случайна: она вырастает из понимания

профессиональной деятельности как божественного призвания и приводит к весьма существенным для европейского общества и европейской культуры последствиям. Языковое явление, подмеченное М.Вебером, – напоминание о глубокой мировоззренческой перемене, происшедшей в XVI-XVII веках и берущей начало в учении М.Лютера. Совершенно очевидно, что в немецком слове “Beruf “ звучит представление о поставленной Богом задаче, и дело не в какой-то этической особенности определенных языков, но в том, что слово это соответствует не духу подлинника Библии, а духу перевода Библии.

Именно Макс Вебер обратил внимание на этот удивительный языковой феномен: у всех протестантских наций (или по преимуществу протестантских) торжественное слово «призвание» прямо употребляется для обозначения рода занятий, то есть, говоря просто, немцы в анкете пишут: если переводить буквально – «мое призвание – портной, машинист, слесарь» и т.д. Мы и сегодня говорим, что кто-то чувствует свое призвание к деятельности врача, художника или ученого, и подразумеваем под этим, что человек предназначен в особой мере к этой профессии и, выбрав ее, он реализует свой духовный потенциал. С немецким языком перекликаются и русские выражения «Творец от бога» или «Человек своего дела».

Слово “Beruf “ стало только в XVII веке светским понятием и встало в один ряд со словами Amt (должность), Stand (звание), Arbeitsplatz (место работы). Интересно, что призыв молодых людей в армию также в немецком языке связан с понятием призванности высшим силам. Немецкий глагол “einberufen” (призвать в армию) тоже имеет в основе “Beruf “, т.е. глубинный смысл его – призыв служить Родине.

Сегодня духовная составляющая слова “Beruf“ постепенно утрачивается, и здесь мы имеем дело только с профессиональной деятельностью человека. Показательным для современной ситуации является словосочетание “erwerbstätig sein”, которое постепенно заменяет “berufstätig sein”, оба эти выражения переводятся на русский язык одинаково - «работать», но каждое из них имеет определенный оттенок смысла. “Erwerbstätig» образовано от глагола «erwerben», который переводится как «приобретать, получать, добывать, зарабатывать, добывать средства к существованию», в противоположность этому “berufstätig» уже по лексической составляющей означает «работать, занимаясь изученной и, предполагается, любимой профессией».

В современной жизни ситуация на рынке труда сложная. Даже хорошая профессиональная подготовка не дает гарантии получить рабочее место. Многие теряют работу в своей стране в результате сокращения или распада предприятия, и это актуально не только для нашей страны. По этой причине

не “Beruf“, а “job” означает возможность заработать на жизнь. Английское слово стало модным замещением для слов “Arbeit и Arbeitsplatz», а также с определенными оговорками для Beruf. Если мы обратимся к английско - русскому словарю, то слово “job” переводится как «работа, служба, место, задание», но не занятие профессиональной деятельностью, в каком-то смысле это может быть работа как случайный заработок или сдельная работа, недаром употребительны и производные от этого слова - jobbing (случайная работа), jobber (маклер), а сочетание bad job переводится как «гибкое дело», причем все эти достаточно негативные оттенки соединяются именно со словом “job”, а не со словом work (труд, дело).

Возникает вопрос, почему происходят подобные явления замещения определенных слов иноязычными. Причин много. Это пресловутые процессы глобализации, увеличение мобильности рабочих сил, совершенствование технологических процессов и в целом - глубокие социально-экономические изменения, что вызывает перестройку профессиональной сферы и вызывает к жизни необходимость выразить новое отношение к процессу обеспечения средствами к существованию. Более актуальным стало не формирование высшего уровня профессионального мастерства в одной профессии, а гибкий и психологически безболезненный переход из одной сферы труда в другую.

Сейчас модно приобретать несколько специальностей, иногда взаимно исключаящих друг друга, духовная же составляющая труда, стремление к реализации своих способностей отходят на второй план. Но даже если немец не совсем постигает божественную суть слова “Beruf“, он подсознательно не употребляет его для работы, которая не отвечает его призванию, а значит, интуитивно пытается сохранить культурное языковое богатство своего языка, ведь это слово может быть переведено и как «профессия» и как «призвание». Таким образом, напрашивается следующий вывод: в настоящее время лишь национальный язык остается опорой национального и гражданского самосознания, знаком принадлежности к национальной культурной традиции и поэтому нуждается в активной защите.

Список литературы

1. Лейн Карл, Мальцева Д.Г., Зуев А.Н. и др. Большой немецко-русский словарь. – М.: Рус.яз., 2004.
2. Брайен М.А. Англо-русский словарь. – М.: Астрель, 2008.
3. Павловский И.Я. Немецко-русский словарь. В 2 т. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
4. Макс Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
5. Эрих Соловьев. Время и дело Мартина Лютера. <http://scepsis.ru.jornal>

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА 1858 ГОДА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯНАХ ДЕРЕВНИ РУСАКОВОЙ УСТЬ-СУЕРСКОЙ ВОЛОСТИ КУРГАНСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В течение XVIII – XIX веков в России проведены 10 ревизий. Их цель - учет лиц, подлежащих подушному обложению и воинской повинности.

Первичным материалом переписи являлась ревизская сказка – поимённый список лиц, относящихся к податным сословиям. Она составлялась по утвержденной правительством официальной форме. Однако, написанная скорописью, местными писцами с различной правописной выучкой, она содержит не только нормы делового письма определенного хронологического среза, но и элементы живой разговорной (и частично диалектной) речи. Будучи территориально и локально приуроченной, ревизская сказка выступает надежным источником по истории русского языка.

В Государственном архиве Курганской области (ГАКО) хранится «Ревизская сказка села Усть-Суерского о государственных крестьянах 1858 года (1). В этот источник включены и ревизские сказки деревень Усть-Суерской волости, в частности ревизская сказка деревни Русаковой (1, 145-155). Она написана скорописью, черными чернилами, вероятно, гусиным пером, на толстой, плотной бумаге. Этот документ не исследовался и не издавался лингвистами. Его лингвистическая информационность и лингвистическая содержательность являются предметом нашего рассмотрения.

Являясь официально-деловым, фискальным, документом, сказка содержит на **лексическом уровне** элементы книжно-письменного, частично архаического делового языка середины XIX века: *по послѣдней ревизіи, 146об; нынѣ на лицо, 148; мужеска и женска пола 145; во временной отлучкѣ, 147; руку приложилѣ, 154; по безграмотству приложилъ печать 154; всѣ души показаны (душа – человек) и прописныхѣ нѣтъ, 153об; перечислень по предписанию, 153об; перечислены по указу, 152об; отданъ въ рекруты, 148об; на троекратной мирской сходке, 147; умеръ въ...году, 154об.*

В тексте находим **названия территориальных и административных единиц**: *Тобольской губерніи, 145; Тобольской казенной палаты, 157; 165 Курганскаго округа, 153об; Усть-Суерской волости, 145; въ Тебенякскую во-*

лость, 152об; деревни Русаковой, 145; въ деревню Рѣчкину, 151об; Шмаковская волость, 153об.

В сказке отмечаем **названия лиц по социальному положению, воинскому званию и роду занятий**: о государственных крестьянах, 145; отставные солдаты, 154об; рядовой – 154об, волостной голова, 154об; сказко-составитель, 154.

Жанр ревизской сказки предопределяет в ней наличие тематической группы слов – **названий родства (по крови) и свойства (по женитьбе)**: сынъ (26 словоупотреблений): другой сынъ, 146об; третій сынъ, 148об; отъ второй жены сынъ, 148об; отъ первой жены сынъ, 148об; незаконнорожденный сынъ, 149об; сыновья, 148об; дочь (16 словоупотреблений): его же дочери, 150; братъ – 148об; другой братъ, 152об; третій братъ, 152об; жена (35 словоупотреблений): отъ первой жены, 148об; отъ второй жены, 148об; внука (Матрена) – 148; сноха 153.

Сказка содержит богатый материал по антропонимике. Так, главы крестьянских семейств обозначены полными трехчленными наименованиями, свидетельствующими о сложении в рассматриваемый период трехчленной антропонимической системы: Никита Андрѣевъ Зябловъ, 146об; Федоръ Макаровъ Кабановъ, 150об.

При перечислении членов семейств мужского и женского пола, кроме родных сыновей и дочерей, находим двучленные наименования: Ивана Макарова жена Марфа Павлова, 149; Макара Григорьева братъ Федотъ Григорьевъ, 148об; Павла Лаврентьева сноха Ненила Трофимова, 153. Единственное трехчленное наименование находим и в этой группе: Михайла Иванова племянникъ Осипъ Васильевъ Шмаковъ, 153об, Александра Федотова внука Матрена Евстѣевна, 148.

При указании родных дочерей и сыновей отмечены только имена: Федора Макарова дочь Дарья, 151; Никита Афонасьевъ Копорулинъ – его сынъ Василій, 149об.

В сказке зафиксированы 49 личных имен собственных мужского рода: Григорій – 12 словоупотреблений; Яковъ – 7; Михайло, Никита, Федоръ – по 6; Иванъ, Василій, Андрей - по 5; Дмитрий – по 4; Аксень, Алексѣй, Карпъ, Павелъ, Петръ – по 3; Александръ, Гаврило, Зеновій, Исакъ, Кипріянь, Лаврентій, Лука, Малафей, Осипъ, Тарасъ, Трофимъ, Федотъ – по 2. По одному разу отмечены: Абросимъ, Андреянъ, Артемій, Афонасіи, Борисъ, Денисъ, Евсей, Игнатій, Максимъ, Митрофанъ, Панфилъ, Поликарпъ, Савва, Семень, Спиридонъ, Терентій, Устинъ, Фадей, Филимонъ, Филипъ, Фома.

Имена собственные мужского рода на – *о Гаврило, Михайло* в род.п.ед. ч. имеют флексию – *а*, отражая особенность северновеликорусского наречия: *Гаврила Алексѣва жена, 147; Михайла Аксенова жена, 149об.*

В тексте отмечаем 36 **мужских фамилий**, которые по степени частотности располагаются так: 18 словоупотреблений – *Григорьевъ; 12 – Алексѣевъ; 8 – Андрѣевъ; 7 – Зябловъ; 5 – Макаровъ, Степановъ; 4 – Васильевъ, Ивановъ, Федоровъ, Федотовъ; 3 – Капорулинъ, Лаврентьевъ, Симановъ; 2 – Александровъ, Аксеновъ, Афонасьевъ, Баушкинъ, Киприяновъ, Мокѣевъ, Никитинъ, Орловъ, Семеновъ, Устюжанинъ, Шмаковъ, Яковлевъ; 1 – Демидовъ, Ечмѣневъ, Кабановъ, Матвѣевъ, Мокроусовъ, Михайловъ, Никоновъ, Осиповъ, Петровъ, Саввинъ, Стенюковъ.*

В тексте 33 **личных собственных имени женского рода**. Из них 5 словоупотреблений – *Авдотья, Федосья; 4 – Анна, Катерина, Марфа, Прасковья; 3 – Матрена; 2 – Василиса, Лукерья, Маремьяна, Настасья, Ненила, Татьяна, Фекла; 1 – Аксинья, Акулина, Анисья, Варвара, Вѣра, Графира (так в рукописи Дарья, Домна, Мавра, Марья, Милодора, Надѣжда, Наталья, Палагая, Полиарія, Степанида, Ульяна, Федора, Ховронья.*

Сказка содержит 20 **фамилий имен женского рода**: 3 словоупотребления – *Андрѣва, Матвѣва, Федорова; 2 – Алексѣва, Антонова, Зеновьева, Михайлова, Павлова, Петрова, Симіонова, Яковлева; 1 – Абрамова, Антонова, Григорьева, Евстѣнѣва, Ефимова, Никитина, Никифорова, Степанова, Трофимова.*

Из **морфологических особенностей** слов текста отметим: дублетность кратких и полных форм прилагательных в функции определения: *женскъ поль, 145 – женскій поль, 155, мужьскъ пол 145 – мужскій поль, 146об.* Краткие формы являются архаически книжными. Полные, местоименные, формы преобладают.

Нормой является форма родительного падежа ед. числа мужского и среднего рода на – *аго* прилагательных, числительных, местоимений и причастий: *восьмаго года, 145; Курганскаго округа, 153об; с катораго времени 147; умершаго крестьянина, 149об; мужескаго, женскаго пола 154.*

В именительном падеже мн. ч. женского рода причастия находим старинную форму на – *ія*: *души бывшія, 154.*

Сказка содержит материал по **словообразованию** сложных числительных и наречий: *восемь сотъ, 145 – восимьсотъ, 154 (так в ркп): нынѣ на лицо, 147об – итого налицо, 154.*

На фонетическом уровне отмечаем: последовательное употребление твердого звука *ц* (*мѣсяцовъ – 146об; - 90 словоупотреблений*); фиксирование

буквы **ѣ** как под ударением, так и в безударном положении, причем как на месте этимологического **ѣ**, так и на месте исконного **е**: *апрѣля, 145 – апреля – 147, Андрей, 146об – Андрѣй – 150об; Надѣжда, 150; въ сказкѣ, 154об - въ сказке – 147; нынѣ, 146об, недѣль, 150об, послѣдней, 147об Вѣра, 147 лѣта (им.-вин. мн.) въ Рѣчкину, 151об*. В тексте имеют место единичные случаи отражения просторечия: смешение сонорных **л-р**: *Графира* (вместо Глафира) 150; выпадение согласного между гласными – *Баушкинѣ*, 153об; (вместо Бабушкин) и иканье – *восимѣсотѣ*, 154 (так в ркп).

Проанализированный материал позволяет заключить, что сказка отражает нормы официально делового языка XIX века. Отступления в сторону разговорной речи единичны. Диалектные черты Зауралья отсутствуют.

Список литературы

1. ГАКО. Фонд 190. Опись 1. Дело 1. Л.Л. 145-155.

*Б.В. Туркина, О.М. Туркин
Кафедра русского языка*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Для современной российской прессы характерно совмещение фразеологии разных стилей. Журналисты активно используют фразеологизмы как выразительное, емкое по смыслу, яркое, образное средство. Особая роль принадлежит фразеологизму-заголовку.

Заголовок является элементом текста. Оставаясь элементом текста, заголовки в то же время способны функционировать как самостоятельная единица. Заголовок предшествует тексту и в читательском восприятии, поэтому он формирует установку на понимание. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что употребление фразеологизма в качестве заголовка обусловлено способностью фразеологизма создавать экспрессивный эффект фразы и текста.

Кроме того, индивидуальное значение фразеологического заголовка не остается неизменным. Особенно это проявляется в трансформированных конструкциях, в которых фразеологическая единица подверглась различным преобразованиям.

Как показывают наблюдения, самым распространенным явлением в заголовках современных СМИ является замена ключевого компонента фразеологизма.

«Метры перемен» («Московский комсомолец», 2010) - ветры перемен.

«С легкой парой!» («Московский комсомолец», 2010) - с легким паром.

«Все дороги идут... к человеку» («Курганский университет, 2009) - все дороги ведут в Рим.

«Крестовый подход» («Автомир», 2009) - крестовый поход.

«Кем богаты – тем и рады» («Новая газета», 2003) - чем богаты – тем и рады.

«Ход коньком» («Огонек», 2006) - ход конем.

«Смог Отечества» («Огонек», 2006) - дым Отечества.

«Жилое и думы» («Огонек», 2006) - былое и думы.

«Лиха беда датчане» («Московский комсомолец», 2010) - лиха беда начало.

«Надежда выживает последней» («Московский комсомолец», 2010)- надежда умирает последней.

«Или фан, или профан» («Московский комсомолец», 2010) - или пан, или пропал.

«Ветхий совет» («Московский комсомолец», 2010) - Ветхий Завет.

«Москва глазам не верит» («Московский комсомолец», 2010) - Москва слезам не верит.

«Безвыгодная ситуация» («Московский комсомолец», 2010) - безвыходная ситуация.

«Зал ожидания» («Коммерсантъ», 2010) - зал ожидания.

«В Бангкоке все спокойно» («Коммерсантъ», 2010) - в Багдаде все спокойно.

«Свистать всех на евро» («Коммерсантъ», 2010) - свистать всех наверх.

«Ввоз и ныне там» («Власть», 2003) - воз и ныне там.

«Как поссорились Григорий Алексеевич с Борисом Ефимовичем» («Коммерсантъ», 2003) - как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

«Восточная глупость» («Коммерсантъ», 2003) - восточная мудрость.

«Тоска почета» («Вечерняя Москва», 2003) - доска почета.

«Словно сквозь луну провалился» («Комсомольская правда», 2010) - как сквозь землю провалился.

Фразеологизм *«Быть или не быть»* подвергается трансформации очень часто. Фразеологические единицы воссоздаются заново по определенной модели.

«Сбыть или не сбыть» («Крестьянка», 1996).

«Дружить или не дружить» («Космополитен», 2008).

«Бить или не бить» («Меридиан», 2007).

«Быт или не быт? Даже не вопрос!» («Телесемь», 2008).

Трансформация фразеологизма-заголовка может быть связана с изменением его формы.

«Проверяли – доверяй!» («Космополитен», 2010) - доверяй, но проверяй.

«Останься с носом» («Космополитен», 2010) - остаться с носом.

Во фразеологизм-заголовок может добавляться компонент.

«Не ловись, рыбка...» («Крестьянка», 1995).

«Если рыцарь, но скупой» («Крестьянка», 1995).

«Башиню не снесло, но крыша поехала» («Меридиан», 2008).

«Есть такая профессия – Родину в Страсбурге защищать» («Коммерсантъ», 2010).

«Когда «третий» совсем не лишний» («Лиза», 2007).

«Виталия Кличко заткнули за чемпионский пояс» («Коммерсантъ», 2003).

Единично во фразеологизмах-заголовках появление нового компонента происходит одновременно с заменой другого компонента.

«Говорит и доказывает Матросская тишина» («Коммерсантъ», 2003) - говорит и показывает Москва.

«Приднестровскому конфликту приказали долго тлеть» («Коммерсантъ», 2010) - приказать долго жить.

Трансформация фразеологизма-заголовка связана с перестановкой исходных компонентов.

«Пусто место свято не бывает» («Московский комсомолец», 2010) - свято место пусто не бывает.

Преобразование фразеологизма может быть обусловлено наложением фразеологизма на свободное словосочетание. Совмещение этимологического и актуального значений происходит на основе противопоставления.

«Мрачный контракт» («Glamour», 2009) - брачный контракт.

«Безопасные связи» («Космополитен», 2009) - опасные связи.

Проанализировав фразеологизмы-заголовки, можем сделать вывод, что они указывают на нечто большее – в них заложена информация об эпохе, традиции, национальной культуре и авторская позиция. Для полного понимания фразеологизма-заголовка необходимо учитывать его семантизацию. В большинстве случаев полное осмысление заголовка возможно в мегаконтексте на широком историко-философском фоне.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ВЕТЕР»/ «WIND» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящее время в научной литературе отмечается большой интерес учёных-филологов, лингвистов к проблеме изучения фразеологических единиц, объединённых общим компонентом (А. К. Фридзон, Ф.Ф. Фархутдинова, Н. П. Чернева, Н. А. Медведева, В. А. Лебединская, Е. Р. Ратушная, Ф.М. Белозёрова и др). Среди исследуемых компонентов отметим следующие: зоонимы, антропонимы, наименования цвета, феминная и маскулинная лексика, конкретные имена существительные, имена числительные, глаголы и проч. Возросший интерес к фразеологическому составу языка как к отражению национального самосознания лингвокультурных общностей, а также всё большее появление исследований, направленных на выявление своеобразия фразеологии отдельных языков свидетельствует об актуальности данной тематики.

В нашем исследовании мы рассматриваем фразеологические единицы с компонентом «ветер»/ «wind» в русском и английском языках. Данный компонент определяется нами как часть группы метеонимов – компонентов, обозначающих изменения погоды и её элементов – температуры, влажности, давления, электрического состояния, атмосферы, облачности, осадков, солнечного сияния, ветра и др. Среди метеонимов (от греч. «метео» - первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «метеорологический» и лат. «номен» - имя, название, наименование) мы выделяем ветер, гром, грозу, дождь, лёд, молнию, снег, туман (wind, thunder, thunderstorm, rain, ice, lightning, snow, fog) и т.д. Фразеологические единицы с компонентом «ветер»/ «wind» широко распространены как в русском, так и в английском языке. Составленная нами картотека включает 34 и 41 фразеологизм соответственно. Это говорит о высокой степени важности данного погодного явления в двух лингвокультурах. Неслучайно, в языческие времена силы природы наделялись магической властью и отождествлялись с божествами (не шути с огнём, **ветру** не верь; посеять **ветер**, пожать бурю; it's an ill **wind** that blows nobody good и т.д.). Под них подстраивал человек свой быт, укрощая стихию (жить, куда **ветер** дует; держать нос по **ветру**; попутного **ветра**; whence the **winds** lies; off **the wind**; mend your sail when the **wind** is fair и проч.). С погодными изменениями сравнивал обыватель окружающие его яв-

ления материального мира, умонастроения и современников (**ветер** в голове ходит; жить, куда **ветер** дует; с **ветерком**; бороться с **ветряными** мельницами; be (go) down the **wind**; hang in the **wind**; **wind** and weather и др.). Большая часть фразеологизмов с этими компонентами приобретает метафорический смысл, когда два предмета извлекаются из разных логических классов, отождествляясь на основе общих признаков и свойств (**ветер** свистит в кармане; с **ветра**; be in the **wind**; **wind** in the head и проч.), обозначая в обоих языках нестабильность, легкомысленность, безрассудство, внезапность, быстроту, отсутствие чего-либо, приспособленчество, грозную стихию. Это универсалии, объясняемые общностью человеческого мировосприятия. Анализ фразеологических единиц показал, что только в английском языке есть фразеологизмы, пришедшие из морского обихода (whence the **wind** lies; between **wind** and water; in the **wind's** eye; sail close to the **wind**; off the **wind**) и спортивной сферы (get (recover) one's **wind**; second **wind**), что свидетельствует о традиционном представлении Великобритании как морской островной державы и родоначальницы многих видов спорта. Русское слово «ветер» однозначно и трактуется «Толковым словарём русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как «движение, поток воздуха в горизонтальном направлении». В английском языке слово «wind» многозначное. «Oxford English Reference Dictionary» Judy Pearsall и Bill Trumble толкует «wind» в первом значении как «air in more or less rapid natural motion, esp. from an area of high pressure to one of low pressure. A current of wind blowing from a specified direction or otherwise defined», что соответствует русскому определению ветра. Во втором значении «wind» определяется как дыхание: «breath as needed in physical exertion or in speech; the power of breathing without difficulty while running or making a similar continuous effort». И это сказывается на семантике и этимологии английской фразеологии.

В результате деления русских фразеологизмов с компонентом «ветер» на семантико-грамматические классы (по классификации А. М. Чепасовой) мы выявили преобладание *процессуальных* (14) (бросать (кидать, пускать, швырять) на **ветер**; пойти (выйти) до **ветру**; ищи (-свищи, догоняй) **ветра** в поле; бороться с **ветряными** мельницами и др.). *Призначных* оказалось 10 (**ветер** на уме; подбитый **ветром** (**ветерком**), *качественно-обстоятель-ственных* - 8 (как (словно, точно, будто) **ветром** сдуло; не с **ветру**; с **ветерком**).

В английском языке, по классификации А. В. Кунина, преобладает класс *глагольных* фразеологических единиц с компонентом «wind» (23) (raise the **wind** – *жарг.* раздобыть денег; knock the **wind** out smb. – утомить, загнать кого-либо; lose one's **wind** – запыхаться, задохнуться; fly (go) to the **winds** – ис-

чезнуть бесследно; get (recover) one's **wind** *спорт.* – отдышаться; whence (where, how) the **wind** lies (blows). *Адвербиальных* – 7 (before (down) the **wind** – по ветру; like the **wind** – быстро, between **wind** and water (*морск.*) – на уровне или ниже ватерлинии (часть корпуса корабля ниже ватерлинии – более уязвима); самое уязвимое место; in the **wind's** eye (in the teeth of the wind) – (*морск.*) прямо против ветра), *номинативных* – 5 (bad (short) **wind** – одышка; broken **wind** – запал (у коня); second **wind** – (*спорт.*) второе дыхание; прилив энергии), *коммуникативных* – 5 (it's an ill **wind** that blows nobody good – нет худа без добра; sow the **wind** and reap the whirlwind – посеять ветер, пожать бурю, пострадать от своей неосторожности; a straw will show which way the **wind** blows – мал золотник, да дорог), *адъективных* – 1 (sound in the **wind** and limb – в отличной физической форме). Проследим полученные данные в таблице:

Название семантико-грамматического класса	Количество фразеологизмов		
	Русский язык	/	Английский язык
Процессуальные (глагольные)	14	/	23
Призначные (адъективные)	10	/	1
Качественно-обстоятельственные (адвербиальные)	8	/	7
Предметные (номинативные)	0	/	5
Коммуникативные	0	/	5

Итак, для русских фразеологизмов с данным компонентом характерны процессуальные, призначные и качественно-обстоятельственные классы. Для английских – глагольные, адвербиальные, предметные и коммуникативные. Это обусловлено спецификой языка, его строем и историческим функционированием. Число глагольных фразеологизмов с компонентом «wind» в английском языке значительно превышает количество процессуальных фразеологических единиц с компонентом «ветер» в русском. Синхронно-сопоставительный анализ фразеологического материала обнаружил и разную фразеологическую активность лексических единиц в русском и английском языках (34 и 41 соответственно). Это объясняется климатическими особенностями России и Великобритании, отношением человека к погоде и степенью интегрированности данной проблемы в языковую картину мира нации. Для Великобритании характерно проявление повышенного внимания к теме погоды, разговор об этом является обязательной составляющей любого диалога. А погода Лондона с её дождями, ветрами и облачностью давно стала символом переменчивости.

Таким образом, мы рассмотрели фразеологизмы с компонентом «ветер»/ «wind» в русском и английском языках, обнаружив черты сходства и

различия между ними. Тема однако же до конца не изучена и будет разрабатываться в направлении взаимодействия данных компонентом с другими компонентами группы метеонимов.

Список литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник/ А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. - СПб.: Фолио-Пресс, 2001. – 78-79 с.
2. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: 4-ое изд., стер./ И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1996. – С. 514.
3. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз./ А. В. Кунин. - М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
4. Лехин, И. В. Словарь иностранных слов: изд. 6-ое, перераб. и доп./ И. В. Лехин, С. М. Локшина, Ф. Н. Петров. - М.: Советская энциклопедия, 1964.- С. 402.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп./ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - Российская академия наук: институт русского языка имени В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 1999. - С. 77.
6. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие/ А. М. Чепасова. - Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.
7. Pearsall, Judy. Oxford English Reference Dictionary/ Judy Pearsall, Bill Trumble. – Varese : La tipografica Varese S. p. A., 2003. – P. 1656.
8. Siefring, Judith. Oxford Dictionary of Idioms/ Judith Siefring. - Oxford University Press, 2004. - 340 p.

С.А.Черницына

Кафедра общего языкознания

ЯЗЫКОВАЯ КАРТА СЕЛА КАМИНСКОЕ КУРТАМЫШСКОГО РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛОМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ – 2010)

Село Каминское расположено в 45 км от районного центра и в 135 км от областного. Село расположено на берегу реки Тобол. Каминское окружает река Тобол, озера Гаёво, Лебединое, Полой, Солонцы, Розуевское, Зенково. Село расположено на равнине. Одним из первых исследователей Сибири был Петр Симон Паллас. В своих «Путевых заметках» Паллас оставляет о Каминской слободе такие записи:

«Село состоит из 130 изрядных дворов, зажиточным хлебопашцам принадлежавших, тут есть и церковь и судный дом, и оно находится над смежным рукавом Тобола. Гаёв – исток называемым – за три токмо версты выше слободы из Тобола начинается и с полверсты ниже при деревне Игнашино опять с Тоболом соединяется. Во время зимы вода не имеет никакого течения, становится вонючею, при всем том во всей слободе не выкопано ни одного колодца. Слобода собственно получила имя свое от находящегося по другую сторону Тобола и на версту простирающегося глухого залива Камах, или Каминская курья называемого, который чаятельно произошел от разлития реки, которые здесь ежегодно весьма сильны бывают. Вообще здешняя страна весною столь водяна, что к низменностям не можно подступиться, чтобы не испужать водяной дичи, которая даже и самую реку покрывает, сему весьма способствуют многие близкие озера по западной от Тобола стороне находящиеся: тут обыкновенно водится и гнездится отменный род больших белых журавлей.

Лесом и дикими зверями страна сия также достаточна: в ней водятся лоси, а в некоторых болотных по окольности местах и дикие свиньи. Выгод лишились здешние и другие около Тобола поселившиеся жители от беспокойного киргизцев поведения.

Водится в Тоболе множество разных рыб, а особливо обыкновенных пород, между коими часто попадаются окуни и плотва с пол-аршина, а иногда и в три аршина. Язи здесь бывают также велики. Чебаков, пескарей и ершей есть здесь весьма довольно, из коих последних по некоторому суеверию не едят сколько они здесь не велики и не вкусны»

Глухой залив Камах позднее стали называть просто Камой, и мы её называем так, даже не задумываясь, что это тот самый Камах.

Старожилы села Каминское рассказывают, что они слышали от своих отцов и дедов, что первые поселенцы хотели обосноваться, может даже жили на Каме, но вследствие весенних разливов реки вынуждены были переменить место поселения. Часть их переправилась через Тобол, и на левой его стороне стали обосновывать свое жильё, а другая часть ушла за Ялым и там обустроились, и та и другая называются Каминка» [Паллас, 3].

Основал село Антон Захаров. В энциклопедии издания 1898 года записано, что Каминская слобода, Челябинского уезда, Оренбургской губернии, 240 верст от Челябинска при реке Тобол, основана в 1749 году при царствовании Елизаветы Петровны. Дворов в 1898 году было 368, населения 2296 человек. Крестьяне здешние были государственными.

С 1756 года Каминская слобода входила в Куртамышский уезд Исетской провинции. В 1900 году она стала волостным центром и входила в Че-

лябинский уезд Оренбургской губернии. С 1943 года – в составе Куртамышского района Курганской области.

В речи местных жителей сохранились отдельные языковые черты севернорусского наречия.

В фонетике – сильное яканье (неразличения гласных [e], [o] и [a] в 1-м предударном слоге: *нетух* [n'atux], *несу* [n'асу]); произношение долгих твердых шипящих [ш], [ж]: *Гу[ишы]но(часть села)*, *ра[ишы]тывать*; ассимиляция согласных: [бм]=[мм], [дн]=[нн]: *обман о[мм]ан*, *холодно холо[нн]о*. Наблюдается также косвенное отражение оканья в словах *робить*, *робята*, *Розуево*.

В морфологии – смешение вариантов склонения существительных: *церква*, *на лошаде*; односложные окончания прилагательных, возникшие из двусложных в результате стяжения гласных после выпадения j: *нова изба*, *молоды мы тогда были*; стяженные формы глаголов типа *знат*, *думат*, *высыхат*; отвердение постфикса возвратных глаголов: *боял[са]*, *боим[са]*, *бояла[с]*; усеченные формы местоимений: *с ей*, *за им*; частое употребление постпозитивной частицы -то, которая склоняется по родам: *церковь-та*, *лошадку-ту*, *на лошадке-те*; а также ряда других частиц: *нук*, *клуб-от*.

Лексика жителей села включает ряд слов, общих для северных говоров, таких, как *изба*, *квашня*, *озим(ь)*, *ухват*, *орать/арать (пахать)*, *жито (рожь)*, *шибко (очень)*, *баской (хороший, красивый)*, *запон (фартук)*, *корчага (чугунок)* и других. Ниже представлен словарь, составленный из просторечно-диалектных лексем, используемых в речи каминцев.

А

Алябушки – оладушки

Анодысь – вчера

Апосля – завтра

Б

Бакир – большое ведро

Баская, баской – красивый

Беремя – охапка чего-либо (дров)

Бокальник – железная кружка

Большуха, большак – старший ребенок в семье

В, Г, Д

Вечор – во второй половине дня

Волглая – влажная

Вязочки – связанная накидка на постельное бельё

Голбец – место для хранения законсервированных продуктов и овощей

Горшевик – кухонная тряпка

Грубьянка – соперница
Давеча – на днях (недавно)
Ж, З, И
Жито – рожь
Заваруха – запаренное размолотое на жерновах зерно
Загодя – заранее
Залёта – парень любимый
Запон – фартук
Затируха – каша из кукурузы
Зипуны – зимняя обувь из овечьей шерсти
Знамо дело – известная новость
Изба - дом
К
Катка – кадушка из глины
Калидор – прихожая
Квашня – жидкое тесто
Кимарить – дремать
Колок – небольшой лесок
Корчага – посуда для изготовления сусла
Край – часть села
Кринка – глиняная посуда
В куте – на кухне
Кулага – каша из ржаного солода
Л, М
Латка (латок) – глиняный горшок для теста
Летось – летом
Лонись – в прошлом году
Лыва – лужа
Мотовилы – палочки, на которые надевается моток ниток
Н, О
Намедни – накануне
Нонешны – в этом месяце, году
Обутки – обувь
Озимь – весенние всходы
Орать – пахать
П, Р
Повадилась – взяла привычку
Поперёшная – непослушная

Пособить – помочь

Рабаза – камыш для плетения половиков

Робить – работать

Робяты – дети

Рукомойник – умывальник

Рукотёр – полотенце

Рушник – полотенце

Пушке – сильнее

Пятистенка – изба из кухни и комнаты

С

Страм – мусор

Сумёт – сугроб

Т

Тогдысь – тогда

Токмо – только

Тутошни – местные люди

Тюрючок – моток или катушка ниток

Тюфайка – фуфайка, ватная куртка

Тятя – отец

У

Урыльник – умывальник

Ф,Х,Ч

Филейка – вышитый на сетке край одежды или постельного белья

Хаболда – беззаботная

Халда – громкоголосый человек

Чугунка – собир. чугунная посуда

Ш

Шабаркнуть – ударить

Шабаркаться – шуметь, стучать

Шваркнуться – упасть

Шопериться – делать что-то медленно

Шуруди – помешивать угли в печи

Ю

Юзгаться – возиться

Для синтаксической системы характерно использование конструкции «*о* + слово в местном падеже» для обозначения частей и целого: *собака о двух ногах, дом о шести окнах*; двойные сказуемые: *пойду поиграю, айдайте ешь-те, давай-ка слушай*.

Надо отметить, что все эти изменения в речи не регулярны и не частотны. Видимо, сказывается то, что практически не встречаются информанты, не получившие хотя бы начального образования.

Топонимическая система села включает в себя:

- **гидронимы:** названия рек – Тобол, Гаёва; озёр – Гаёво, Лебединое, Полой, Солонцы, Розуевское, Зенково, Могильное, Илистое, Каблуково;

- **ойконимы:** части села – Подборный, Зарека, Гущино, Край; улицы – Гагарина, Мичурина, Колхозная, Набережная, Советская.

- **оронимы:** Кошеев сад, Иванов бор, Юговская мельница, Ивинский мост, Зелёная гора. Названия урочищ являются составными. Как правило, в словосочетание входит географический термин и определяющее его понятие.

Выявленные топонимы можно разделить на подгруппы по основаниям наименования: **по антропониму** – Кошеев сад, Иванов бор, Юговская мельница, Ивинский мост, озёра Зенково и Каблуково, река Гаёва (река так называется потому, что у первого поселенца, который построил избу на берегу этой реки, была фамилия Гаёв), улицы Гагарина, Мичурина; **по свойствам, качествам** – Илистое, Гущино, Солонцы, Зелёная гора, Полой; **по месту положения** – Подборный, Зарека, Край, Набережная; **по смежному объекту** – Лебединое, Могильное, Каминское; по событиям, действиям – Розуевское озеро (здесь разувались, так как грязь озера лечебная); к чистым советизмам следует отнести название улиц Советская и Колхозная.

Как показывает анализ, наиболее характерным является антропонимический принцип наименования географических объектов. В местной топонимике, кроме общероссийских знаменитостей, отражены фамилии известных в Зауралье личностей: Кошеев и Югов.

Алексей Кузьмич Югов, лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького, публицист, историк, писатель, родился 23 марта 1902 года в семье волостного писаря, который после революции 1905 года, став политически неблагонадёжным, сменил профессию, переквалифицировался в мельника-плотинщика. Позже когда писатель так будет вспоминать о родных местах: «Тобол – река моего отрочества. Курган, Куртамыш и слобода Каминская (так по-старому именовалась она) – родные незабвенные места.... С какой явственностью встают на закате дней воспоминания детства, отрочества и юности, и какой отрадой наполняют они душу! Но не только дороги мне Тобол и люди Тобола, нет! Пусть никто не сочтёт это пристрастием к родному краю, если я с глубокой убеждёностью скажу: «Тобол протекает не столько по земле, но и по истории Отечества нашего!» [Югов, 6].

Кощев Александр Иванович(1889–1976) – знатный садовод, на каминской земле выращивал арбузы, дыни, яблоки таких сортов, что их демонстрировали в Москве на ВДНХ. Односельчане вспоминают, как Александр Иванович, сам всегда ходивший в залатанной одежде и живший впроголодь, на последние средства закупал саженцы плодовых культур, дневал и ночевал в саду. Яблоки из его сада целыми баржами вывозили по Тоболу [2].

Для местной топонимии характерно использование региональных географических терминов: **канава** – *кюветы по краям проезжей части, по которым текут ручьи, водные потоки*; **канал** – *протока между болотами или озерами*; **лыва** – *небольшой пруд, лужа*; **колок** – *небольшой низкорослый лесок*; **край** – *часть населенного пункта*; **полой** - *заливное, поемное место, глубокие ямины, куда поляя вода заливается, застаиваясь после межени* (все толкования географических терминов даны по монографии С.В. Плотникова, 4).

Наиболее характерные фамилии села – Найдановы, Яковлевы, Туголуковы, Быбины, Балыевы.

В селе нами были записаны частушки, в которых встречаются местные языковые приметы, песня о Каминке – неофициальный гимн села, местные дразнилки и потешки.

У моёго дорогого
Сапоги с калошами,
У моей-то *грубиянки*
Губы как у лошади.

Природа наша хороша,
Озёра примечательны,
Но и есть у нас в *Каминке*
Люди замечательны.

Я девчонка боевая
Из *Каминской волости*.
Могу любить, могу забыть,
На всё хватает бодрости.

За дальними далями,
синими реками,
В краю зауральском стоит
Селенье Каминское,

деревня сибирская,
Где *речка Гаёва* бежит.

Из записок Васильевой
Антонины Серапионовны

Диалектологическая практика студентов филологического факультета позволяет им познакомиться со всеми аспектами языковой картины мира отдельно взятого населенного пункта, местности, являющейся частицей их малой Родины – Зауралья.

Список информантов: Сыпачева Антонина Фёдоровна (1923 г.р.), Москвина Людмила Фёдоровна (1935 г.р.), Кошкарова Анна Александровна (1925 г.р.), Васильева Антонина Серапионовна (1932 г.р.), Найданова Нина

Ильинична (зав. библиотекой с. Каминское), Никитина Галина Витальевна (зав. школьным музеем).

Список литературы

1. Кузнецова, Н.А. Названия населенных пунктов отантропонимического происхождения / Н.А. Кузнецова// Русская ономастика. – Рязань, 1977. – С.124-139.
2. Каминское: Основная беда – безработица// Куртамышская нива.– 20 марта 2009 г.
3. Паллас, Пётр Симон. Путешествие по разным провинциям Российского государства [Электронный ресурс] / П.С. Паллас. – М.: РГБ, 2006. <http://old.rsl.ru:8080/table.jsp>
4. Плотников, С.В. Знакомые потоки / С.В. Плотников. – Юргамыш, 2001.
5. Рычков, Б.П. Куртамышская слобода / Б.П. Рычков // Сельская новь.– 1972.– № 4(27).
6. Югов, А.К. Собрание сочинений в 4-х томах/ А.К. Югов. – М., 1984.

Н.В.Шведова

Кафедра русского языка

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

Фразеологизмы разных семантико-грамматических классов могут номинировать состояние человека, связанное с отрицательными эмоциями. Среди них особо выделяются фразеологические единицы, имеющие категориальное значение «качественное состояние», например: *всё трын-трава, море по колено, жизнь не мила, не по себе, до фонаря, хоть кол на голове теши, (белый) свет не мил, не так, не эдак, без разницы, не до смеха, нет надежды, нет дела, песенка спета, по барабану, со (от) стыда голова долой, без разницы, все одно (едино, единственно)* и др. Названные фразеологизмы относятся к субкатегории «состояние одушевленного предмета», имеют групповое значение «эмоциональное состояние человека», а семантика состояния, связанная с отрицательными эмоциями человека, проявляется на подгрупповом уровне.

Например:

Русский человек... имеет странное свойство: как только завёлся у него в кармане грош — ему всё трын-трава и море по колено. *Н. Гоголь. Портрет.*

Впрочем, Володе пока что не было от всего этого ни холодно ни жарко... Слишком много он занимался делом, слишком много и сосредоточенно работал, чтобы помнить о том или о тех, кто в данное время исчез с его пути. *Ю. Герман. Дело, которому ты служишь.*

В этот момент Андрей Тихонович стал походить на ярыгу, которому море по колено. *Б. Леонтьев. Триумф Великого Комбинатора, или возвращение Остапа Бендера.*

Дорогомиллов начал прихварывать ранней осенью. Определённой болезни он не замечал, ему было просто не по себе. *К. Федин. Необыкновенное лето.*

По данным нашей картотеки, фразеологизмов, обозначающих состояние, связанное с отрицательными эмоциями человека, 132 единицы: *ад крошечный на душе (сердце), нет силы воли, нет слов, нет стыда (в глазах), (белый) свет не мил, весело как на кладбище, весело как на похоронах, все равно, все трын-трава, глаза на мокром месте, (и) горя мало, гора с плеч, до балды, до фени (феньки), до фонаря, душа в пятки (пятках), душа неспокойна, и смех и грех, не все ли равно, нет надежды, нет дела и др.* Исследуемые фразеологизмы могут обозначать:

- **состояние безразличия, равнодушия** (78 единиц), например: *безразницы, все одно (едино, единственно), все равно, все трын-трава, все хиханьки да хаханьки, (и) горя (горюшка) мало, до балды, да лампы (лампады, лампочки), до фени (феньки), до фонаря, закон не писан, как (будто, точно, словно, что) об стенку (в стенку) горох (горохом), как (будто, точно, словно, что) с гуся вода, как (будто, точно, словно, что) слону дробина, море по колено, не все ли равно, нет дела, ни жарко ни холодно, один фиг, один хрен, один черт (дьявол, шут), по барабану, по фиг и мн. др.*

Например:

Смердяков длинно помолчал, по-прежнему все тихо смотря на Ивана, но вдруг махнул рукой и отвернул от него лицо. - Чего ты? – воскликнул Иван. - Ничего. - Что ничего? - Ну, была, ну и все вам равно. Отстаньте-с. *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы.*

– Ну и дурак же ты, Петруха, а еще институт кончал! Так ведь недолго и копыта откинуть. Я – что! Мне все едино: хоть с косой, хоть без косы по лугу расхаживать. *Ф. Абрамов. Дом.*

– У вас леса порвана, - заметил я и тут же увидел, что возле Мартына Петровича ни лейки не оказывалось, ни червей... И какая могла быть ловля в сентябре?! - Порвана? – промолвил он и провел рукой по лицу. – Но всё едино! Он снова закинул свою удочку. *И. Тургенев. Степной король Лир.*

А, да ну вас, - приговаривайте, мне все одно... *А. Толстой. Петр I.*

- Чего это вас так шибко в город тянет? - Учиться «что тянет». А хирургом потом можно и в деревне работать. Мне даже больше глянется в деревне. - Что, много получают они что ли? - Наоборот, им платят мало. Меньше всех. Сейчас прибавили, правда, но все равно. *В. Шукшин. Космос, нервная система и шмат сала.*

- Ах да! – вырвалось вдруг у Ивана, и лицо его омрачилось заботой, - да, я забыл... Впрочем, теперь все равно, все до завтра, - пробормотал он про себя. *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы.*

- Слушай, - встал вдруг из-за стола Иван Федорович. – Я теперь точно в бреду... и, уж конечно, в бреду... ври что хочешь, мне все равно! Ты меня не приведешь в исступление, как в прошлый раз. *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы.*

Припадок обыкновенно кончался тем, что Мартын Петрович начнёт посвистывать – и вдруг громогласным голосом прикажет заложить себе дрожки и покатит куда-нибудь по соседству, не без удали потрясая свободной рукою над козырьком картуза, как бы желая сказать, что нам, мол, теперь всё трын-трава! Русский был человек. *И. Тургенев. Степной король Лир.*

«Господи, да для чего это я? – очнулся вдруг Митя, - коли уж проломил, то как теперь узнать... Да и не все ли теперь равно! – прибавил он вдруг безнадежно, - убил так убил... Попался старик и лежи!» - громко проговорил он и вдруг кинулся на забор, перепрыгнул в переулочек и пустился бежать. *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы.*

И, может быть, потому согласился, что мне наскучила жизнь и мне все равно. Но она может меня раздражить, и тогда мне будто уже не все равно; я обижусь и откажусь. *Ф. Достоевский. Бесы.*

- Постой, ведь и в самом деле смешала, может, и ты. Ну, чего спорить о пустяках; не все ли ему равно, кто его оттаскает, - засмеялась она. *Ф. Достоевский. Бесы.*

Такие фразеологизмы обозначают состояние отсутствия по отношению к кому-либо или чему-либо какого-либо интереса, вступают между собой в синонимические отношения, объединяются общим понятием «безразлично, безучастно, одинаково».

Если обратиться к шкале эмоций, то, на первый взгляд, состояние безразличия, равнодушия должно стоять на цифре 0, не примыкать ни к отрицательным, ни к положительным эмоциям. Однако такое состояние нельзя назвать нейтральным. В человеческой морали сложилось так, что безразличие и равнодушие мыслятся только как отрицательные состояния и стоят в одном ряду с апатией, черствостью, бесчувственностью, бессердечностью,

безучастностью, пассивностью и бездушием. Потому и А.П. Чехов писал: «Равнодушные – это паралич души, преждевременная смерть».

- **состояние человека, когда ему плохо, тревожно, тяжело** (45 фразеологизмов), например: *ад крошечный на душе (сердце), душа не на месте, душа беспокойна, камень на душе (сердце), карта бита, мальчики кровавые в глазах, не до шутки (шутки), не по себе, нет надежды, нет покоя, нет слов, свет не мил, сердце не на месте* и др.

Например:

Всем было как-то неудобно, не по себе, и даже ребятам! *В. Смирнов. Открытие мира.*

Было не до шуток, когда я почувствовал, что мне связали руки и ноги и потащили бог знает куда. *В. Одоевский. Imbroglia.*

Она впервые ясно осознала, что этому несчастному человеку не до шуток, что он болен душой и не находит себе места. *А. Чехов. Несчастье.*

Вдруг скользнёт нога, и летит смельчак в ледяную кашу. Э-э, тут уж не до шуток: бабы визжат, причитают, а мужики и парни — кто с жердью, кто с верёвкой — тащат его из воды, мокрого до нитки, озябшего, губы синие. *В. Болтышев. В Светлом Ключе.*

Говорит, что без Аркадия ей белый свет не мил. *А. Либина. Психология современной женщины: И умная, и красивая, и счастливая...*

- Да я вовсе не для того прошу тебя быть со мной! – с отчаянием произнесла Оля. – Ни о чем таком я и не думала... Просто мне как-то не по себе. Ты мне так нужен!.. *Т. Тронина. Отблеск безумной звезды.*

Насте стало не по себе. *А. Маринина. Не мигайте палачу.*

Ночью мне действительно было немножко не по себе. *А. Крон. Бессонница.*

Он видел, как в глазах матери металось страдание, которое она изо всех сил пыталась спрятать, и ему было не по себе. *В. Кондратьев. Отпуск по ранению.*

Стало не по себе: мало ли кто сидит в этой машине. *Ю. Нечипоренко. Инициация.*

От этого взгляда Григорию Валентиновичу стало не по себе. *А. Маринина. Не мигайте палачу.*

Фразеологизмы этого семантического множества могут обозначать отрицательно окрашенное состояние, для которого характерно ощущение неопределенности, ожидание негативных событий, трудноопределимое предчувствие; при этом причины тревоги обычно не осознаются (*душа не на месте, душа беспокойна, не по себе, нет надежды, сердце не на месте* и др.)

Другие фразеологизмы исследуемого множества обозначают состояние человека, которое наступило в результате определенных событий и является их результатом, например: *ад крошечный на душе (сердце), камень на душе (сердце), карта бита, мальчики кровавые в глазах, не до шутки (шутки), не по себе, нет покоя, нет слов, свет не мил* и др.

- **грустно, печально** (3 единицы), например: *весело как на похоронах, весело как на кладбище, глаза на мокром месте.*

Например:

Кошка страшно испугалась и старалась выпрыгнуть, а у старухи глаза были на мокром месте, потому что она думала, что кошку там, в лечебнице, отберут как заразно больную и усыпят. *Л. Петрушевская. Жена.*

Фразеологизм *глаза на мокром месте* обозначает состояние человека, которого легко довести до слез, плача; это своего рода оценка состояния, возникшего в результате какой-либо ситуации или чьих-либо действий, вследствие чего и появляется это состояние.

Фразеологизмы *весело как на похоронах, весело как на кладбище*, синонимичные друг другу, говорят о чувстве грусти, печали, скуки, испытываемом кем-либо в определенной обстановке, в кругу определенных людей.

- **морально-этическое состояние человека** (2 фразеологизма), например: *нет стыда (в глазах), ни стыда ни совести.* Названные фразеологизмы дают морально-этическую оценку человеку, о которого полностью отсутствует стыд, совесть

- **состояние, связанное с насмешкой, иронией; смешно** (2 единицы), например: *смеху подобно, хоть стой, хоть падай.*

Например:

- В эту бесконечную, сочиняемую на ходу песню вплетались такие ядерные слова и шутки, что хоть стой хоть падай. *В. Астафьев. Перевал.*

- Я ведь не просил его нисколько, а он сам мне торжественно ее передал и благословил. Смеху подобно. *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы.*

- **состояние, связанное со страхом** (1 единица – *душа в пятки (пятках)*), например:

- У меня душа в пятки. Сами посудите: тут – военный комендант, по бокам – два барбоса при шашках, а за спиной – фельдшерица. *С. Антонов. Царский двугривенный.*

Фразеологизм имеет значение «страшно», при этом внутреннее состояние человека обусловлено грозящим реальным или предполагаемым бедствием.

- **состояние, связанное с отсутствием воли** (*нет силы воли*) например:

- Ерунда, просто у людей силы воли нет, - гаркнул наставник. – Не смей перечить. Шагом марш на улицу. *Д. Донцова. Две невесты на одно место.*

Воля как свойство человека, проявляющееся в его способности сознательно управлять своими поступками, обеспечивает преодоление препятствий, успешную деятельность; отсутствие же воли отрицательно характеризует человека, делает его безвольным и слабым.

Фразеологизм *и смех и грех* занимает особое место, так как обозначает и положительные, и отрицательные эмоции одновременно, имеет синкретичное индивидуальное значение «трагикомично; смешно и грустно в одно и то же время», например:

И не ждите... Хуже будет... Сегодня – и смех и грех... *А. Толстой. Петр I.*

Смех и грех: навек почить, / Так и то на деле / Было б легче получить / Площадь в жилотделе. *А. Твардовский. Теркин на том свете.*

Среди фразеологизмов субкатегории состояния одушевленного предмета есть особая группа единиц, обладающая синкретизмом значения, так как исследуемые фразеологизмы могут обозначать как отрицательное эмоциональное, так и плохое физическое состояние человека (49 единиц: *хоть кровь из носу, хоть матушку-репку пой, хоть на стенку лезь, хоть от камень головой, хоть плачь, хоть плюнь, час от часу не легче, хоть караул кричи, хоть ложись да помирай, надо хуже, да некуда, хоть пулю в лоб, (белый) свет не мил, дальше ехать некуда, чертям тошно, деваться некуда, дела как сажа бела, дело табак, дело труба, дело швах, не легче от этого, нет выхода, нет жизни, нет кровинки в лице, нет лица, нет сил, хоть (что) в воду, хоть в гроб ложись, хоть в петлю лезь (полезай), хоть волком вой, хоть в омут (прорубь) с головой, хоть в пень головой, хоть головой об стену бейся, хоть зарежь, хоть криком кричи и др.). Их специфика состоит в том, что часто эмоциональное и физическое состояния тесно связаны и отделить одно от другого очень сложно.*

Например:

Алена Гордеевна их на берегу провожала, все крестилась, гуси аж в воду залезли, на невесте лица нет, он тоже бледный. *А. Варламов. Гора.*

- На повороте в коридоре чуть не упал. Его схватила какая - то женщина с портфелем: - Что с вами, товарищ? На вас лица нет! *Н. Островский. Как закалялась сталь.*

Она словно бы молчаливо осуждала его за что – то, и лицо ее было сухим, серьезным – ни кровинки в лице. *В. Потанин. Легкая.*

Фразеологизмы, обозначающие плохое физическое состояние человека, одновременно характеризуют и эмоциональное состояние, связанное с отрицательными эмоциями.

Таким образом, исследуемые фразеологизмы могут обозначать разнообразные отрицательные психо-эмоциональные состояния человека, которые наступают помимо его воли, являются результатом воздействия внутренних и/или внешних факторов. Среди изученных фразеологических единиц наиболее представленными оказались семантические множества, номинирующие состояние безразличия, равнодушия, а также состояние человека, когда ему плохо, тревожно, тяжело.

*И.В. Щурова, А.М. Коноплева,
Кафедра общего языкознания*

КОНЦЕПТ «ТАШКЕНТ» В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ»

В лингвистике XX - начала XXI веков интенсивное развитие получило такое направление, как когнитология. В связи с утверждением антропоцентрической парадигмы в центре внимания исследователей часто находится языковая картина мира и ее составляющие – концепты. В нашей работе на базе лингвокогнитивного описания языка исследован художественный концепт в романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы».

Роман Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» назван по известной джазовой пьесе Джимми Мак-Хью «On The Sunny Side of the Street». Это автобиографическое произведение, в котором Ташкент является героем, местом действия и предметом рефлексии персонажей. Рубина воссоздает ушедший Ташкент не только собственной памятью, но и памятью бывших жителей города. Благодаря личному знакомству автора с городом в тексте романа встречается множество микротопонимов – названий реальных улиц, площадей, достопримечательностей Ташкента.

В настоящее время можно обнаружить разные подходы к определению концепта. В лингвокультурологических исследованиях концепт понимают как воплощение культурной, исторической памяти народа [Колесов, 1992; Степанов, 1997; Карасик, 2004; Алефиренко, 2002]. Психолингвистов интересует индивидуальное начало в этом феномене [Залевская, 2001; Фрумкина, 2001]. Одним из основных аспектов анализа концепта является лингвоког-

нитивное направление [Кубрякова, 1994; Бабушкин, 2001; Попова, Стернин, 1999, 2003, 2007]. Наиболее обстоятельно данная проблема рассмотрена в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина, в которых концепт – «комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои» [Попова, Стернин 2003: 12].

Основным постулатом когнитивной лингвистики является мысль о том, что концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации. Совокупность языковых средств, вербализующих концепт в конкретном произведении или в языке в целом, называется *номинативным полем концепта*. Мы также считаем, что для построения номинативного поля художественного концепта необходимо проанализировать не только лексические средства его вербализации, но и синтаксические конструкции (характеристика ССЦ), представляющие целостные ситуации, картины, ментальные схемы.

На основе когнитивного анализа художественного текста возможна реконструкция модели концептуальной картины мира автора или выявление фрагментов её содержания – концептов. Современная наука при исследовании художественного текста, языка отдельного автора всё чаще рассматривает концепт в рамках идиостиля.

Очень важным моментом, связанным с исследованием концептов, является методика их анализа. В нашем исследовании мы опирались на *методику лингвоконцептологического описания концепта*, предложенную З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2007: 232-296].

1. Первым этапом является построение номинативного поля концепта «Ташкент» (представляющее собой описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки). В нашем исследовании выделены два основных уровня выявления концепта «Ташкент» — лексический и синтаксический. В тексте романа мы обнаружили лексические средства реализации концепта «Ташкент» (*глинобитные заборы; саманные переулки; школа имени Успенского; эвакуация; азиатский город и др.*) и синтаксические средства. Синтаксический способ выражения значения означает нелокализованность смысла в отдельной лексеме. Мы рассмотрели синтаксические конструкции (главным образом, ССЦ), представляющие не просто атрибуты города, но развёрнутые картины, ментальные схемы, целостные ситуации, которые позволяют составить более полное представление о концепте «Ташкент», например: *«Представьте, что на некий азиатский город сваливается миллион вшивого, беглого оборванного люда... На вокзал при-*

бывают эшелоны за эшелонами, город уже не принимает. И это разносится по вагонам, люди передают друг другу: «Город не принимает... не принимает... не дают прописку».

Таким образом, номинативное поле концепта «Ташкент» составляют прямые номинации, реализующие концепт в романе, и ассоциативные характеристики Ташкента, представляющие целостные ситуации, картины.

2. Вторым этапом исследования концепта является анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.

Рассмотрев дефиницию слова *Ташкент* в Большой Советской Энциклопедии (мы опирались на словарную статью в энциклопедии советского периода, потому что именно это время изображено в исследуемом романе Д. Рубиной): 1. «*Столица Узбекской ССР, центр Ташкентской области*»; 2. «*Крупный промышленный транспортный узел*»; 3. «*По численности населения — 4-й город СССР (после Москвы, Ленинграда и Киева). На 1 января 1975 было 1595 тыс. жителей*»; 4. «*Культурный центр СССР*», мы выделили два семантических плана концепта «Ташкент»: 1. Административно-территориальное образование, являющееся столицей Узбекистана, характеризующееся определённым характером застройки её составом и функционалом. 2. Люди, проживающие в данном образовании и отличающиеся определённым образом жизни.

Анализ лексического строя романа показывает, что концепт «Ташкент» представлен такими группами лексем, как 1) обозначения микротопонимов, 2) наименования учреждений, организаций. Данные номинативы образуют картину города, в которой номинатив *мечеть*, например, — это маркёр религиозной ситуации в Ташкенте, в котором господствующей религией является ислам. Второй план — это проживающие в Ташкенте люди, которые, по мнению автора, «не теряются нигде», у них определённые манеры, характер, менталитет и т.д. Например, с помощью названий национальностей (*узбеки, русские, татары, армяне, евреи и др.*) создается полиэтническое поле романа.

Опираясь на Малый академический словарь, мы выявили также ассоциативные характеристики концепта. Это, к примеру, слова *эвакуация, эвакуировать* — организованный вывоз людей, из одной местности в другую для предохранения от опасности во время войны. Во время Великой отечественной войны Ташкент превращается в спасительный локус, в город стекаются народы со всех концов империи. Второй план выражения представлен такими, например, ассоциативными характеристиками, как *беспризорники* — бездомные, живущие на улице дети, которыми был полон Ташкент времен Великой Отечественной войны и др.

Анализ синтаксических конструкций (ССЦ, предложений) позволяет определить характеристики города Ташкента, которые дают ему персонажи романа, например: *«Вот живешь ты у себя в Солт-Лейк-Сити лет эдак тридцать, а снится тебе ночами Шейхантаур, сине-лазурный орнамент на мавзолее шейха Хавенди Тохура... кладбище, мечеть... Да, Шейхантаур... это был город в городе, знаете... Такой Багдад: путаный бесконечный лабиринт переулков, тупиков, бесчисленного множества узбекских дворов...»* – ностальгическое, положительно окрашенное воспоминание о городе детства. Оппозиция Ташкент – Солт-Лейк-Сити дает основание сделать вывод о том, что Ташкент – место праздника, веселья и радости, город-мечта.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств осуществляется как обобщение семантических признаков, образующих номинативное поле концепта, и формулирование тех когнитивных (ментальных) признаков концепта, которые репрезентируются различными, но сходными по семантике языковыми средствами.

Представив перечень когнитивных признаков, выраженных лексическими и синтаксическими средствами, в порядке убывания, обобщим содержание концепта: *Атрибуты города Ташкента, микротопонимы (79), солнечный (22), преступный (19), исчезнувший (14), душистый, ароматный (1)4, хороший (12), шумный (12), родной (11), многолюдный (10), многонациональный (7), место спасения (5), город-мечта (3), гостеприимный (3), чужой (2), слабый (2), тихий (2), плохой (2), город – живой организм (1).*

4. Моделирование концепта.

Первым этапом моделирования концепта является описание макроструктуры концепта, включающей как образный компонент, информационное содержание и интерпретационное поле.

Образное содержание концепта включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления героев и рассказчиков о городе Ташкенте, а также когнитивный образ, который отражает смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами. Перцептивный образ концепта «Ташкент» включает: зрительный образ (20 – 6%); звуковой образ (16 – 4,5%); обонятельный образ (14 – 4%). Таким образом, перцептивный образ составляет 14,5% от общего количества когнитивных признаков. Когнитивный образ представляет собой уподобление города качествам людей. В качестве когнитивных образов интерпретируются метафорические и метонимические характеристики денотата концепта: моральные качества (5 – 1,5%); психические качества (2 – 0,6%); физические качества (3 – 0,9%). Когнитивные образы составляют 3,5% всех когнитивных

признаков. Образный компонент в целом объединяет 18 % когнитивных признаков, образующих содержание концепта.

Информационное содержание концепта образуется когнитивными признаками, характеризующими сущность и дифференциальные составные элементы исследуемого концепта. Информационное содержание концепта «Ташкент» образуется следующими когнитивными признаками: столица Узбекистана (1%); определённый характер застройки, топонимика города (24%); жители города Ташкента (многонациональность, занятия жителей, их образ жизни) (11%). Информационное содержание концепта «Ташкент» составляет 36% содержания концепта.

Интерпретационное поле концепта объемно и включает многочисленные когнитивные признаки, характеризующие отношение автора романа к городу Ташкенту и различные энциклопедические знания о его признаках. В интерпретационное поле концепта «Ташкент» входят следующие когнитивные признаки: оценочная зона: хороший (4%), плохой (0,6%), город-мечта (1%); энциклопедическая зона: многолюдный город (3%), многонациональный (2%), экономически неблагоприятный, преступный (6%), шумный (4%), тихий (0,6%), ароматный, душистый (4%), исчезнувший (4%), солнечный, жаркий (7%), место спасения (1,5%), социально-культурная зона: коснулись исторические события (4%), чужой (0,6%), родной (3%). Интерпретационное поле концепта «Ташкент» в целом составляет 46% его когнитивного содержания.

Вторым этапом моделирования концепта является описание полевой организации выявленных когнитивных признаков – выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта, и представление концепта в виде полевой структуры. Членение содержания концепта на ядро и периферию осуществляется по критерию яркости когнитивных признаков.

Полевая структура концепта «Ташкент» в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» представлена в следующем виде:

ядро: *Атрибуты города Ташкента, микротопонимы 79; солнечный 22; преступный 19*; ближняя периферия: *исчезнувший 14; душистый, ароматный 14, хороший 12, шумный 12, родной 11, многолюдный 10*; дальняя периферия: *многонациональный 7; место спасения 5; город-мечта 3; гостеприимный 3*; крайняя периферия: *чужой 2, слабый 2, тихий 2, плохой 2, город – живой организм 1*.

Общие выводы лингвоконцептологического исследования, которые можно сделать после завершения процедуры описания и моделирования концепта «Ташкент» в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы», таковы.

Образный компонент составляет 18% содержания концепта. Большинство признаков образного компонента входят в ближнюю периферию концепта. В светлых детских воспоминаниях бывших ташкентцев Ташкент – место радости и веселья, город солнца и тепла. Представленные в содержании концепта образы формируются органами зрения, слуха и обоняния, причем преобладает зрительный образ (6%). Перцептивный образ в структуре концепта является более ярким, доминирующим, что позволяет автору создать впечатляющую картину города и оказать максимальное воздействие на сознание читателя. Когнитивные образы носят преимущественно морально-психологический характер, на основе метафорического переноса город становится живым, ему приписываются человеческие характеристики, он способен производить какие-либо действия и влиять на ход жизни героев романа.

Информационное содержание исследуемого концепта составляет 36% его содержания, что является весьма высоким показателем, нетипичным для художественного произведения. Это обусловлено личным знакомством автора с Ташкентом, стремлением нарисовать картину города, обозначить реальные места, вокруг которых разворачивались события романа. Наиболее информативным является признак *Определённый характер застройки, топонимика города* (24%). Бывшие жители Ташкента также пытаются восстановить в памяти городские пейзажи, вспоминают названия улиц, площадей, места учебы и работы. Большая часть информационного содержания входит в ядро концепта, поэтому информационное содержание – определяющая составляющая в структуре рассматриваемого концепта.

Интерпретационное поле концепта «Ташкент» составляет 46% содержания концепта. Оно доминирует в концепте и включает многочисленные когнитивные признаки, характеризующие отношение автора и героев романа к своему Ташкенту. Наиболее заметной в интерпретационном поле концепта является энциклопедическая зона (32%), что свидетельствует о близком знакомстве с городом автора и его героев. Признаки *солнечный* и *преступный*, входящие в ядро концепта, также относятся к энциклопедической зоне. Эпитет «солнечный», как элемент заглавия романа «На солнечной стороне улицы», является доминирующим цветовым и световым пятном всего произведения. Ташкент – азиатский город, поэтому образ солнца, света неразрывно с ним связан. Солнце в романе выступает не только как источник света, но и как источник жизни: *«Солнце – вот что нас спаяло, слепило, смешало, как глину, из которой уже каждый формовал свою судьбу сам. Нас вспоило и обнимало солнце, его жгучие поцелуи отпечатывались на наших облупленных физиономиях. Все мы были – дети солнца»*. В романе солнечные, теплые,

светлые эпизоды чередуются с мрачными, холодными, что создает целостную гармоничную картину города. Преступный – второе лицо города, его обязательный атрибут. Обилие воров, мошенников, карманников на улицах Ташкента не вызывает у автора каких-либо отрицательных эмоций, принимается им как неизбежность, показатель того беспокойного времени.

Таким образом, в тексте романа концепт «Ташкент» имеет достаточно объемное информационное содержание и многочисленные интерпретационные признаки. Из 3 когнитивных признаков, образующих ядро содержания концепта, два (*солнечный, преступный*) представляют интерпретационное поле концепта и один, очень яркий (*атрибуты города Ташкента, микропонимы*) – его информационное содержание. Отметим, что интерпретационное поле демонстрирует в своем содержании противоречивые характеристики (что является характерным признаком интерпретационных полей концептов вообще): Ташкент концептуализируется как *хороший* (12) и *плохой* (2), как *шумный* (12) и *тихий* (2), как *родной* (11) и *чужой* (2). Особенность анализируемого текста состоит в том, что в нем нет единого образа адресанта (отправителя текста), поэтому концепт «Ташкент» реализован через множественность точек зрения. Большинство соавторов искренне любит Ташкент (это подтверждают соотношения *хороший* 12 и *плохой* 2; *шумный* 12 и *тихий* 2; *родной* 11 и *чужой* 2).

В целом можно сделать вывод, что Ташкент в романе Дины Рубиной предстаёт как непостоянная, находящаяся в динамике сущность, имеющая множество сторон. Город мыслится как живой организм, полный света и солнца. Ташкент может быть тихим и шумным, щедрым и вороватым, прекрасным и грязным. Анализ текста произведения дает нам основание утверждать, что именно Ташкент является главным героем романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы».

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. - М.: Academia, 2002.
2. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. - С. 52-57.
3. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. - С. 36-45.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

5. Колесов В.В. Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1992. Вып.3 (16). - С. 30-40.
6. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». - СПб.: «Златоуст», 1999.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. (КСКТ).
8. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // ВЯ — 1994, №4. — С. 26-34.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. - Воронеж, 1999.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2. - Кемерово, 2003. С. 6-16.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. — М., 2007.
12. Рубина Д. На солнечной стороне улицы: Роман / Дина Рубина. — М.: Эксмо, 2008.
13. Словарь русского языка: в 4х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз, под ред. А.П.Евгеньевой.
14. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. — Волгоград, 2004.
15. Соснин А.В. Средства вербализации концепта «Лондон» в английском культурном пространстве. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Ниж. Новгород, 2007.
16. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
17. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. - С. 58-65.
18. Ташкент // Большая советская энциклопедия под ред. Введенской. Т.42, с.22-25.
19. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. - М.: «Академия», 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Анохина С.В. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ И.А.БУНИНА	3
2. Белозерова Ф. М., Зыков А.В. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОМИЧЕСКОГО НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)	10
3. Гаева Е.В. ОБ ОДНОМ КОММЕНТАТОРСКОМ «КАЗУСЕ»	17
4. Гончарова Н.В. ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА	20
5. Горева О.Н, Ратушная Е.И. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ <i>ПТИЦА/OISEAU</i> , ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	28
6. Гришкова Л. В. ЭКФРАСИС – РИТОРИКА – СТИЛЬ	32
7. Иванова Е.А. ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КОМПОНЕНТОВ-ЛИЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА ПО СОЦИАЛЬНЫМ СВОЙСТВАМ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ)	40
8. Иванова Е.Е., Вершинина М.А. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОМАТИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ С. ЕСЕНИНА	45
9. Кабыш В.И. РОЛЬ ГЛАГОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ ПРИЧИННОСТИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАУЗАТИВАХ	56
10. Казенас О.А., Чихирникова Ю.С. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ФРАНЦУЗСКОЙ СЕМЬИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ XX в.	60
11. Коваленко С.С. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СЦЕНАРИЯ СОБЫТИЯ В НОМИНАТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ	65
12. Кувалина С.С., Истомина Е.Н. МЕТАФОРА В РОМАНЕ А. ПРОХАНОВА «ЧЕЧЕНСКИЙ БЛЮЗ»	70
13. Кудрина Н.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ, В ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ	83
14. Медведева Н.А. ФУНКЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ	88
15. Острянина Е.П. ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	94
16. Пережогина А.А., Дробышева О.Д. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	99
17. Подкорытов А.П ФЛОБЕРОВСКИЙ СТИЛЬ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ	108
18. Портнягин Д.В. КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА «ДУХОВИДЕЦ»	113
19. Растегаева И.А., Хусаинова Д.Г.	

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОМАТИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ «BRAS», «MAIN», «PIED», «TÊTE» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	120
20. Ротанова Н.М. СЛОВНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ МИХАИЛА ВЕЛЛЕРА «ЛЕГЕНДЫ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА».....	125
21. Савельева М.В. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ЛИЦА И ЧИСЛА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ: СПЕЦИФИКА НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	136
22. Сапожникова Г.И. ПРИЗВАНИЕ ИЛИ ЗАРАБОТОК – КАК В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ОТРАЖАЮТСЯ ИЗМЕНЕНИЯ В ОЦЕНКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.....	145
23. Сысуева Р.П. РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА 1858 ГОДА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯНАХ ДЕРЕВНИ РУСАКОВОЙ УСТЬ-СУЕРСКОЙ ВОЛОСТИ КУРГАНСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	150
24. Туркина Б.В., Туркин О.М. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ.....	153
25. Фёдорова К.Л. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ВЕТЕР»/ «WIND» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	156
26. Черницына С.А. ЯЗЫКОВАЯ КАРТА СЕЛА КАМИНСКОЕ КУРТАМЫШСКОГО РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛОМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ – 2010).....	159
27. Шведова Н.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА».....	166
28. Щурова И.В., Коноплева А.М. КОНЦЕПТ «ТАШКЕНТ» В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ».....	172

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

Сборник научных трудов

ВЫПУСК 3

В авторской редакции

Подписано в печать	Формат 60*84 1/16	Бумага тип № 1
Печать трафаретная	Усл.печ. л. 11,38	Уч.-изд. л. 11,38
Заказ	Тираж	Цена свободная

РИЦ Курганского государственного университета.

640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.

Курганский государственный университет.